

Искатель 2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1984

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

Искатель 2

ФАНАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1984

ВОКРУГ СВЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

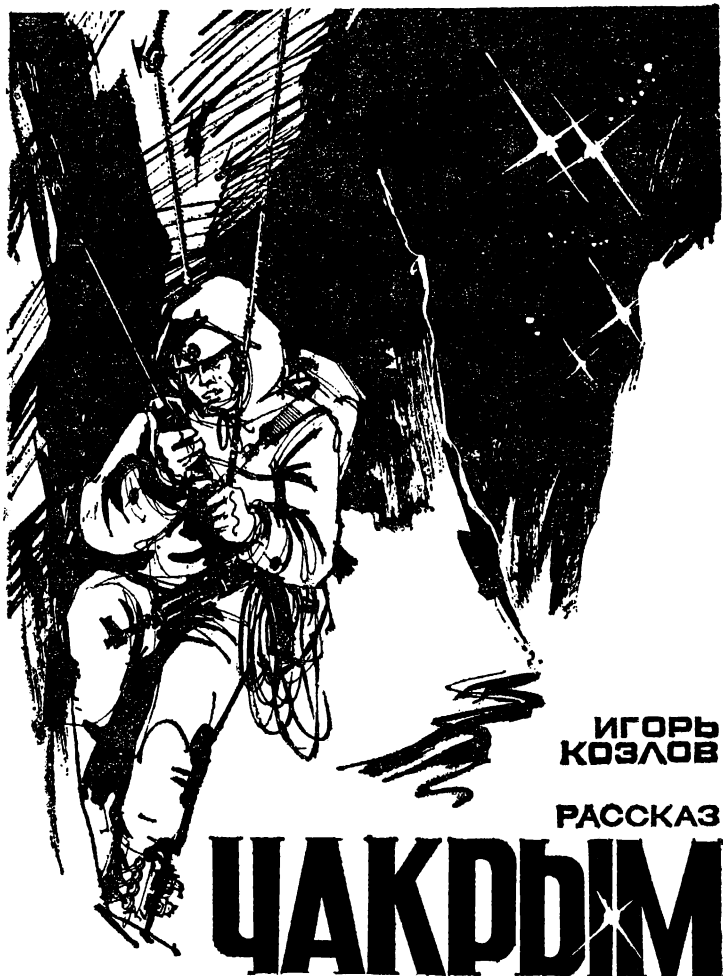
Игорь КОЗЛОВ — Чакрым	2
Александр КАЗАНЦЕВ — Колокол Солнца	17
Валерий ПРИВАЛИХИН — Таежный детектив	70
Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕНКО — Планета звезды Эпсилон	95

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 140

«Искатель», 1984, № 2, 1—128, издательство «Молодая гвардия».
Выходит 6 раз в год. Распространяется только по рознице.

© «Искатель», 1984 г.

**ИГОРЬ
КОЗЛОВ**

РАССКАЗ

ЧАКРЫМ

Граница проходила по бурной речушке. Берега — узенькие тропки, а над ними взметнулись гладкие, отполированные дождями и ветрами гранитные стены. Если стоять на дне каньона, то кажется, что там, наверху, эти стены сходятся. На самом деле расстояние между ними метров триста.

К вечеру в каньон вползла гроза. И начальник заставы старший лейтенант Ларин специально повел молодых пограничников «на обкатку».

— Ой, шо ж це таке?! — испуганно воскликнул долговязый солдат. — Автомат прямо гудеть! А зараз искра с него соскочила!

— Не волнуйтесь, рядовой Петренко, — спокойно сказал начальник заставы. — Это горы, привыкайте... Повысилась электризация воздуха.

— А не убье? — Петренко тревожно глянул на темнеющее небо.

— Умелого пограничника ничто и никто «не убье», — усмехнулся старший лейтенант.

Первый разряд ударил, как всегда, неожиданно. Молния на миг осветила напряженные лица солдат. Гулкий громовой раскат потряс горы, звонкое эхо заматалось между стенами каньона.

— Ну и ну!.. — восторженно прошептал кто-то. — Как в аду!

— Разговорчики! — строго одернул начальник заставы. — Во время вспышек наблюдайте за поверхностью реки...

Гроза набирала силу. Гром грохотал не переставая, как автоматическая пушка. На острых выступах запылали огни Эльма*.

Грянул очередной раскат, и начальник заставы, напрягшись всем телом, впился глазами в узкую горловину теснины, где блеснули странные вспышки — сначала на сопредельной стороне, а потом — всего на мгновение позже! — на нашей.

Он знал, такое бывает: от грозового облака вниз, почти невидимый, медленно летит слабый разряд — «лидер». Он прокладывает ионизированный путь для последующих, возвратных молний. Иногда «лидер» ветвится, и тогда вторичные разряды, исходя из нескольких точек поверхности земли, сливаются вверху в один поток.

Но эти вспышки не слились.

Старший лейтенант Ларин вспомнил, как третьего дня наблюдатель докладывал, что на край плато за рекой выходили какие-то люди. И в его сознании неожиданно, как сигнал тревоги, прозвучало хорошо понятное каждому пограничнику слово «переброс». Где-то там, в глубинах мозга, заработали невидимые часы, начавшие отсчет времени, а перед мысленным взором, словно на экране, возник маршрут лазутчика. Он был уверен в правильности своей догадки.

Сверху ударила молния, озарив все вокруг жутким голубоватым светом. Гафар съехался от страха, не понимая, где сейчас находится: жив или душа уже где-то там, на пути в рай после того, как адская машина стремительно подняла его над черной бездной ущелья.

— Саиб, саиб...** — жалобно, как козленок, позвал он.

Из темноты выплыла огромная фигура Кадыр-хана.

— Здесь я, Гафар. У тебя все в порядке, ноги целы?

— Кажется... О аллах, дай мне силы! Командон-саиб, разреши, я совершу священный намаз?

* Огни Эльма — физическое явление, свечение электрических разрядов на острых концах различных предметов, возвышающихся над земной поверхностью. Свое название получило в середине века в Италии от церкви св. Эльма, на башнях которой оно часто наблюдалось.

** Саиб — хозяин. Командон-саиб — командир.

— Нет. Ты же знаешь, аллах освобождает путников от молитвы. Нам нужно спешить.

Кадыр-хан помог юноше отстегнуть ранцевый реактивный двигатель.

— Неси его за тот камень. Там мой лежит. Спрячем — они еще пригодятся.

Гафар дрожащими руками схватил баллоны, потащил за валун. Кадыр-хан включил фонарик, пятном света указал, куда следует положить. Затем достал из рюкзака свернутую в трубочку серую материю, скользкую, непромокаемую. Они тщательно укрыли перенесшие их через каньон аппараты, забросали мелкой щебенкой.

— Пойдем, — сурово сказал Кадыр-хан. — С рассветом мы должны выйти на гребень.

Гроза бушевала, яркими вспышками освещая дорогу. Впереди лежало мертвенно-белое пространство, окруженное со всех сторон снежными вершинами. Дул сильный холодный ветер, но им было тепло в этих диковинных костюмах. Как их назвал янки? Скафандры... Кадыр-хан криво ухмыльнулся.

...Он ждал их тогда у входа в пещеру всю ночь. Но только под утро на тропинке из мрака появился маленький караван. Первым шел рыжий Фред, давний партнер Кадыр-хана по перепродажке наркотиков в Пакистан, за ним еле волочил от усталости ноги неизвестный чужеземец. Два сухощавых горца-пуштуна несли на носилках объемистый тюк. Замыкал колонну худой юноша с лицом аскета.

— Салам алейкум, — переводя дыхание, сказал Фред. — Трудный теперь путь. С хребта на хребет. В долинах сарбазы* гарнизоны разбили. Неуютно у вас стало...

Кадыр-хан промолчал. Поздоровавшись с гостями, повел их в пещеру, где на углях стоял горячий чай. Таков обычай: сначала путника накорми, напои, обогрей, а потом уже о делах расспрашивай.

Пришельцы с жадностью набросились на лепешки, обжигаясь, прихлебывали кипяток. Насытившись, Фред и голубоглазый «инглиз» отозвали Кадыр-хана.

— Большое дело нужно совершить, — торжественно сказал Фред, когда они уселись на принесенный тюк. — Этот человек, — Фред кивнул на «инглиза», — специально приехал из Америки. Он там в конторе работает, которая разведкой занимается. Они о тебе знают...

Кадыр-хан молча кивнул головой.

— Неверные через реку мост строят, слышал? Повезут по нему трактора, машины, зерно... Совсем плохо вам будет! Дехканин что собака — кто приласкал, тому и служит. Что думаешь?

— Пожалуй, так, — сдержанно ответил Кадыр-хан, догадываясь, куда клонит Фред.

— Мост нужно взорвать... Но с нашей стороны не подходишь — на равнине всюду сарбазы... Этот бача**, Гафар, учился

---

* Сарбаз — солдат национальных вооруженных сил ДРА.

** Б а ч а — парень.

в специальном лагере. Он умеет... Мы хотим, чтобы ты провел его через горы, подошел с тыла...

— Фред, я похож на безумца? — усмехнулся Кадыр-хан. — Ты меня сколько лет знаешь?.. Скажи, зачем мне голову в капкан совать?

— Ты неправильно понял. Парень этот фанатик, раньше в медресе учился. Ему внушили, что он «острие аллаха». Гафар готов принести себя в жертву во имя аллаха. Но такой человек хорош на последнем этапе операции. А к месту его должен доставить умный поводырь. Ты. Сам уйдешь тем же путем. Пятьдесят тысяч получишь... Но самое главное: принято решение — после успешной операции забрать тебя отсюда в контору. Будешь консультантом по особым акциям. Хватит тебе по горам скакать. Пора перебираться в цивилизованное общество.

— Все продумано до мелочей, — вступил наконец в разговор «инглиз». — Смотри... — Он достал карту.

— Товарищ старший лейтенант, а вы не предлагаете альпинистскую авантюру? — По чуть заметному напряжению в голосе начальника пограничного отряда полковника Шрамова Ларин понял, что его сообщение принято всерьез.

— Никак нет, — как можно увереннее ответил он. — Нарушителя нужно взять именно сейчас, на плато. Иначе утром он встанет на маршрут, и тогда придется блокировать весь район. Посмотрите сами, оттуда веером расходятся хребты. По какому он пойдет?.. — Ларин знал, что прямо перед начальником отряда висит на стене большая карта.

— Хорошо... — после небольшой паузы снова заговорил полковник. — Но разве один вы сможете совершить такое восхождение?

— В отрядном госпитале служит лейтенант Белов. Я его знаю, когда-то, в юности, ходили в одной связке. Нужно срочно доставить его на заставу.

В 00 часов 17 минут Колю Белова разбудил посыльный из штаба.

— Приказано срочно доставить вас на заставу старшего лейтенанта Ларина. Машина ждет.

За рулем сидел сам начальник автотранспортной службы капитан Пахомов.

— Иван Петрович, вы что, угробить меня хотите? — недовольно буркнул Белов, когда «уазик», подпрыгнув на ухабе, вылетел на рокадную дорогу. — Что там у Ларина... внезапные роды?

— Не знаю, Коля, — не оборачиваясь, сказал капитан. — Велено за час домчать.

...Автомобиль влетел во двор заставы, фыркнув, остановился — от двигателя валил пар.

— Приехали, — опустошенно произнес Пахомов и откинулся на сиденье.

Едва Белов вылез из кабины, к нему подбежал дежурный, отдал честь, торопливо сказал:

— Товарищ лейтенант, вас ждут в канцелярии.

Ларин, освещенный яркой лампой, стоял в центре комнаты.

Он был в штормовом костюме, на ногах — мягкие ботинки из прочной прожиренной юфти, подбитые стальной оковкой — триконями. Николай сразу заметил, что в углу лежали ледорубы, рюкзаки, бухта основной веревки, репшнур с карабином, связки крючьев.

— Здравствуй, Сережа. Что это ты вытаскиваешь людей из постели посреди ночи? — шутливо начал он.

— Здравствуй, Коля... Давай сразу договоримся: мы в армии, а не в альплагере на Кавказе. С этой секунды я для вас старший лейтенант Ларин, вы для меня — лейтенант Белов.

— В горах все равны. Ты что, забыл?

— Мы с вами идем не просто в горы, а на боевое задание...

Как стремительно меняется погода в горах! Кончилась гроза, и сразу навалился туман, тяжелый, плотный. Все утонуло в нем — и горы, и небо, и камни под ногами.

— Как теперь быть, саиб? — взволнованно спросил Гафар.

— Надо переждать. К утру ветер подует, разгонит.

Они нашли плоский камень, уселись, прижавшись друг к другу. Кадыр-хан сразу захрапел, провалившись в сон. А Гафар тарашил глаза в темноту, думал о своей жизни и взывал к богу, мечтая о скорой встрече с ним.

...Гафар учился в медресе, школе богословов, когда нечто необычное произошло в благословенном Кабуле. Толпы ликующих людей ходили по улицам, они кричали что-то о свободе, о власти народа. Имам приказал закрыть ворота, собрать всех в мечети. Они молились аллаху, просили успокоить толпу, изгнать злого духа, вселившегося в нее.

А ночью их вывели из медресе и повели в горы — «путем аллаха». Они шли несколько дней, сбивая в кровь ноги, страдая от холода и голода, пока не попали через границу в Пакистан. Здесь, в Пешаваре, обосновалась секта «Джамиате ислами». Ее верховный улем Бурхануддин Раббани в первой же проповеди заявил:

— Я призываю вас к священной войне за веру!

Вскоре в лагере богословов появились военные инструкторы. Началась муштра, по сравнению с которой занятия в медресе казались раем. «Борцов за веру» гоняли по горам, заставляли вплавь перебираться через бурные реки, учили стрелять из всех видов оружия, преподавали минное дело.... А если в душах появлялось сомнение, тут же рядом возникал имам.

Гафар с детства привык слепо повиноваться имаму. К тому же он твердо знал: земная жизнь только временная игра, лишь в будущей, загробной жизни человек обретет постоянный «дом пребывания». Значит, нужно быстрее стремиться туда. Ведь сказано: души воинов, павших на поле брани во время священной войны, сразу, не отчитываясь за свои дела, войдут в рай.

...Кадыр-хан громко храпел. Проблемы загробной жизни его явно не тревожили.

Такого восхождения Ларину никогда не приходилось делать. Он выложился весь, без остатка. В этом восхождении было все:

и спортивный азарт, и гордость за то, что, может, ни один альпинист в мире не совершал ничего подобного, но самое главное — было понимание цели: нужно к рассвету перекрыть плато, иначе враг уйдет, растворится в лабиринте хребтов и отрогов, и тогда на его поиски потребуется во много раз больше сил и средств.

Сергей вбил очередной крюк, встал на него ногой и попытался расслабить уставшее, измученное тело.

Сквозь протяжный вой ветра слышался металлический скрежет. Это вслед за ним неутомимо лез вверх Белов.

Всего двадцать метров до полки, до надежной опоры. Эти последние метры требуют полной самоотдачи и спокойствия. Нельзя торопиться, нельзя притупить бдительность. Ларин видел однажды, как на последних метрах стенки сорвался в пропасть опытный альпинист, совершавший разведку маршрута. Он знает, почему такое случилось, и сейчас должен учитывать все. Он не имеет права проиграть.

Снизу из темноты выплыла голова Белова.

— Хоп!.. — хрипло сказал он.

Это была команда: нужно снова подниматься, преодолеть эти проклятые двадцать метров.

Ларин нащупал руками трещину, сильными ударами молотка вогнал крюк. Затем ухватился за него, подтянулся, болтая в пустоте ногами, уцепился за выступ... Через полчаса его пальцы легли на край карниза. Он подтянулся и рывком выбросил тело на плоскую узкую полку. Это последнее резкое движение dokonало его — Сергей уронил голову на мокрый скользкий камень и застыл в изнеможении.

Прошло несколько мгновений, но они показали Ларину вечность. И вдруг где-то на периферии сознания возникло ощущение опасности. Сергей вздрогнул, открыл глаза. Темнота немного расступилась, и он увидел дикую тропу, выбитую копытами архаров, на которую, наверно, никогда не ступала нога человека. Беспорядочно разбросанные валуны преграждали выход на плато. За ними проступали неясные очертания крутых склонов.

Радость, необузданная радость охватила Ларина: забрался, он все-таки забрался сюда!

Неожиданно один из валунов двинулся на него...

Памир — это искаженное санскритское слово «Паймур», что означает «Подножие смерти». В точности этого названия Белов убедился на собственном опыте. Когда Ларин привел его к стенке и определил траверс, или, как говорят военные, «поставил задачу на движение», то первое, что хотелось сказать: «Сережа, ты что... с ума сошел?» Но перед ним был не Сережа, а «старший лейтенант Ларин», поэтому Белов ответил коротко: «Есть!»

Начало восхождения было стремительным. Ларин встал на его плечи и вбил первый крюк. Сначала Белов нормально выдерживал темп. Но вскоре дыхание стало сбиваться, а потом все слилось в один дурной сон: вой ветра, скрежет шипов по скале, гулкие удары молотка, загоняющего крюк или обива-

ющего острую грань... И все время ведущим шел Ларин. Белову оставалось лишь удивляться, откуда берутся у Сергея силы, потом с нетерпением ждать, когда тот выдохнется: это даст хоть несколько минут желанного отдыха. Временами ему казалось, что он, Николай, не выдержит, сорвется вниз. Но веревка, связывающая их, настойчиво ползла вверх. И он, скрипя зубами, лез, цеплялся, карабкался... Как вдруг там, наверху, что-то произошло. Страховка обвисла, задержалась в разные стороны. «Что он делает?» — стараясь не поддаваться панике, думал Белов. Как врач, Николай хорошо знал признаки горной болезни: неестественное возбуждение, суетная жестикуляция, беспричинное веселье... Этого еще не хватало!

Перед рассветом ветер принес с вершин массу сухого колючего снега, но туман разогнал. Видимость улучшилась, и Гафар решил, что теперь можно продолжать движение.

Он прикоснулся к плечу Кадыр-хана:

— Саиб, саиб... Туман ушел.

Кадыр-хан открыл глаза, широко, протяжно зевнул.

— Надо перекусить, — спокойно сказал он.

Кадыр-хан развязал мешок, достал брикеты прессованной баранины, сыр, хлеб.

Насытившись, они обогнули каменистую гряду и вышли на ледяное поле, припорошенное свежим снежком.

— Нужно связаться... Могут быть трещины... — неуверенно промолвил Гафар. — Так учили...

— Трещину увидим. Снег тонкий, — недовольно проворчал Кадыр-хан; ему не хотелось, как собаке на поводке, идти впереди этого сосунка.

Кадыр-хан сделал несколько широких шагов по гладкой поверхности и тут же, вскрикнув, провалился в пустоту. Он съехался, ожидая неминуемого удара, но тело с плеском погрузилось в ледяную воду. Вот тогда по достоинству оценил Кадыр-хан заморский скафандр: капюшон, ботинки, перчатки составляли единое целое, практически непроницаемое снаружи. Только лицо обожгли холодные брызги. Почувствовав под ногами опору, Кадыр-хан поспешно повернул до отказа рычажок электрического обогрева.

Он судорожно стал ощупывать скользкие стены. Выбоины есть, но попробуй уцепиться за них. Поднял голову: в пробитое его телом отверстие мерцали звезды. Вот их закрыла чья-то тень.

— Саи-и-иб!.. Где вы?.. — гулко, как в трубе, прозвучал испуганный голос.

— Бросай веревку! Живо! — приказал Кадыр-хан. Пока Гафар возился наверху, зло подумал: «У него дурной глаз. Сглазил, шакал».

Наконец в трещину медленно стал спускаться тонкий канат. Кадыр-хан осторожно снял с плеч лямки, подцепил рюкзак к карабину, сердито крикнул:

— Тяни!

Мешок, задевая за стены, скачками пошел вверх.

Затем канат опустился снова. Кадыр-хан пристегнул его к специальному кольцу на груди.

— Закрепил? — спросил он Гафара.

— Не за что...

— Тогда сам держи. Сможешь?

— Отдам все силы. Аллах поможет мне.

Вонзая в ледяные натеки острые шипы ботинок, упираясь спиной, локтями, Кадыр-хан пачал карабкаться из ледяной западни. Гафар постепенно выбирал веревку. Несколько раз Кадыр-хан срывался, и тогда Гафар напрягался из последних сил, намертво припечатывал подошву к небольшому булыжнику на краю трещины и, моля аллаха о помощи, держал на весу грузное тело.

Человека страшит неизвестное. Когда темное пятно медленно поползло к Ларину, в груди у него похолодело. Но вот в темноте засверкали два немигающих янтарных глаза, раздалось приглушенное рычание. Снежный барс! Видимо, поджидал добычу на тропе.

Сергей приготовился к неминуемой схватке. Он хорошо знал повадки ирбиса, так еще называют снежного барса, помнил рассказы пастухов о его дерзости и злобе. Ирбис перед броском сжимается в комок. Он всегда рассчитывает на первый удачный прыжок: обхватит передними лапами, зубы вошьются в горло, задние лапы резким одновременным ударом постараются распороть живот.

Отступить некуда. В руках только скальный молоток. Значит...

В это мгновение на Ларина словно пахнуло легким ветерком. Он, как боксер, нырнул в сторону и нанес встречный удар. Барс жалобно мяукнул — промахнулся — и тут же вцепился клыками в левый локоть. Сергей почувствовал острую боль; хотелось рвануться — потянуть локоть на себя. Но инстинкт подсказал другое решение: он упал всем телом на противника, придав барса и стал заталкивать локоть все глубже и глубже в его пасть.

Ирбис яростно хрипел. Глаза зверя, потемневшие от ненависти и удушья, были совсем рядом; толстый хвост метался из стороны в сторону.

Опрокинутый на бок, барс извивался, пытался высвободить задние лапы, случайно захлестнутые страховочной веревкой. Ларин ощущал на своем лице горячее прерывистое дыхание и давил, беспощадно вдавливал локоть в горло.

Ирбис дернулся и затих. Еще не понимая, что победил, Сергей продолжал бороться с мертвым телом зверя. И только когда почувствовал, что тиски челюстей ослабли, осторожно вытаскивал из пасти раненый локоть. Не было сил встать. Он так и остался лежать на мягком пушистом бугорке, который только что был живым.

Когда Белов поднялся на полку и включил фонарь, он увидел Сергея в изодранной штормовке с окровавленной рукой, лежавшего в обнимку с большой серовато-зеленой кошкой. В ее приоткрытой пасти пузырилась розовая пена.

Белов осторожно перевернул Ларина на спину. Сергей тихо застонал, открыл глаза.

— Коля, посмотри, что с локтем? — чуть слышно прошептал старший лейтенант.

— Сейчас, Сережа, сейчас все сделаю, — скороговорка Николая адресовалась не столько начальнику заставы, сколько самому ему, Белову.

Он снял со спины капроновую бухту. Тонкая веревка с тяжелым грузилом на конце полетела вниз. Там, под стенкой, находился наряд пограничников.

Но вот веревка натянулась, и Николай почувствовал, как кто-то два раза дернул за нее. Перебирая руками, Белов начал поспешно поднимать рюкзак. И опять веревка заскользила вниз, снова ожидание сигнала. Наконец и второй рюкзак был у его ног.

Только после третьей попытки Кадыр-хан выбрался из трещины и, окончательно измученный, тут же потерял сознание. У Гафара еще хватило сил оттащить напарника от провала. Затем он лег рядом и тоже впал в забытие.

Ему казалось, что он летит куда-то к звездам, пронизывая белые пуховые облака. И вот перед ним открылся чудесный сад. Диковинные деревья источали нежные ароматы, яркие цветы купались в струях прохладных ручьев. «Это рай!» — с удивлением понял Гафар.

Гафар вздрогнул, открыл глаза. Райский сад бесследно исчез. Тихо завывал ветер, гоня снежную поземку.

Белов торопливо развязал рюкзак. Сверху лежала фляга с горячим чаем: видимо, сержант, командовавший нарядом пограничников, все время держал ее за пазухой.

— Сережа, глотни, сразу полегчает, — поднес ее Николай к посиневшим губам Ларина.

Потом достал походную аптечку. Ножом отрезал рукав штормовки, тщательно обработал края раны йодом. Разорвав индивидуальный пакет, Белов осторожно наложил стерильные подушечки, начал делать повязку. После напряжения штурма скальной стены пальцы дрожали — витки бинта ложились неровно, образуя «карманы», приходилось все время переворачивать его.

Лейтенант то и дело поглядывал на лицо Сергея, пытаясь понять, не причиняет ли боль. Начальник заставы спокойно наблюдал за его работой, одобряюще улыбаясь:

— Красиво бинтуешь. Прямо спираль получается.

— Не давит?

— Нет.

Закончив перевязку, Николай приготовил шприц.

— Тебе анатоксин вводили?

— Что это?

— Ну, противостолбнячная сыворотка.

— Да.

Белов быстрым движением проколол кожу, сделал инъекцию и тут же похолодел от внезапной мысли.

- Нужно спускаться, — мрачно сообщил он.
- Почему? Я хорошо себя чувствую.
- Не в этом дело. У тебя может начаться бешенство.
- Ларин хмыкнул, с нарочитой ехидностью спросил:
- С какой стати? Я всегда отличался хладнокровием.
- Не дури, Сережа! — Белов был не на шутку встревожен. — От укуса... Слюна этой кошки попала в рану. Ирбисы ведь обычно не нападают на человека. Соображаешь?
- Ларин немного помолчал, облизал пересохшие губы, потом неуверенно сказал:
- Что ты мне голову морочишь? Мы возьмем его сегодня... А потом делай что хочешь!
- Ты что? — возмутился Николай. — В клинической стадии болезнь неизлечима! Пойми, Сережа, это дикое животное. Неизвестно, в каком состоянии оно находилось. Иногда инкубационный период длится всего несколько часов...
- Значит, я обречен? — Ларин прищурил глаза.
- Нужно начать прививку антирабической вакцины. А у меня ее нет.
- Нет так нет... Какие первые симптомы бешенства?
- Трудно заметить, особенно здесь, в горах: расстройство дыхания, кажется, будто воздуха не хватает; спазм горла при попытке сделать глоток, раздражительность...
- Считай, что раздражительность уже налицо, — хмуро промолвил Ларин. — Нужно рискнуть, Коля. Пойми, другого выхода нет. Доставай радиостанцию.
- Белов глянул в темноту провала, на какую-то секунду задумался, а затем решительно произнес:
- Товарищ старший лейтенант, прошу разрешить мне доложить начальнику отряда о происшествии. — И, чуть смягчив тон, добавил: — Я все-таки офицер медицинской службы, и у меня свои обязанности.

Начальник пограничного отряда полковник Иван Семенович Шрамов прилег на диване в своем кабинете. Он ждал сообщение от Ларина. Час тому назад с участка доложили, что поисковая группа «ушла на стенку» и вроде движется хорошо.

Иван Семенович нервничал: на горы навалился циклон, а это означало, что даже утром вертолеты не смогут помочь поисковой группе.

Покусывая нижнюю губу, полковник пытался просчитать возможные варианты дальнейших действий. Первой неизвестной величиной в этой задаче, самым большим «икс», была догадка Ларина о перебресе. Он поверил интуиции начальника заставы, потому что отлично знал этого вдумчивого, старательного офицера.

Как только старший лейтенант доберется до плато, «икс» должен приобрести реальное значение. Даже если поисковая группа опоздает и лазутчик проскочит, то все равно Ларин установит факт его прохождения; каждый пограничник знает: человек не может пройти, не оставив следа. И тогда будет включен в действие другой вариант — сложный, трудоемкий, но необходимый, который обязан неотвратимо привести к успеху.

А если поисковая группа не дойдет? Что тогда?

...Раздался тихий зуммер селектора. Шрамов бросился к столу, нажал кнопку.

— Слушаю.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Ларин вышел на связь.

В горы вползал серый унылый рассвет. Лохматые тучи неслись над вершинами, посыпая их колючей ледяной крупой.

Чтобы выйти на гребень, лазутчикам нужно было пересечь небольшую ложбину, справа от которой находился лавиноопасный склон. Кадыр-хан, наученный горьким опытом, решил внимательно изучить в бинокль намеченный маршрут. И первое, что он увидел, — фигурки двух людей, направлявшихся к хребту со стороны западного провала.

— Ложись! — крикнул Кадыр-хан Гафару и сам поспешно прыгнул за камни.

Он продолжал наблюдать за неизвестными и по тому, как сноровисто те заняли удобную позицию, понял: это военные, и они его заметили.

«Вот и все, — с тупой злобой подумал Кадыр-хан. — Сколько мук, страданий... И ради чего?»

Как ни странно, страха не было.

— Лежи. Не высовывайся, — прошептал он Гафару, который еще не подозревал, как близко привел его аллах к желанным вратам загробной жизни.

«Может, случайный патруль?» — ухватился было Кадыр-хан за спасительную мысль. И тут же сам прогнал ее: «Глупости! Со стороны западного провала смогут подняться только специально подготовленные аскеры. Значит, они знали, что мы идем, спешили наперехват».

— Приготовь оружие, — негромко приказал Кадыр-хан. — Впереди аскеры...

Ларин сразу засек Кадыр-хана, который, не ожидая встречи, беспечно взобрался с биноклем на валун.

— К бою! — привычно прозвучала команда. В сердце колыхнулась жгучая радость: не ошибся! Но тут же поток тревожных мыслей смахнул веселое возбуждение: «Как братья?.. Наверно, он тоже заметил нас...»

Кадыр-хан действительно думал почти о том же: «Что делать? Кажется, Гафара они не видели...»

Ларин мельком глянул на склон: набухший весенний снег в любой момент готов был обрушиться.

— Видал, пласт какой? — услышал он взволнованный шепот Белова. — Только чихни — сразу загремит.

«Допустим, начну отходить... — Кадыр-хан хладнокровно искал спасительный выход. — Огонь открывать не станут. Люди опытные, понимают: при первом же выстреле сойдет лавина...»

Человек, недавно стоявший на валуне, поднялся из-за камней и, не пригибаясь, быстро побежал в сторону границы.

«Что это? Почему так открыто демонстрирует отступление? —

Ларин весь внутренне напрягся: нужно было мгновенно разгадать новый ход противника. — Ясно: он знает, стрелять не будем. Начнем преследовать... — И вдруг Сергея осенило: — Их двое! Второй остался прикрывать! Мы встанем — грянет очередь. Если не погибнем от пуль — попадем под лавину. Но и тот, второй, тоже попадет. Значит, он... смертник!»

Солдаты, о которых говорил Кадыр-хан, встали и стремительно бросились... назад, к скалам. Гафар растерялся. Саиб сказал: «Они пойдут следом. Ты убьешь их, потом догонишь меня». Убьешь... Главное — убить! Вон мелькают их спины. Гафар тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Но что это? Грохот автомата перерос в какой-то странный гул. Он оглянулся: живая снежная стена приближалась к нему; она шевелилась, пенилась, гнала впереди себя облако белой пыли. Гафар вскочил, вскрикнул. В ту же секунду его захлестнул холодный вал. Гафар задыхался, отчаянно, как неопытный пловец, молотил руками и ногами, стараясь удержаться на поверхности. Но силы оставляли: он чувствовал, как его засасывает вглубь. И тогда Гафар поджал колени к животу, выставил перед лицом локти, чтобы там, под снегом, было хоть небольшое пространство, которое позволит дышать. Ему, мечтавшему о небесном рае, в этот страшный миг захотелось жить!

Когда раздалась первые выстрелы, Ларин и Белов нырнули за выступ скалы. Пули хлестнули чуть в стороне. Пограничники видели, как пошла лавина, как испуганно вскочил тот, «второй», как отчаянно боролся он, пока его не поглотила снежная масса. Все это длилось считанные секунды.

— Ты заметил, где его завалило? — хрипло спросил Ларин.

— Вроде бы... — неуверенно ответил Белов.

— Приказываю: откопать и оказать первую помощь. Я начинаю преследовать «главаря». Доложите в отряд.

— Сережа, ты же ранен... — попытался возразить Белов.

Ларин прищурился и строго сказал:

— Товарищ лейтенант, повторите приказ.

Кадыр-хан, как волк, уходил по старому следу. Он слышал рев лавины, но чутье подсказывало: это не означает, что опасность миновала; горы коварны, они могут преподнести любую неожиданность, любую ловушку.

Кадыр-хан сбросил рюкзак, оставил только автомат и боеприпасы. Нужно как можно быстрее добраться до каньона, найти «ракету». Тогда он перелетит на ту сторону, где ему знакома каждая тропа, каждое ущелье, где его ждут. Он уйдет с Фредом в Пакистан. Ему хватит тех денег, которые лежат в банке, чтобы жить сытно, в тепле и покое. А больше ничего не нужно! Только бы выбраться отсюда, унести ноги, уцелеть...

Ларин бежал как во сне, с усилием переставляя тяжелые ботинки. Кровь стучала в висках, в горле пересохло. Воздуха... Дайте воздуха!

В первые дни службы он вместе с проводником-таджиком совершал «дозор по тылу». Тропа круто уходила вверх. У Сергея кружилась голова, все плыло перед глазами.

— Долго еще до перевала? — повалившись на камень, спросил он проводника.

И в ответ услышал таинственное слово:

— Чакрым.

Не было сил расспрашивать, что оно означает: энергию экономишь даже на разговорах.

Через час он задал тот же вопрос, и снова старый горец спокойно произнес:

— Чакрым.

Прошло немало времени, прежде чем Ларин понял эту идиому: жители Памира словом «чакрым» определяют усилия, необходимые, чтобы дойти до нужного пункта. Это своеобразная высокогорная единица измерения, причем весьма точная, ибо в основе ее лежат возможности человека.

Чакрым... чакрым... чакрым...

Ларину казалось, будто с каждым толчком сердца это слово вспыхивает в сознании маленьким взрывом.

Хватит ли его на этот чакрым?

Белов мелкими шагами двигался по бугристому ковру лавины. Он направлялся ниже того места, где исчез под снегом разрушитель. Тренированный глаз точно держал в памяти координаты этой точки. Приблизившись к ней, Николай разглядел на белой поверхности едва проступающее черное пятно. Осторожно разгреб руками снег. Это был автомат — маленький, чужой.

Николай знал: искать нужно выше по склону от найденного предмета — таков закон гор, проверенный практикой. Он вытоптал несколько ступенек, поднялся по ним, осторожно вогнал древко ледоруба в плотное тело лавины. И сразу почувствовал: штырь уперся во что-то мягкое. «Вот это да!» — удивился Белов. Обычно, чтобы обнаружить тело засыпанного, приходится зондировать довольно большой участок. А тут с первого раза «в цель».

Достав из рюкзака котелок, Николай начал откидывать им снег — крупный, зернистый, склеенный белесоватым ледяным «цементом». Если сказать честно, вначале он сомневался в успехе поиска. Ларин отдал приказ, и Николай, в душе протестуя, — что может сделать один человек! — стал выполнять его. Но внезапный успех прибавил сил. Теперь лейтенант был уверен, что спасет этого человека. Он уже не думал о нем как о лазутчике, враге. Сейчас речь шла просто о «пострадавшем».

Человек, которого он откопал, был одет в странный голубоватый комбинезон. Прикоснувшись к нему, Белов почувствовал тепло. Поспешно очистил от снега голову и увидел худощавое, осунувшееся лицо юноши. Николай прижал пальцы к артерии за ухом — пульса не было. «Скорее всего шок, нужно искусственное дыхание». Мгновенная брезгливость остановила Белова, но он сделал над собой усилие и приложил свои губы к посиневшим губам «пострадавшего».

...Когда Гафар открыл глаза, сквозь мутную пленку влаги он

разглядел над собой суровое, обветренное лицо русского аскера.
«Ну все... Теперь конец», — тоскливо подумал Гафар.

Он даже не предполагал, что именно с этой минуты для него наступает совсем иная жизнь, в которой будет новый смысл и настоящие человеческие радости.

Внезапно в серой дымке послышался металлический клекот. Это был вертолет...

Лучший летчик эскадрильи капитан Долидзе доказал начальнику отряда возможность высадки десанта. Машина, обогнув облачный фронт, прошла по ущельям и теперь медленно поднималась вверх к плато. Солдаты в пассажирском салоне взволнованно переговаривались, то и дело поглядывали в иллюминаторы, мимо которых зловеще проплывали гладкие стены каньона. И только один из них сидел неподвижно, бережно держал на коленях коробочку с антирабической вакциной — прививкой от бешенства.

Ларин повалился на скальный выступ, лизнул языком шершавую, как терка, поверхность фирна. Идти дальше уже не хватало сил, хотя до края каньона оставалось каких-нибудь двести метров. Он перевел прицельную планку и стал ждать.

Силы Кадыр-хана тоже были на исходе. Он давно обнаружил погоню, но не останавливался, упорно двигался вперед, понимая, что противник измотан и открывать огонь на большом расстоянии не будет.

Каждый из них берег остатки энергии для последней схватки.

И вот Кадыр-хан добрался до валуна, за которым лежал реактивный ранец. Рухнув на колени, он нащупал уголок пленки, потянул на себя, очистил аппарат от щбенки. Путь к спасению был открыт. Теперь оставалось спокойно подпустить поближе врага, уложить его метким выстрелом и улететь туда, к родным ледникам.

Кадыр-хан торопливо пристегнул лямки, спустил предохранитель, затем выглянул из-за камня. Противника не было видно. «Вот как? — удивился Кадыр-хан. — Ты умный парень... Ты не хочешь лезть на рожон... А если я «вспорхну»? Ты будешь бить влет. Ну что ж, попробуй попади в след молнии».

Сколько раз видел Кадыр-хан, как умирали другие, сам убивал. И каждая такая смерть по капле вселяла в него страх. Как боялся он собственной гибели, жгучей боли от горячих кусочков металла, разрывающих тело. Нет, надо сначала убить его, выманить — и убить!

Привстав на колени, увидел: вдоль плато короткими перебежками движется цепь солдат. Одни лягут, чтобы прикрыть огнем товарищей, другие резким рывком бросятся вперед, упадут. Потом те, задние, подтянутся. Так и катятся на него волной.

Кадыр-хан вскочил, вцепился пальцами в рычаг, дернул его. Могучая струя ударила в скалы, подхватила. Треска выстрелов он не слышал. Уже в воздухе почувствовал, как обожгла бок пуля. Видно, хорошим стрелком был тот аскер. Не зря он его боялся...

Секунду длился полет, секунду ревели двигатели... Где-то внизу промелькнул провал. Таинственная сила плавно опустила на

той стороне, за грядой. Так было заранее рассчитано, теперь не достанут его пули, теперь он в безопасности.

Но что это?.. Полукругом встали из-за камней фигуры в одинаковой ненавистной серо-бурой форме сарбазов. Встали и медленно пошли навстречу, направив на него автоматы. Откуда они взялись?

Не знал Кадыр-хан, что после радиограммы начальника пограничного отряда полковника Шрамова рота афганской Народной армии поднялась на хребет. В скоротечном бою укрывшаяся в пещере банда была полностью уничтожена. Другое подразделение, заняв позиции вдоль каньона, блокировало возможные пути отхода диверсионной группы.

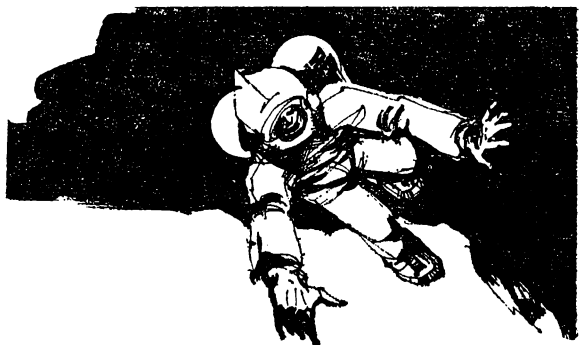
Кадыр-хан пятился к краю пропасти. Что теперь делать? Обложили со всех сторон...

— Стой! — крикнул ближайший к нему сарбаз. — Стой...

Но он уже не владел собой, животный страх помутил его рассудок. Еще один шаг. Нога скользнула в пустоту. Кадыр-хан ударился грудью, попытался ухватиться за скользкий камень, но тяжелые баллоны неудержимо потащили вниз...

Он падал в бездну и кричал — жутко, протяжно. Горное эхо многократно усиливало этот тоскливый одинокий вопль. И люди по обе стороны каньона оцепенели.

Крик неожиданно оборвался, и снова в горах стало тихо.

*Фантастическая
повесть*

КОШМАРЫ УЗНИКА

Тибр капризной извилистой чертой разделял Вечный город на две части. По одну сторону на холме Монте-Ватикано высились крепостные стены — средоточие высшей церковной власти католицизма. От тяжелых ворот каменные дороги вели к переброшенным на другой берег мостам. Из зарешеченного окошка в тюремной стене, обрывающейся к реке, нельзя было рассмотреть стоявших на страже у ватиканских ворот наемников-граубинденцев, одетых в двухцветные костюмы.

Вдалеке за мостами виднелся виадук со взлетающими под ним волнами арок древнего римского водопровода, рабами построенного и рабски скопированного римлянами с текущих открытых рек. И поднялось каменное русло водяного потока высоко над землей, без учета, что вода, как давно знали покоренные Римом народы, может течь и по подземным трубам, сама поднимаясь до уровня водоема, питающего водопровод. И просвещенные люди Древней империи, оказывается, не имели представления о законе сообщающихся сосудов, обыватели тех времен пользовались отверстиями в ложе виадука, платя за них величину, чтобы получить живительные струйки.

Там у мостов и виадука, у крепостных стен и на дорогах, в домах, в лесах, в горах кипел под солнцем мир людей с их страстями и надеждами, горем и счастьем, не запертых в казематах чужой мрачной волей, хотя при всей их кажущейся свободе большая их часть изнемогала от нищеты и непосильного труда, а меньшая — утопала в роскоши и пребывала в праздности. Однако все они ЖИЛИ, и ради них погружался узник в науки, размышляя о лучшей жизни и подлинной свободе для всех.

Он обладал впечатляющей внешностью и внутренней силой. Его лицо могло бы показаться хмурым, если не угадать в нем выражение пристального внимания. Пышные седеющие волосы острым «мефистофельским» мыском спускались на лоб мыслителя, увеличенный двумя высокими зальсынами по обе стороны этого треугольника. Взгляд из-под темных, резко очерченных бровей был острым и пронизывающим, отражая ищущий пылливый ум. Прямой нос обрамляли две глубокие складки, оттеняя твердые линии губ. Бритый энергичный подбородок уходил в белый воротник грубой монашеской одежды.

Почти за тридцать лет, проведенных в этой одежде среди тюремных стен, казалось бы, можно привыкнуть к ним, забыть о солнце, звездах, о бушующем за решеткой тревожном мире, но не таков был узник!

Известный советский писатель Александр Петрович Казанцев в настоящее время работает над трилогией «Гиганты» — о людях XVII века, внесших немалый вклад в европейскую культуру. Первый роман «Острее шпаги» (о Пьере Ферма) был опубликован в журнале «Молодая гвардия», № 7, 8, 9, 1983 г. и в ближайшее время выходит отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия». Второй роман «Клокоцущая пустота» посвящен создателю коммунистической утопии итальянцу Томмазо Кампанелле, написавшему знаменитый трактат «Город Солнца». На основе своего романа, касающегося Кампанеллы и его французского современника Сирано де Бержерака, писатель А. Казанцев специально для «Искателя» подготовил повесть «Колокол Солнца», которая и предлагается читателям. Полностью роман «Клокоцущая пустота» будет опубликован в журнале «Молодая гвардия».

Сирано де Бержерак, непревзойденный дуэлянт, скандалист, острозычный поэт, внезапно становится писателем и философом. Ему будет целиком посвящена третья

Насильно вырванный из окружения людей, он остался с ними сердцем и душой, переносил их в созданный его воображением мир Справедливости и Всеобщего счастья. Неотступно изучая в неволе науки, он писал в темнице трактат за трактатом, заинтересовав ими в конце концов и отцов-тюремщиков, и отцов церкви, неодобрительно качающих головами по поводу его стремления помогать страждущим и угнетенным, осуждения сильных мира сего.

Но когда дело касалось звезд, интерес к трудам узника умножался, ему даже позволяли выходить по ночам на тюремный двор, чтобы наблюдать пророчащие звезды, ибо никто, как он, не умел читать по ним судьбы людей.

Перед тем как приступить в глухой камере к своим трудам, он забывался тяжким, тревожным сном, полным видений. С беспощадной ясностью воскрешали сны все, что хотел забыть, ибо если он и жил, то лишь для будущего, а не для мрака минувшего.

Видел он себя и пятнадцатилетним Джованни Домеником, которого предназначал отец для юридической карьеры, собираясь отправить к родственнику в Неаполь.

Гневным вставал облик отца, узнавшего о намерении непокорного сына постричься в монахи. Но непреклонным оказался Джованни. Однако ни отец, ни обвиненный им в пагубном влиянии на сына его первый учитель-доминиканец, отец Антонио, не догадывались о том, что руководило юношей.

И в монастыре под прохладным его сводчатым потолком, когда сам настоятель постригал его в монахи, нарекая в монашестве именем Томмазо, не подозревал он, почему тот взял себе это имя, почему ушел из мира суеты.

Ответом на это служили видения узника, бывшие ответом того, что случилось в другой стране с совсем иным человеком, чье имя он взял себе вместе с факелом, как бы зажженным у Солнца, чтоб освещать им путь людей.

книга «Гигантов». Работа над этим романом, носящим название «Иножитель», еще не закончена, но А. Казанцев считает необходимым уже сейчас сказать несколько слов об этом человеке, поскольку он — один из героев публикуемой здесь повести «Колокол Солнца». Сирано де Бержерак почти 350 лет назад писал об устройствах, напоминающих многоступенчатые ракеты, радиоприемники, телевизоры, о явлении невесомости. Он писал о живых организмах, состоящих из содружества клеток, о мире микробов, открытых два столетия спустя, о существовании в крови, как сказали бы теперь, антител, борющихся с вредными микробами. Вслед за Джордано Бруно он утверждал, что на других планетах существует разумная жизнь.

Замечательную, во многом таинственную личность Сирано де Бержерака, обладавшего необъяснимыми для своего времени знаниями, писатель-фантаст Александр Казанцев исследует специфическими методами своего жанра и дает этому загадочному явлению свои смелые, как это и свойственно научной фантастике, объяснения.

И ощущал во сне узник, что не Томас Мор, а он сам всходит на эшафот и с улыбкой дружески обращается к палачу с секирой, которой тот отсечет сейчас ему голову:

— Любезный, а ведь погода нынче не дурна? Не правда ли?

Так расстался с жизнью Томас Мор, друг Эразма Роттердамского, автор неумирающей книги «Утопия», что в переводе с древнегреческого языка означает «НИГДЕИЯ», рассказывающей о «месте, которого нет на Земле», где живут люди, отказавшиеся от главного зла всех зол — от частной собственности, власти денег и неравноправия.

Однако не за это светоч мыслящих людей грядущих поколений, не за упорную борьбу против всех форм насильственной смерти, начиная с войн, кончая казнями, не за то, что недавний первый министр английского королевства отважно восстал против собственного короля Генриха VIII и разбойничьей политики «огораживания» с ограблением крестьян, а за то был признан Томас Мор святым, что отказался присягнуть этому королю как главе провозглашенной англиканской церкви, отколовшейся от католической. Но этот шаг был всего лишь каплей, переполнившей горькую чашу протеста несгибаемого философа против мрачного абсолютизма и грубого произвола.

Узник просыпался в холодном поту, словно именно его только что казнили на глазах у ревушей, жадной до таких зрелищ толпы.

Но другие его сны, еще более ранящие, воскрешали то, что происходило десятилетия назад с ним самим. Заточенный ум, не получая новых впечатлений, неумолимо воскрешал былое.

И вот он видит себя юным монахом, направленным завершить образование в Сан-Джорджо, но вынужденным заменить заболевшего старца, взойдя вместо него на кафедру собора в Козенце и приняв участие в высоком богословском диспуте доминиканцев с францисканцами.

Узник снова шептал на своей жесткой койке те красноречивые слова и неопровержимые аргументы, которые повергли тогда всех его оппонентов и сделали его признанным победителем-доминиканцем, чего ему не могли простить те, кто стал его врагом.

Их мести пришлось ждать недолго. Святая инквизиция схватила слишком ретивого юного монаха, обвинив его по доносу в пользовании книгами, которые по велению папы были в монастыре под запретом. Ведь только эти книги, цитированные им, могли принести ему победу на диспуте!

Но как изобретательно защищался он, назначенный отцом в юристы! Как поставил «святых» судей в тупик, приведя все «крамольные цитаты» из других дозволенных книг, доказав, что если кто видел эти цитаты в запрещенных книгах, то незаконно и пользовался ими!

Пришлось столь же начитанного, как и находчивого, юнца отпустить.

Но неукротимый его нрав вскоре сказался. Томмазо обрушился на вышедшую книгу знаменитого итальянского юриста и философа Якова Антонио Марты «Крепость Аристотеля против принципов Бернардина Телезия». Томмазо был страстным последователем Телезия.

Но слишком честным воспитал себя узник, чтобы составлять гороскопы, которым не верил бы сам. В этом и была его давняя беда! При всей своей внутренней силе он оставался все же человеком, не лишенным слабостей и предрассудков. Однако в искренности ему ничто не смогло бы отказать ни теперь, при чтении по звездам судеб неизвестных ему людей, ни почти тридцать лет назад, когда коварное расположение звезд подсказало ему, что якобы пора действовать.

И это время оживало в его кошмарах.

Как живой виделся ему его боевой друг Маурицио де Ринальди, статный, смелый, увлеченный, весь бушующее пламя, рыцарь свободы! С ним вместе возглавляли они заговор против испанской короны, поработившей родную им Калабрию, а звезды подсказали Томмазо в этом дерзком деле успех!

Пламя восстания должно было вспыхнуть от факела, зажженного Томмазо, как он хотел думать, от Солнца, сливающегося у него с образом обожаемой матери.

Но на помощь Марте пришла инквизиция, схватив Томмазо по двойному обвинению: в оскорблении генерала ордена и в сочинении богопротивной книги «О трех обманщиках».

Узник вновь видел во сне вытянувшиеся лица судей в сутанах, когда он доказал им, что генерала монашеского ордена нельзя оскорбить, ибо в уставе ордена говорится, что его члены отрываются от всего суетного и мирского, оскорбление же следует отнести к несомненной суетности. Генерал же ордена в своей бесспорной святости нарушить устав не может. Что же касается книги «О трех обманщиках», то, как в этом легко убедиться по ее титульному листу, она издана до его рождения.

Нет, недаром отец метил его в юристы, немало смог бы он сделать на этом пути!

Но он избрал другой путь, где собственные заблуждения наряду со светлыми стремлениями сыграли в его жизни роковую роль.

Пробуждаясь от своих снов, узник брался за неизменные занятия. Трактаты чередовались с составлением гороскопов для суеверных лиц, которые за деньги проникали к нему через тюремщиков, чтобы узнать по лишь одному узнику известному расположению звезд свои судьбы.

Если Томмазо умел через странствующих по всей Калабрии монахов зажигать жаждой восстания умы людей, то Маурицио де Ринальди готовил непримиримый кровавый бой. Чтобы собрать для него силы, он не останавливался ни перед чем.

Монахи во главе с первым соратником Томмазо Деонисием Понцио подготовили крестьян, Маурицио де Ринальди привлек на свою сторону дворян. Не прошли мимо его внимания и отважные, хорошо вооруженные люди. Правда, они были разбойниками, став ими из-за бедственного и беспросветного существования. И они ненавидели испанцев не только за их господство на итальянской земле, но и за то, что те толкнули бывлых тружеников на разбой. Маурицио договорился с вождями шаяк, обещая им, что свержением испанского владычества они заработают себе прощение.

Но этого казалось де Ринальди мало. Испанцы держали связь с Испанией по морю и могли получить подкрепление. И тогда

Маурицио пошел на сговор... с турками! Ведь Томмазо, его соратник и вдохновитель заговора, относился терпимо к любой религии, так почему же не воспользоваться силой турецкого флота, которым командует перешедший в мусульманство итальянец Синан Цикала, не переставший любить свою родину и готовый помочь ей?

Кроме Маурицио де Ринальди, были еще два друга по заговору, с которыми вместе они выбрали срок восстания — 10 сентября. Он видит во сне лица этих двух «друзей». Если бы был он художником, то писал бы с них портрет Иуды.

Кошмарным видением встает трагический день, когда великодушный Маурицио де Ринальди, красавец, созданный для жизни и любви, певец с редким по тембру тенором, был схвачен на глазах Томмазо, идя к условленному месту встречи с ним.

Испанские солдаты скрутили ему руки, сорвали шпагу, били его алебардами, не считаясь с тем, что он дворянин.

Потом Томмазо видит себя переодетым в крестьянское платье, в котором он пробирался к морю, чтобы бежать в Сицилию.

Уже из рыбацкой лодки вытащили его грубые испанские солдаты и, избивая, поволокли к городу.

Жуткими вставали дни суда, сулившего Маурицио и Томмазо, и всем другим участникам заговора немедленную казнь.

Сон воспроизводит чувство, которое тогда овладело Томмазо при виде крушения всех надежд.

Необычайный подъем ощутил в себе узник, когда понял, что сошел на него в тот памятный день огонь самого Солнца.

Ради того, чтобы не загасить зажженный светилom факел в его руках, Томмазо выбирает для себя вместо быстрой и легкой казни самые невероятные мучения, которые решает выстоять.

Снова сказался в нем недюжинный юрист, однако он действовал теперь против него самого.

Холодный кошмар воссоздает картину грозного суда. Еще ни одному подсудимому не удавалось избежать уготованной ему кары, ни одному, кроме Томмазо, который доказал суду, что он ему неподсуден, ибо... еретик.

Да, еретик!

Он объяснил свои действия заговорщика так кощунственно, что у судей, верных католиков, волосы встали дыбом.

И греховного Томмазо тотчас выделяют из числа обвиняемых, как заклятого еретика, подлежащего папскому суду, неизмеримо более жестокому, чем военный суд испанской короны.

Лишь взглядом попрощался Томмазо с Маурицио де Ринальди, понявшим, что друг его идет на нечто более страшное, чем смерть.

Бодрствуя, узник никогда не решился бы вспомнить всего затем последовавшего, но мозг безучастно воскрешал видения в новых кошмарах. Ринальди уже не было в живых, как и других заговорщиков, а Томмазо должен был вытерпеть нечеловеческие муки, поклявшись самому себе, что не произнесет ни слова. И эти муки, принятые от «святых отцов инквизиции», переживались им снова во сне.

С мрачной тьмой сливался тюремный застенок, оборудованный изуверскими приспособлениями, призванными причинять нестерпимые страдания. Снова и снова видел себя в этом застенке

узник измученным и искалеченным, подвергнутым всем «христианским» способам мучений, включая дыбу, на которой вздерживали пытаемого, выворачивая ему руки, «испанский сапог», железное вместилище для ног, сжимаемое винтами, дробящими кости, плети со свинчаткой, иглы, загоняемые под ногти, колодки для выламывания суставов, раскаленные прутья, прожигающие живое мясо до костей.

Его спас епископ Антонио, приехавший из Рима по велению папы, чтобы познакомиться с показаниями еретика-доминиканца, и не узревший в них деяний колдуна, ибо распространял еретик бога на всю природу, как бы растворяя его в ней, что не противоречило истинной вере, хоть и расходилось с церковными канонами. А потому Томмазо был приговорен не к сожжению, подобно другому мыслителю того времени, Джордано Бруно, а «к пожизненному заключению».

Десятилетия понадобились, чтобы зажили инквизиторские раны и узник смог снова мыслить и писать трактаты, посвященные благу людей, так упомянув в одном из них свои страдания: «Они (Солярии) доказывали, что человек свободен, если даже сорокачасовой жесточайшей пыткой враги не смогли вырвать у почитаемого философа, решившего молчать, ни слова, то и звезды, действуя издали, неощутимо, не заставят нас поступать против собственной воли».

В пятидесяти тюрьмах, куда его из боязни побега перемещали, провел все эти годы Томмазо Кампанелла, один из ранних провозвестников научного социализма, отрицавший первейшее из зол — «священное» право собственности.

Фамилия КАМПАНЕЛЛА в переводе означала КОЛОКОЛ. Колокол и был изображен на титульном листе первого прижизненного издания знаменитого «Города Солнца».

ОТЕЦ ГОРОДА СОЛНЦА

Из тяжелых ватиканских ворот, открытых граубинденцами, одетыми в двухцветную форму, сначала вырвался всадник. Вслед выехала карета на огромных колесах с загнутыми выше ее крыши рессорами, к которым она была подвешена. Кардинальский знак украшал лакированные дверцы.

При виде кардинальского экипажа прохожие тотчас бросались к нему, и по дороге до места по обочинам толпились люди, что объяснялось не только религиозным рвением жителей Вечного города, но и тем немаловажным обстоятельством, что монсеньор кардинал Антонио Спадавелили, состоящий при папском дворе, имел обыкновение выбрасывать в толпу из окошка кареты пригоршни звонких монет, которые благоговейно, хотя и не без свалок, подбирались верующими.

Переехав мост, карета резко свернула в сторону, направляясь вдоль берега Тибра. Горожан, приветствующих кардинала, здесь уже не оказалось, но особо ретивые католики, быть может рассчитывающие на поживу, некоторое время бежали от моста вслед за каретой, крича хвалу кардиналу, но, к их огорчению, кардинал больше не выбрасывал монет.

Карета минула развалины дворца Нерона, где тиран приказал своему воспитателю философу-стоику Сенеке, презиравшему человеческие страсти и даже смерть, в доказательство этого вскрыть себе вены.

Глядя на руины, кардинал вздохнул, подумав о мудреце, всю жизнь боровшемся со страстями человеческими, а воспитавшего зверя в образе человека, о котором люди спустя тысячелетия вспоминают с содроганием. Что осталось от тех языческих времен, кроме руин, лишь «мертвый язык» латынь, на котором говорят не народы, а ученые и священнослужители другой, истинной, религии.

Карета приблизилась к тюремным стенам.

Ворота тюрьмы были предусмотрительно открыты, а взмыленный конь граубинденца стоял подле них.

Карета, гремя железными ободьями колес, въехала в тюремный двор, слегка покачиваясь на рессорах.

Сам начальник тюрьмы подобострастно бросился открыть дверцу и спустить подножку.

Поддерживаемый юрким начальником тюрьмы и жирным тюремным священником, кардинал с трудом сошел на землю.

Опираясь на посох, он направился к входу, согбенный годами, с аскетическим лицом, на котором все же былым огнем горели черные глаза старого доминиканца отца Антонио.

С огромным усилием, несколько раз останавливаясь, чтобы отдышаться, поднялся кардинал Спадавелли по каменной лестнице.

Перед ним низкорослый начальник тюрьмы с остреньким лисьим лицом суетился так угодливо, что, казалось, он сейчас бросит под ноги кардиналу свой щегольской камзол, поскольку не успел постелить для монсеньора ковер.

Около нужной камеры процессия остановилась. Монах-тюремщик, гремя ключами, отпер замок.

Знаком руки кардинал отпустил всех.

Шум открываемой двери разбудил узника, прервав его сон, который на этот раз не повторял былые мучения. Ему чудилось, что в призывном грохоте открылись ворота «Города Солнца», его воплощенной Мечты.

В этом Городе не должно быть собственности, все в нем общее. Никто не угнетает другого, не заставляет работать на себя. Каждый обязан трудиться по четыре часа в день, отдавая остальное время отдыху и самоусовершенствованию, наукам и искусствам. Все жители Города живут в регулярно сменяемых ими помещениях, едят общую пищу в общих трапезных. Они сами выбирают себе руководителей из числа ученых и священнослужителей. В Городе устраниены причины, вызывающие зло, там нет денег, нет смысла иметь одежды больше, чем каждый может сносить, роскошь презирается так же, как почитается мудрость. В Городе нет прелюбодеяний и разврата потому, что люди там не связывают себя семьями на вечные времена. Детей же воспитывает государство, в которое входит не только Город Солнца, но и все города страны Солнца. Она общается с другими странами, никому не навязывая своего устройства, но и не допуская чужеземцев приносить с собой иные порядки, для соляриев непригодные, а потому солярин овладели военным

искусством настолько, чтобы отразить любые набеги. У себя они допускают разные религии, не подвергая никого гонениям за то, что кто-то молится по-другому, чем его соседи. Солярии больше жизни любят свой Город Солнца и его порядки, тех же, кто нарушает устои Города, они, не прибегая к казням, навечно изгоняют из страны.

Во сне открылись ворота, и Томмазо Кампанелла вскочил, чтобы войти в них. Но, открыв глаза, увидел перед собой кардинала в сутане с алой подкладкой, а шум «ворот», разбудивший его, был звуком захлопнувшейся двери в его камеру.

Что-то знакомое почудилось узнику в согбенной фигуре, опирающейся на посох.

— Джованни, мальчик мой! — сквозь слезы произнес Антонио Спадавелли.

Томмазо упал на колени, стараясь поцеловать иссохшую старческую руку.

— Отец мой! Учитель! Монсеньор кардинал!

— Встань, сын мой. Годы почти сравняли нас с тобой, и каждый из нас стал другому и сыном и отцом. Лишь одному богу известно, как переживал я твои мученья, стараясь хоть молитвою помочь тебе.

Томмазо встал с колен.

— Быть может, потому я и могу говорить: «Мыслью, следовательно, существую», — с горькою иронией произнес узник, потом пододвинул кардиналу табурет и сам присел на край тюремной койки.

— Да, ты мыслишь и, к счастью, существуешь. Воздаю должное твоей силе, в которую воплотилось желание господина спасти тебя. О мыслях же твоих я и хотел поговорить с тобой.

— Боюсь быть плохим собеседником. Эти стены за десятилетия отучили меня от общения с людьми.

— Но ты и мыслил и писал для них. Чего ж ты добивался, пытаясь доказать, что не напрасно получил имя КОЛОКОЛ?

— Учитель, вы услышали его звон, мой голос? Но мне вспоминать ваш голос — это воскрешать былое, переноситься в блаженные для меня дни детства, любви и свободы, в тепло семьи!

— Семья! Твой отец жестоко обвинил меня, — печально произнес кардинал. — Из-за твоего решения покинуть светский мир я, поверь мне, безвозвратно потерял тогда семью, ставшую мне поистине родной. С тех пор уже около полувека я одинок среди людей.

— Я тоже одинок, учитель, но только в каземате, — ответил узник. — Семья! Как странно слышать! Хотя нет ничего для меня дороже образа моей матери, отец мой!

— Не только для тебя, — многозначительно произнес Спадавелли.

Томмазо поднял настороженный взгляд, представив себе, как-то был его учитель-доминиканец пятьдесят лет назад.

Тот предостерегающе поднял руку.

— Да, да! Я относился к тебе как к сыну, боготворя твою мать, воплощавшую на земле ангела небесного. Но не смей подумать греховного! Память ее и для меня, и для тебя священна! И не нарушен мой обет безбрачия, данный богу. Однако, угадав в тебе вулкан, готовый к извержению, невольнo сам же

пробудив в тебе готовность встать на бой с всеобщим злом, я, каюсь, испугался и хотел спасти тебя любой ценой, об этом же молила меня и твоя мать.

— Спасти?

— В своей наивности неискушенного бенедиктинца я слишком полагался на высоту монастырских стен, стремясь укрыть за ними твой мятущийся неистовый дух, ибо любил тебя, быть может, даже больше, чем твой собственный отец.

— Укрыть меня в монастыре? Но разве это получилось?

— Конечно, нет! Нельзя в темнице спрятать Солнце!

— Вы верите, учитель, в мой факел, зажженный светилом?

— В твой «Город Солнца»? Тогда скажи мне прежде, что ты хотел в нем сказать?

— Учитель, позвольте мне прочесть сонет о сущности всех зол. Он вам ответит лучше, чем я мог бы сам сейчас придумать.

— Твои стихи я ценил еще в твоём детстве. Я выслушаю их и сейчас со вниманием.

Томмазо встал, оперся рукою о стол, глядя на пробившийся через зарешеченное окно солнечный луч, и прочел:

Я в мир пришел порок развевать в прах.

Яд себялюбья всех змеиных злее.

Я знаю край, где Зло ступить не смеет.

Где Мощь, Любовь и Разум сменят Страх.

Пусть зреет мысль философов в умах.

Пусть Истина людьми так овладеет,

Чтоб не осталось на Земле злодеев

И ждал их полный неизбежный крах.

Мор, голод, войны, алчность, суеверье,

Блуд, роскошь, подлость судей, произвол —

Невежества отвратные то перья.

Пусть безоружен, слаб и даже гол,

Но против мрака восстаю теперь я.

Власть Зла сразить Мечтой я в мир пришел! *

Кардинал низко опустил голову, задумался, потом обратился к узнику:

— Стихи твои, Томмазо, умом и сердцем раскалены. Но разве святая католическая церковь не борется со злом?

— Бороться с ним, монсеньор, мало, замаливая и отпуская грехи. Надобно устранять причины зла.

— Не те ли, что ты изложил в своем трактате «Город Солнца»?

— Я рад, учитель, что эти мои мысли знакомы вам.

— Тогда побеседуем о них. Начнем с мелочей.

— Истина не знает мелочей, учитель мой. Я с детства запомнил эти ваши слова.

— Джованни, мой Джованни! Твои воспоминания волнуют меня. Но «Город Солнца» написан уже не Джованни, а Томмазо.

— Томмазо Кампанеллой, помнящим заветы недавнего мученика Томаса Мора, монсеньор.

---

* Здесь и далее переводы А. Казанцева.

— Причислен он к святым и почитаем церковью. Итак, начнем хотя бы с места, где ты поместил свой Город Солнца. Оно ведь неудобно. У экватора еще ни один народ не достигал расцвета.

— Я думал, учитель, что культура не расцветала там не от того, что солнце в полдень жжет над головой, а потому, что устраненные причины зла позволяли множиться порокам.

— Все это так, но разве не лучше поставить твой Город у моря при впадении рек, чтобы удобнее было сообщаться со всем миром? Купцы, торговля издревле способствовали распространению знаний.

— Мой Город, учитель, строит свою жизнь, не отказываясь от общения с другими народами, но не по их правилам. Выкорчевывая причины всех зол, мои соларины заинтересованы не столько в мореплавании и купле-продаже, не в обогащении при удачной торговле, сколько во всеобщем счастье, когда продаются не чужеземные товары, а каждый житель получает из городских богатств все потребное человеку, презиравшему всякое излишество.

— Но кто же им предложит столько товаров?

— Никто, учитель! Они сделают их сами. Ведь трудиться будут все без исключения: ученый, жрец, ваятель, воин — все выйдут на поля или в мастерские для ремесел. Ведь если посчитать у нас богатства, которые создаются людьми низших сословий, но принадлежащие по праву собственности сильным, знатым и богатым, что тратят их на роскошь, пресыщение и войны, и если представить, что эти богатства распределены между всеми, то окажется, что бедных-то и нет совсем! И не от заморских купцов будет счастье у соларинов, а от их собственного труда.

— Труд труду рознь. Всегда найдется работа черная и неприятная для всех.

— Ее будут выполнять те, кто преступил устав.

— Но как же ты хочешь создать Город с новым укладом, когда не было в истории человечества таких примеров? Безгрешной общины быть не может. Апостол Павел говорил: «Если мы думаем, что не имеем греха, то обманываем самих себя».

— Пусть не было таких уставов в жизни, но это не значит, что их не может быть! Люди не знали о существовании Америки, веря святому Августину, считали, что нет за ее океаном. Мореход Колумб из Генуи открыл и новые земли, и глаза людям. Точно так же нельзя отрицать возможность создания «Города Солнца», города без частной собственности.

— Томмазо, ты замахнулся на основу основ! Хочешь срубить сук, на коем зиждется всемирный распорядок. В своем стремлении победить бесправие ты готов лишить людей основных их прав.

— Каких прав, учитель? Права собственности? Но ведь она и есть причина главных зол, порождение богатства одних и бедности других, роскоши сильных и нищеты угнетенных, вынужденных трудиться не на себя!

— Не может существовать того, чего не было на свете!

— Почему же не было, учитель мой? Вернемся снова к первым христианам, у которых в общинах все было общим. И апостолы хранили и восхваляли эту общность имущества.

— Но общины исчезли.

— Однако устав их все же остался... в монастырях.

— Ты хочешь, чтобы весь мир стал одним монастырем?

— А почему бы и нет? Если устав хорош для братии, отчего же всем людям не стать братьями?

— В монастыре обет безбрачия, а в Городе Солнца кошун-ственная общность жен! Тому ли я учил тебя?

— Нет, нет, учитель! Мы привыкли во всем видеть собствен-ность: на землю, на корабли, на скот, на жен! Позорны гаремы, где женщина — рабыня, средство наслаждения, жертва похоти, и даже в наш век женщина, увы, становится рабой своего мужа-господина. А я хотел бы видеть женщин во всем рав-ными мужчинам, и «общими» они там будут лишь для свобод-ного выбора из их числа подруг. Такими же «общими» для них станут и мужчины-мужья. Откинуть надо в слове «общее» вся-кое представление о собственности на женщин и мужчин при вступлении их в брак, когда он считается нерасторжимым до самой смерти, что противоестественно, ибо подобный пагубный обычай и порождает такие пороки, как измена, прелюбодеяние, ревность, ложь, коварство, блуд. Виной тому становится угас-нувшее чувство любви, заменяемое принуждением, расчетом, вы-годой или привычкой, когда жить вместе приходится под одной кровлей уже чужим, а порой и враждебным людям. Соедине-ние пар должно быть свободным и ни в коем случае не быть «продажей тела», как на невольничьем рынке.

Кардинал глубоко вздохнул.

— Какое заблуждение! Ты просто не знал любви, несчаст-ный! Не ведал страстного, бушующего чувства, когда из всех живущих на Земле тебе нужна всего одна, одна! Не знал щемя-щего томления, не вынужден был подавлять зов сердца!

И снова Кампанелла с тревогой взглянул на Спадавелли, сло-ва которого звучали как стихи, и внезапно прервал его отчуж-денным голосом:

— Прошу вас, монсеньор, не трогайте памяти моей матери.

Кардинал вздрогнул и поднял глаза к небу.

— Клянусь тебе именем Христовым, что, говоря это, я вспоми-нал лишь горькие мученья, которые сам испытал, подавляя чув-ства и убивая плоть. Ты сын мне названный, сын по привязан-ности моей к юноше, которого учил. И все же мне жаль, что тебе не удалось испытать тех страданий, которые возвышают душу.

— Страданий я познал, учитель, больше чем достаточно. Но я не знал любви к одной, ее мне заменяла любовь ко всем, учи-тель! Любовь прекрасна, я согласен, хоть ни в монастырских, ни в тюремных стенах мне не привелось к ней прикоснуться.

— В своем стремлении к счастью всех людей ты готов ли-шить их той вершины, которой ни тебе, ни мне не привелось достигнуть.

— Нет, почему же! Разве в «Городе Солнца» наложен на лю-бовь запрет?

— Запрет? Скорее замена любви распутством, похотью, раз-вратом!

— Ах нет, нет, мой учитель! Как не были распутными первые христиане, чью святую стойкость мы с удивлением чтим, не

будут распутными и солярни. Пусть по взаимному влечению соединятся они в любящие пары и так живут, пока жива любовь, без принуждения, без выгоды, не за деньги, не за знатность! О каком же распутстве здесь может идти речь?

— Но принуждение у тебя все-таки есть. В деторождении.

— Дети — долг каждой пары перед обществом и богом. Но дети, составляя будущее народа, принадлежат государству и воспитываются им.

— Насильно отнятые у родителей?

— Зачем же это так видеть? В древней Спарте детей, больных и слабых, неспособных стать красивыми, сильными, мудрыми, сбрасывали со скалы. В «Городе Солнца» об их здоровье станут заботиться до их рождения, поощряя обещающие пары, как происходит то в природе, там отцом становится всегда сильнейший. И вовсе здесь не будет служить препятствием любовь, если она соединяет лиц, достойных иметь потомство для народа Солнца. Только такие пары и должны дарить стране детей.

— Но не воспитывают их. Не так ли?

— Их воспитывает государство.

— Разве здесь нет насилия?

— Позвольте спросить вас, монсеньор. Допустим, герцог, граф или любой крестьянин, горожанин узнает, что у его ребенка порча мозга, возьмется ли он долотом пробить ребячий череп и срезать опухоль — причину уродства?

— Конечно, нет! Здесь нужен лекарь с его искусством и умением.

— Вот видите! А мозг ребенка подвергать увечью неумелого воспитания любой родитель сочтет себя способным? Вы думаете, что сделать ребенка достойным человеком менее сложно и требует меньшего умения, чем долотом пробить череп, коснувшись ножом его мозга? Не каждый, кто родить сумеет, способен воспитать. Вот почему воспитывать детей должно лишь Государство, готовая для того столь же искусных ваятелей ума, как и врачей, способных ножом и долотом спасти от порчи мозга.

— Мир отнятых у матерей детей! Мир, где каждый мужчина вправе пожелать любую женщину! Гарем всеобщий! Содом! Гоморра! Нет, сын мой, не знаю, кто рассудит нас.

— Время, монсеньор, время! Чтобы узнать, нашли ли люди верный путь, готов проспать хоть тысячу лет.

— Бедняга, ты в забытие здесь прозябаешь тридцать лет!

— Я не терял времени, монсеньор, иначе не состоялась бы наша встреча! Наш разговор...

— Наш разговор? Он не коснулся еще твоей склонности к звездам.

— Вы хотите осудить меня за это?

— Нет. Ты сам писал, что влияние далеких звезд на нас неощутимо мягко и наша воля может им противостоять. За это церковь тебе многое прощает.

— И хочет знать, чему противопоставить волю?

— Ты почти угадал.

— Я понял вас, учитель! Как жаль, монсеньор, что вас привели ко мне звезды, а не Солнце!

— Напрасно ты противопоставляешь звезды Солнцу. Они все едины — небесные светила.

— Не рознь светил небесных я имел в виду, а лишь причину, заставившую вас найти меня.

— Пусть моя просьба составить гороскоп не оскорбит тебя, защищенного любовью к людям.

— Просьба — это просьба, не приказ. Она вызывает к добру, от кого б ни исходила. Ее исполнить — долг. Мне нужно лишь узнать год, месяц и число рождения человека, судьбу которого должно угадать по звездам.

— Так запиши, сын мой.

И кардинал Спадавелли сообщил узнику все, что необходимо было знать астрологу для составления гороскопа.

Кампанелла побледнел, но старался овладеть собой. Он понял, что кардинал приехал, чтобы узнать, что уготовил Рок самому святейшему папе Урбану VIII, хотя имени его не произнес никто из них.

Кампанелла проницательно взглянул на кардинала. Пусть он согнут годами, но взгляд его горит. Неужели он пожелал узнать срок перемен на святом престоле и не назовут ли его имени во время новых возможных выборов, когда всех кардиналов запрут в отдельных комнатах Ватикана и не выпустят до тех пор, пока не совпадет названное ими имя нового папы?

Кардинал Антонио Спадавелли опустил свои жгучие глаза. Но думал он о другом, о том страшном дне, когда ему, тогда еще епископу Антонио, удалось предотвратить жестокую и позорную казнь мыслителя, чьи мысли он опровергал, не отказывая им в светлом стремлении к благу людей. Тогда несчастный, измученный Томмазо был почти без чувств и не узнал его среди инквизиторов и палачей, вынужденных подчиниться представителю папского престола, наложившего потом на них епитимью за пользование нехристианскими способами дознания, отбивших за эту провинность положенное число поклонов.

Но кардинал Антонио Спадавелли ничего не сказал об этом своему бывшему ученику и ныне несгибаемому противнику в споре.

Благословив опального монаха, он оперся на посох, встал и отворил незапертую пока тюремную дверь.

ЧЕСТЬ И КОВАРСТВО

Велика была власть главы католической церкви папы. Государи считались с ним, искали в нем опору и в интересах церкви вступали в войны, кровь верующих лилась рекой, не столько за истинную веру, сколько за влияние тех, кто ее представляет в одном или другом лагере.

И бились католики с последователями Лютера в германских государствах, в Дании и в Швеции, с гугенотами во Франции, с непокорными папской власти англичанами.

И когда во Франции вождь удачливых в ту пору гугенотов Генрих Наваррский взшел на престол, ему все же пришлось принять католичество и с благословения папы стать католическим королем Генрихом IV, правда оговорившим некоторые привилегии своим бывшим соратникам-единоверцам. Однако кинжал фанатика, к удовлетворению Ватикана, покончил с королем Ген-

рихом IV. А к слабому, потом оказавшемуся на его престоле Людовику XIII заботой папы был приставлен возведенный им в кардиналы Ришелье. В 1624 году одновременно с назначением его первым министром Франции, несмотря на его духовный сан, ему было присвоено высшее для всех стран военное звание генералиссимуса.

И беспредельной стала власть истинного правителя Франции кардинала Ришелье, умного, коварного и лживого. Когда же после подавления крестьянских бунтов и усмирения строптивых вассалов он достиг вершины своего могущества, ему уже мало стало покорной Франции с ее послушным королем, окутанным кардинальской лезтью. Его высокопреосвященство не столько в интересах папы, сколько ради европейской гегемонии втянул Францию в Тридцатилетнюю войну с истощенными уже ею странами. Король же, предоставив кардиналу все государственные и военные заботы, предавался развлечениям, восторгаясь лихими проделками своих мушкетеров, и смотрел сквозь пальцы на их дуэли с гвардейцами кардинала, в особенности если они были удачны для мушкетеров и неприятны его высокопреосвященству.

Король считал, что путь в высшее общество прокладывается шпагой, и прекрасно знал, что кардинал уважает тех, кого несет на своих крыльях Удача. К тому же искусники фехтования, к которым без достаточных оснований причислял себя и король, настоятельно требовались Франции, поскольку скорого окончания войны не предвиделось.

Ришелье отлично понимал, что преданность — дитя личной выгоды, потому был так же щедр к тем, кто верно служил ему, как беспощаден к врагам, впрочем, всегда готовый привлечь их на свою сторону.

Кардинальский дворец на площади, куда вливалась улица Сен-Онорэ, стала пристанищем тех, кто добился милости всемогущего кардинала, карабкаясь по лестнице благополучия.

В богатых залах толпились и пропахшие потом суровые воины с торчащими усами в пыльных камзолах и грязных ботфортах, и искусные в дворцовых интригах, надушенные аристократы в богатых одеждах с кружевными панталонами.

Грубая сила сочеталась здесь с искусством лести, солдатские шутки с кичливостью и изяществом манер вельмож.

Среди этой пестрой толпы бесшумными тенями сновали скромные монахи с опущенными глазами, в сутанах, опоясанные вервием, при их отрешенности от всего суетного мирского излишне внимательные ко всему, что говорилось вокруг.

По настоятельному совету своего неизменного помощника и земляка итальянца Мазарини кардинал Ришелье решил пополнить своих сторонников из числа самых отменных дуэлянтов. Ему надоели насмешки короля за вечерней шахматной партией по поводу очередных побед мушкетеров над гвардейцами в поединках, которые не наказывались королем. Потому и потребовались теперь его высокопреосвященству сорвиголовы, не менее отважные, чем те, которые служили в роте мушкетеров.

Мазарини всегда угадывал желания кардинала и позаботился представить ему столь же бездумных, как и отчаянных, дворян, у которых владение шпагой заменяло все остальные достоинства.

Немало бравых забияк, сознающих свои грешки, со страхом,

какого не испытывали при скрешивании шпаг, побывали в библиотеке среди книг и рыцарских доспехов, «представ пред орлиные очи рыцаря креста и шпаги» герцога Армана Жана дю Плесси, кардинала де Ришелье, который предлагал им выбор между безоглядным служением ему и Бастилией с маячившим за нею эшафотом.

Надо ли говорить, что эти его посетители без колебаний предпочитали шпагу в руках во славу кардинала и Франции петле на шею за нарушение указа короля.

И вот одним из таких посетителей, которому предстояло сделать подобный выбор, в кабинете Ришелье оказался однажды и самонадеянный юноша, снискавший славу необыкновенного дуэлянта Савиньон Сирано де Бержерак, «бешеный гасконец», гордо прошедший сквозь толпу гвардейцев в приемной кардинала, уже знавших, что прокатываться на счет носа гасконца небезопасно, ибо он обладал не только этим «украшением» лица, но еще и ядовитым языком, так жалящим дворянское самолюбие, что вызов «оскорбителя» на дуэль становился необходимостью, а результат поединка при его неподражаемом владении шпагой предпрешенным.

Мазарини считал, что приглашенный им на этот раз бретер может оказаться весьма полезным, скажем, в роте гасконцев, могущей достойно противостоять не столько враждебным Франции армиям испанцев или англичан, сколько мушкетерам капитана де Тревиля. Знал это и кардинал Ришелье.

Кардиналу Ришелье перевалило за пятьдесят, но он выглядел крепким, бодрым, полным энергии и властолюбия.

Сирано де Бержерак предстал перед всемогущим кардиналом, оглядывая убранство кабинета, принадлежащего скорее ученому, чем государственному деятелю. Он явственно ощущал на себе испытующий взгляд его высокопреосвященства, облаченного в кардинальскую мантию с алой подкладкой. Лицо первого министра Франции было еще красиво с подкрученными усами и острой бородкой воина. На груди его красовалась золотая цепь с крестом.

— Сударь, — начал кардинал, опуская веки, — мне горестно напоминать вам, что нарушителям указа короля, запретившего дуэли, уготовано место в Бастилии.

— Воля короля и вашего высокопреосвященства для тех, кто готов отдать жизнь за Францию, священна.

— Не лучше ли отдать ее на поле брани, чем на эшафоте, сын мой? Будем откровенны. Сколько дуэлей на вашем счету?

— Сто, монсеньор, — вставил находившийся тут же незаметный в серой сутане, но подражающий своей внешностью Ришелье Мазарини.

— Сто? — переспросил кардинал, сверкнув глазами.

— На моем счету нет ни одного вызова на поединок, ваше высокопреосвященство, — сказал, гордо вскинув голову, Савиньон Сирано де Бержерак.

— Как так? Перед отцом церкви и первым министром короля вы утверждаете, что ни разу никого не вызвали на дуэль?

— Ни разу, ваша светлость!

— Но вы участвовали в поединках, нарушив тем волю короля!

— Разве его величеству более угодны трусые, бегущие от про-

тивника и пятнающие дворянскую честь? — вместо ответа с задором спросил Сирано.

— Не спорю, господин де Бержерак. Дворянская честь дорога королю, как и мне, его слуге. А у вас, как мне кажется, репутация в отношении защиты чести завидная. По части же острословия я и сам убедился в том, задав вам, как припоминаю, несколько вопросов на выпускных экзаменах коллеги де Бове.

— Я готов служить Франции всем, на что способен, если вы того пожелаете, ваше высокопреосвященство.

— Кому, кому служить? — нахмурился кардинал. Он привык слышать о готовности служить ему или хотя бы королю.

— Франции, ваше высокопреосвященство.

— Франции? Это похвально, — недовольно заметил кардинал. — Но служить надобно и церкви, во имя которой десятилетиями льется кровь истинно верующих.

— Я готов стоять с ними рядом, пока мысля и существую.

— Если не ошибаюсь, это формула философа Декарта?

— Совершенно верно, ваше высокопреосвященство. Декарт считает, что мир познается через наши чувства, и душа человека в соединении с его телом позволяет ему обрести способность мыслить, а следовательно, и существовать.

— Не кажется ли вам, молодой человек, что наша святая вера учит нас иному?

— По мнению Декарта, слепая вера слепа, а он своим учением помогает людям прозреть.

— И вы придерживаетесь этого лжеучения?

— Не вполне, ваше высокопреосвященство, ибо Декарт не объясняет всего многообразия мира, но тем не менее я преисполнен уважения к этому титану мысли.

— А известно ли вам, что святейший престол осудил его творения?

— Я не святейший пастырь, чтобы осуждать Декарта, ваше высокопреосвященство, но уважать его считаю за честь.

— Считаете за честь?

— Как и его предшественника Томмазо Кампанеллу, который, будучи предан богу, учит людей жить справедливо и честно.

— Уж не «Город Солнца» ли ранил вашу буйную голову, которую вы готовы сложить за Францию?

— За Францию и за свои убеждения, ваша светлость.

— Не хотите ли вы также сказать, что убеждены в своей готовности защищать неугодного папе Декарта или Фому Кампанеллу, приговоренного за ересь к пожизненному заключению?

— Готов в равной степени защищать убеждения обоих этих мыслителей как свои собственные.

— Тогда вам полезно узнать, сын мой, что на основании буллы святого папы римского, запретившего еретические книги Декарта, эти сочинения будут преданы огню сегодня ночью в присутствии истинных католиков вблизи Нельской башни.

— Это недопустимо, ваша светлость!

— Что вы хотите этим сказать? Уж не решитесь ли вы помешать благому делу?

— Сочту своим святым долгом, ваше высокопреосвященство!

— Интересно, как вы это сделаете? — спросил кардинал с

усмешкой, откидываясь на спинку кресла. — Готов биться об заклад, что это вам не удастся! Один против целой толпы?

— Вот видите, ваше высокопреосвященство, вы сами ставите меня в такое положение, когда я не могу не принять ваш вызов, чтобы не слыть трусом!

— Мой вызов? — сделал удивленный вид кардинал.

— Конечно, ваша светлость! Вы только что предложили мне побиться с вами об заклад, что мне не защитить книг уважаемого мной мыслителя Декарта от какой-то там толпы.

— И вооруженных стражников, — добавил кардинал.

— И вооруженных стражников, — согласился Сирано.

— И против всех вы будете в одиночестве?

— Нет, почему же, ваша светлость! Со мною будет моя шпага!

— За меньшие проступки и дерзость я мог бы отправить вас в Бастилию, но я имел неосторожность обмолвиться, что готов побиться с вами об заклад, — сказал кардинал. — А мое слово, слово председателя Королевского совета, не уступает королевскому.

— Это известно всей Франции! И я буду рад служить тому доказательством!

— Итак, бьемся об заклад? — со скрытым коварством спросил Ришелье. — Что же вы ставите, сударь?

— Свою голову, ваше высокопреосвященство, и завещание, передающее вам мою долю отцовского наследства.

— Благородно, но негусто! — с нескрываемой насмешкой произнес кардинал. — Или вы слишком высоко цените свою голову?

— Даром я ее не отдам во всяком случае.

Кардинал, будучи в душе игроком, увлекся игрой и, предвидя ее исход, забавлялся с молодым человеком как кошка с мышкой, подобно его любимому коту, который нацеливался прыгнуть ему на колени.

— В случае моего выигрыша, надо думать, ваша голова не достанется мне (за ненадобностью!), но ваша доля из отцовского наследства, переданная мной одному из монастырей, послужит богу. Так пишите, господин Сирано де Бержерак!

Мазарини по знаку кардинала подвинул Сирано письменные принадлежности. Сирано взял гусиное перо с пышным оперением и попробовал его остроту на язык.

— Пишите, — стал диктовать Ришелье. — «Если я, Сирано де Бержерак, гасконский дворянин, не смогу защитить от толпы сторонников святой католической церкви предназначенных для сожжения книг лжефилософа...»

— Простите, ваше высокопреосвященство, — почтительно перебил Сирано, — но закладную записку пишу я, и в ней недопустимы паралогизмы.

— Как, как? — изумился кардинал.

— Противоречия и несоответствия, ваша светлость. Потому, с вашего позволения, поскольку я не могу отстаивать книг лжефилософа, я напишу «философа».

— Пишите хоть дьявола! — гневно воскликнул Ришелье. — У кого вы учились после коллеги де Бове?

— У замечательного философа Пьера Гассенди, ваше высокопреосвященство.

— У того, кто опровергает Аристотеля, опору теологов святой католической церкви?

— Именно у него.

— И все его ученики так же задиристы, как вы?

— Каждый по-своему, ваше высокопреосвященство, например, мой товарищ Жан Поклен под именем Мольера ставит свои едкие комедии.

— Скажи мне, кто твои учителя и товарищи, и я скажу, кто ты, — заметил Ришелье, поморщась при упоминании Мольера.

Мазарини тем временем неслышно покинул кабинет и, войдя в приемную, поманил к себе одного из монахов в сутане с капюшоном на спине.

Он что-то шептал ему, тот кивнул и, смиренно наклонив голову, стал пробираться к выходу через толпу посетителей, ждавших окончания важного разговора кардинала.

Мазарини вернулся в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь.

— Каюсь, ваше высокопреосвященство, — говорил меж тем Сирано, — некоторых из своих учителей мне пришлось высмеять в комедиях «Проученный педант».

— Я знаком с этой вашей комедией, — с неожиданной улыбкой произнес Ришелье, — и мне хотелось бы, сын мой, направить ваш поэтический талант на более благородную стезю, если бы вы согласились остаться поэтом при мне.

— Никогда, ваша светлость! В ответ я прочту вам единственные строчки, которые в состоянии посвятить вам:

Как дикий конь, брыкаясь в поле,
Не станет слушать острых шпор,
Так не пойдет поэт в неволю,
Чтобы писать придворный вздор!

Кардинал вскипел и даже вскочил на ноги, сбросив с колен лабравшегося туда кота.

— Довольно! Ваши несчетные дарования равны лишь вашей дерзости, которую вам придется защищать со шпагой в руке, как вы это делали в отношении других своих особенностей.

— Каждый из нас, ваше высокопреосвященство, в закладе, на который мы бьемся, будет защищать не столько свое лицо, сколько свою честь.

— Решусь заметить вам, молодой... слишком молодой человек, что язык ваш — враг ваш!

— Не спорю, враги появляются у меня из-за моего языка, но я усмиряю их. И так же намерен поступать и впредь.

— Усмиряете? — Кардинал сделал несколько шагов за столом. — Усмиряют и диких коней в поле, сколько бы они ни брыкались.

— Насколько я вас понял, ваша светлость, вам нужны не усмирненные, а бешеные кони, которым вы как наездник всегда отдавали предпочтение. И я надеюсь на свои «копыта».

— Всякая надежда хороша, кроме самонадеянности. Но мы слишком отвлеклись, сын мой. Вы не подписали закладную записку.

— Извольте, я заканчиваю, рассчитывая получить такую же закладную записку от вас, ваша светлость, как от защитника

высшей дворянской чести прославленного герцога Армана Жана дю Плесси, не только первого министра Франции, но и ее первого генералиссимуса, кардинала де Ришелье! Заклад так заклад!

— Я никогда не откажусь от своего слова, сказанного хотя бы лишь в присутствии одного Мазарини.

Мазарини, успевший вернуться, поклонился.

— Я поставил свою жизнь и отцовское завещание, теперь очередь за вами, ваша светлость! — сказал Сирано, передавая записку Ришелье.

— Надеюсь, этого перстня окажется достаточно? — И кардинал повертел на пальце тяжелый бриллиантовый перстень.

— Я не ношу перстней, не будучи слишком богатым, и не торгую бриллиантами, будучи слишком гордым. Против моей жизни и моего посмертного наследства я просил бы вас, ваше высокопреосвященство, поставить другую жизнь и пенсию.

Ришелье искренне удивился. Что за дьявол сидит в этом болезненном юнце, позволяющем себе так говорить с ним? Но он скрыл свое возмущение за каменным выражением лица.

— Вот как? — с притворным изумлением произнес он. — Чья же жизнь и чья пенсия вас настолько интересуют, что вы готовы прозакладывать свою голову?

— Если я ее сохранию, не допустив глумления над творениями философа Декарта, то вы, ваше высокопреосвященство, воспользуетесь своим влиянием при папском дворе и испросите у святейшего папы Урбана VIII освобождения из темницы предшественника Декарта Томмазо Кампанеллы, проведенного там почти тридцать лет.

— Вы с ума сошли, Сирано де Бержерак! Чтобы кардинал Ришелье, посвятивший себя борьбе с бунтарями, стал вызволять из тюрьмы осужденного на пожизненное заключение монаха, написавшего там трактат «Город Солнца»?

— И еще десяток трактатов по философии, медицине, политике, астрономии, а также канцоны, мадригалы и сонеты!

— Одумайтесь, Сирано! О чем вы просите?

— Я вовсе не прошу, ваша светлость. Я называю вашу ставку против своей, если вам угодно будет на нее согласиться.

Кардинал вышел из-за стола и стал рассказывать по кабинету.

Монах, получивший распоряжение Мазарини, прошел от дворца кардинала мимо Лувра, перебрался по мосту на другую сторону Сены, где возвышалась Нельская башня с воротами, и остановился около людей, приготавливавших по приказу кардинала по случаю дня святого Эльма вечерний костер перед нею, огонь которого должен отразиться в реке и быть видным из окон королевского дворца, позабавив тем короля и придворных.

Другой монах, руководивший приготовлениями к этой ночной иллюминации, выслушав переданное ему распоряжение, кивнул и куда-то поспешил, отдав оставшимся распоряжения.

Кардинал же не мог прийти в себя от упоминания о Кампанелле.

— Город Солнца! — гневно восклицал он. — Вот чему учил

вас этот Гассенди! Недаром преследуют его братья иезуиты! Город, где будто не будет ни знатности, ни собственности! Все общее! Даже... дети.

— Они принадлежат государству и воспитываются им. Во главе же государства стоят ученые и священнослужители, как и у нас теперь во Франции, где в лице вашего высокопреосвященства воплощено и то и другое. Позволю себе напомнить, что Кампанелла попал в тюрьму тридцать лет назад за организацию заговора против испанского владычества в Южной Италии, безусловно вам враждебного. И вы могли бы указать святейшему папе Урбану VIII, что, предоставив Кампанелле свободу, он обретет знатнейшего астролога.

Ришелье задумался.

— Астролога? — переспросил он. — А его не винит за это католическая церковь?

— Католическая церковь не может преследовать астрологов, если они пользовались вниманием не только вашего высокопреосвященства, но и святого папы Павла V и самого Урбана VIII.

— Однако вы осведомлены о многом, слишком о многом, — сердито заметил Ришелье. — Пойдет ли это вам на пользу? Впрочем, пишите, Мазарини, — приказал он.

Тот устроился у стола, взяв у Сирано гусиное перо.

— Боюсь, моя закладная записка не доставит удовольствия испанскому королю, — вслух размышлял Ришелье.

— Клянусь вручить ее только вам, ваше высокопреосвященство. И ради одного этого остаться в живых!

— «Уполномочиваю гвардейца гасконской роты королевской гвардии господина Савиньона Сирано де Бержерака оказать отцу Фоме Кампанелле по прибытии его во Францию, в чем содействовать ему, гостеприимство от имени французского правительства, заверив отца Фому, что он получит достойное его убежище, уважение...»

— И пенсию, — добавил Сирано.

— И пенсию, — многозначительно повторил Ришелье.

Мазарини передал ему бумагу, и кардинал поставил под нею размашистую подпись.

Вручив записку Сирано, он движением ладони отпустил его.

Сирано почтительно раскланялся и направился к двери, стараясь не задеть концом своей длинной шпаги за столы с книгами и развернутыми картами.

Уже вслед ему кардинал заметил:

— Помните, господин де Бержерак, что в гасконскую роту королевской гвардии принимают только живых.

Сирано обернулся.

— Обещаю, ваше высокопреосвященство, после усмирения толпы у костра близ Нельской башни вступить в роту благородного господина де Карбон-де-Костель-Жалу, благодаря вас за оказанную мне честь.

Ришелье, сидя в кресле, величественно наклонил голову, пряча злорадную усмешку.

Когда Сирано вышел, Ришелье деловито сказал Мазарини:

— Постарайтесь, друг мой, чтобы толпа у костра близ Нельских ворот была не меньше...

— Ста человек, — подхватил Мазарини. — Я уже распорядился.

— Вы, как всегда, угадываете мои мысли! Но какой у него нос, Мазарини! Словно он дарован ему самим дьяволом.

— Даже сам сатана не поможет ему этой ночью, — мрачно заверил Мазарини.

— Да, да! И позаботьтесь, чтобы записку взяли там... Завтра она должна лежать на моем столе.

КОСТЕР У НЕЛЬСКОЙ БАШНИ

Не надо думать, что двадцатилетний Сирано де Бержерак походил кардинальский дворец победителем. Напротив, мгновенный подъем духа, овладевший им перед лицом могущественного кардинала, сменился упадком, и он горько размышлял о своем дерзком отказе от благ приближенного к Ришелье поэта и о рискованном мальчишеском споре с ним об заклад, объясняемых непомерной гордостью, которая скорее прикрывала его слабость, нежели отражала силу. Его гордыня заставила его отказаться от обеспеченности придворного поэта, оставшись вместе со своей свободой творчества в прежней бедности.

Франция XVII века виделась Савиньону совсем не такой, какой выглядит из нашего времени триста с лишним лет спустя. Быть может, великий романист, блистательный Дюма-отец, остривший, что для него «история — гвоздь, на который он вешает свою картину», живописуя на ней дворцовые интриги, любовные похождения и скрещенные шпаги, все-таки был ближе к пониманию молодых Сирано де Бержераком его времени, хотя тот и ощущал чутьем духовную пустоту вокруг себя, kloкoтaвшyю несправедливостью, ханжеством, непрерывной борьбой французов против французов, или сводящих между собой мелкие счеты, или защищающих чуждые им интересы враждующих вельмож. А то и натравляемых друг на друга пастырями церкви, принуждающими молиться лишь по-своему.

В ту пору Сирано де Бержерак никак не предвидел, что положит когда-нибудь путь великим французским гуманистам, таким, как Жан-Жак Руссо, Рабле, Вольтер, подготовившим умы людей к вулкану французской революции.

У Савиньона же даже его детское воспоминание о поджоге отцовского шато никак не связывалось с полыхавшими по всей Франции крестьянскими бунтами, жестоко подавляемыми тем же Ришелье. Зная лишь философов древности и преклоняясь перед современными ему мыслителями Кампанеллой, Декартом, Гассенди, в отличие от них он становился вольнодумцем. Идя дальше проповедуемой Кампанеллой терпимости к любой религии или попытки Декарта при отрицании слепой веры доказать существование бога математически, Сирано, опираясь на материализм Демокрита, развитый Гассенди, готов был вообще отказаться от веры в бога, допускающего на земле торжество зла, жестокости, изуверства и преступлений. Некоторые из пап причастны были и к отправлению неугодных, к ложным обвинениям в ереси, а один раз даже к скандальному обману, когда после смерти очередного папы выяснилось, что он был... женщиной.

Причастны многие папы были и к тягчайшим злодеяниям, творимым от их имени святой инквизицией. И бог их, представителем которого, как наместники святого Петра, они себя провозглашали, никогда не приходил на помощь страждущим и несчастным, обещая им избавление от всех бед лишь в загробной жизни.

Сознание всего этого зрело в уме отважного дуэлянта, воспринимавшего жизнь с одной лишь стороны, считающего, что шага, которой он виртуозно владел, решает все. Однако он с горечью думал, что его успехи могут быть названы «удачами неудачника».

Однако, холодно размышляя, он уже понимал, что вечером, когда враги в неистовой толпе накинутся на него со всех сторон, шага едва ли окажется лучше перышка.

Шагая по Парижу карет с гербами на дверцах, храпящих, цокающих подковами запряженных цугом лошадей, надменных всадников в шляпах с перьями и подобострастно кланяющихся простолудинов с унылыми, сытыми или веселыми лицами, толстых, переваливающихся с ноги на ногу матрон и куда-то спешащих хорошенек парижанок, Савиньон, погруженный в себя, ничего этого не замечал, направляясь прямо в былой свой коллеж. Там он нашел экзекутора и впервые по собственной воле провел вместе с ним три часа в свободном, к счастью, карцере, после чего уснул мертвецким сном.

И ему снилась первая встреча с экзекутором, только что появившимся в коллеже де Бове индейцем из племени майя, которому предстояло истязать провинившегося Сирано двадцатью пятью ударами плетью со свинчаткой. А он, едва закрылась дверь камеры порок, упал на колени перед Савиньоном, приняв его из-за носа, начинающегося выше бровей, за потомка белокожих богов, тысячелетия назад побывавших на полуострове Юкатан. Так экзекутор стал тайным другом «юного потомка богов», обучив его приемам божественной борьбы без оружия с движениями, ускоренными в три-четыре раза, и силой удара, умноженной в десять с лишним раз.

Индеец еле растормошил его, когда начало смеркаться, заставив проделать упражнения на быстроту движений.

Карета кардинала, запряженная бешеными лошадьми, обогнала Савиньона, когда тот еще только шел днем по парижским улицам. Кардинал спешил в Лувр сообщить королю важную весть. Но она не касалась, конечно, ведущихся военных действий, отраженных на разложенных в кабинете Ришелье картах, бесед с послами союзных по Тридцатилетней (как впоследствии ее назвали) войне с обескровленными ею странами, в первую очередь с Испанией и габсбургской династией. Дело на этот раз для короля было куда более важное, способное привести его величество в хорошее расположение духа, которого он со вчерашнего проигрыша в карты пятисот пистолей был лишен.

Несмотря на стремление короля Людовика XIII выглядеть всегда величественно, все же ему не удавалось скрыть природной пронырливости и своих порывистых движений. Выставленная вперед голова с топорщащимися подкрученными усами,

тяжелая бурбонская нижняя часть лица, скрашенная остренькой бородкой, создавала впечатление, что королю все время надо что-то выискивать для себя особо приятное, могущее доставить удовольствие.

— Ваше величество, хочу напомнить вам, что сегодня день святого Эльма, — обратился к нему со смиренным, но многозначительным выражением в голосе кардинал Ришелье.

— Да заступится он за нас перед всевышним, — пробормотал король. — В нашей стране мы чтим его наравне со справедливостью, о которой печемся.

— Это известно всей Франции, потому я и решился сегодня, ваше величество, предоставить вам удовольствие.

— Удовольствие? — насторожился король. — Охота, бал или что-нибудь менее людное? — со скрытым значением произнес он, улыбаясь и пряча лукавый взор.

— Зрелище, ваше величество! Еще вчера я приказал привезти к Нельской башне и сложить напротив вашего дворца изрядный запас топлива, и сегодня, когда стемнеет, там будет разложен великолепный костер, который волшебю отразится в Сене и даст возможность и вам, ваше величество, и ее величеству прекраснейшей из королев, и всем вашим приближенным получить наслаждение от редкой, невиданной дотоле иллюминации.

— Как это вам пришло в голову, Ришелье? Вы радуете меня! Я уже думал, что умру со скуки, вы ведь знаете, как она мучает меня!

— Огни, ваше величество, вспыхивающие в грозвые дни божьего гнева на устремленных в небо остриях церкви святого Эльма, навели меня на мысль, что день этого святого, даже вдали от его церкви, надо отмечать огнем. И это будет красиво!

Король оживился:

— Вы истинно государственный человек, кардинал! Ваши предлагаемые мне решения всегда проникнуты высшей мудростью. Мы с вами будем вместе наблюдать за вашей выдумкой, сидя у окна за шахматным столиком. Вчера я так досадно проигрался в карты!

— Вам, несомненно, удастся взять реванш за шахматной доской, ибо я не знаю другого такого мастера этой игры, как ваше величество.

— Можно подумать, что я никогда вам не проигрываю.

— Только из снисхождения, ваше величество.

— В таком случае мы разыграем испанскую партию, хотя вы и терпеть не можете испанского короля.

— Моя задача — освободить вас от этих докучливых политических забот, ваше величество.

— Хорошо, кардинал! Я сам объявлю придворным о предстоящем зрелище, уготованном нам вашей заботой. Пришлите ко мне церемониймейстера двора.

Кардинал величественно поклонился, но не двинулся с места. Лишь когда какой-то вельможа стал раскланиваться с ним, он послал его, как лакея, за церемониймейстером.

Король повел носом и усмехнулся. Ему было приятно хоть чем-нибудь досадить кардиналу.

К вечеру по случаю иллюминации, посвященной святому Эль-

му, о чем прошел слух по всему Парижу, обитатели Лувра во главе с королем и королевой Анной, не утратившей своей легендарной красоты, теснились у окон, выходивших на Сену, каждый на своей половине. Силуэт Нельской башни с открытыми в ней воротами вырисовывался на чистом небе. Костер разожгут одновременно с закрытием Нельских ворот.

К берегу Сены перед Лувром стали съезжаться богатые экипажи, а в их числе карета с графским гербом на дверцах, в окошке которой виднелось прелестное личико графини с кокетливой родинкой на щеке.

Ее уже ждал спешившийся всадник, по-крысиному ловко юркнувший к открытому окну остановившейся кареты.

— Что нового у вас, маркиз? — жеманно спросила графиня де Велье, ответив на церемонное приветствие своего приближенного. — Вы перестали баловать меня пикантными подробностями, а это грозит вам потерей моего расположения.

— Упаси бог, графиня! Лучше мне попасть в клетку смертников. Но я сумею увилинуть от этого, поскольку у меня припасено нечто особенное!

— Что? Что? — почти высунулась из окна прелестная графиня. — Неужели она и он?.. Ах, это просто ужас!

— О нет, мадам! Еще пикантнее!

— Не мучьте меня, я сгораю от нетерпения!

— Сгорать будете не вы, а нечто совсем другое, графиня!

— Это связано как-нибудь со святым Эльмом? Говорите же!

— Огни святого Эльма возгораются в дни божьего гнева, громяющего в небесах. Сегодня можно ждать грома.

— Боже мой! Гром в ясном небе? Мне страшно.

— На этот раз гроза будет особенной. Не в небе, а на земле.

— Может быть, здесь небезопасно и нам лучше уехать?

— Вас отделит от нее река! На том берегу, мадам, произойдет это пикантное, я бы сказал, событие.

— Как? У Нельских ворот, у всех на виду? Срам какой! Вы просто невозможны, маркиз.

— Костер, разложенный для всеобщего удовольствия, будет не простым.

— Ну ясно, не простым. В честь святого Эльма. Я тоже поминала его в своей утренней молитве.

— На костре будут сожжены книги Декарта, осужденного святейшим папой.

— А кто это такой? Еретик? Так почему же его самого не сожгут на этом костре?

— Он успел укрыться в Нидерландах, мадам.

— Какая жалость! Я никогда не видела сожжения людей! Говорят, они кричат. От одной только мысли об этом у меня мурашки бегут по спине.

— Я хотел бы быть одной из этих «мурашек».

— Оставьте вы! У меня замирает сердце!

— Вашему столь дорогому мне сердцу еще придется замереть сегодня, мадам.

— Неужели? Значит, его все-таки поймают и сожгут?

— Если не его, то кое-кого другого вам придется помянуть сегодня в своей вечерней молитве. Вы видите эту карету?

- Конечно! Кто в ней?
- Баронесса де Невиллет. Она явилась сюда ради него...
- Боже мой! Она же стара, у нее столько морщин. И все-таки ради кого-то примчалась сюда? Поистине «маленькая собачка до старости щенок»!
- Графиня! Вы так же прекрасны, как злы! Она приехала ради своего крестника.
- Вот как? Кто это?
- Если вы помните, на вечере у нее нас забавлял стишками молодой скандалист, который потом отделал шпагой бедного графа де Вальвера.
- Этот, с безобразным носом? Вероятно, он не пользуется успехом у дам. И вряд ли может иметь отношение к чему-нибудь пикантному.
- Если не считать пикантным поединок одного человека со многими.
- Сразу несколько поединков! И на глазах у короля, их запретившего! Это действительно пикантно! — И дама залилась звонким хохотом. — Какой же вы шутник, однако!
- Король запретил поединки между двумя дворянами, а мы с вами, вместе с королем из Лувра, посмотрим, как Сирано будет отбиваться от целой толпы простолюдинов, истинных католиков, возмущенных его намерением вопреки воле святейшего папы помешать сожжению книг.

Именно так рассуждал и король Людовик XIII, когда после дебюта начатой с кардиналом шахматной партии тот сообщил ему о дерзком желании Сирано вмешаться в святое дело, порученное монахам, весь день собиравшим по монастырям книги Декарта.

— Конечно, кардинал, мы с вами запрещали только поединки чести между двумя противниками, — говорил король, — но отнюдь не все виды сражений, иначе нам пришлось бы капитулировать даже перед Испанией.

— Это так же не может случиться, ваше величество, как победа одного безумца над ста противниками.

— Но в шахматах, ваше преосвященство, я люблю пожертвовать вам все фигуры, чтобы последней поставить мат.

— Но перед костром у господина Сирано де Бержерака не будет ни одной фигуры для жертв, кроме самого себя.

— Посмотрим, посмотрим, — нетерпеливо завертел выставленной вперед головой король. — Не пора ли закрывать Нельские ворота и зажигать костер?

— Все придет в свое время, если господин Сирано де Бержерак не опомнится и не опоздает.

— Вы допускаете, что он может струсить?

— Это его единственный путь к спасению, но ведущий, увы, в Бастилию за стократное нарушение вашего запрета на дуэли, ваше величество.

— Неужели стократного? Ну и молодец! — не удержался король от возгласа. — Кстати, не ваши ли это монахи выстроились чуть ли не солдатским строем перед сваленными дровами и хворостом?

— У каждого из них к груди прижато по два-три тома сочинений Декарта.

— Полит ли хворост маслом? — осведомился король.

— Уже зажгли факелы, ваше величество.

— Кажется, я прозевал фигуру, — рассердился король. — Вы заговорили меня. Впрочем, не Сирано ли это появился между костром и толпой монахов? Вооруженный против безоружных! Где ж тут равенство сил?

— Но за монахами вы можете увидеть толпу истинных католиков. У них найдется чем сломать даже лучшую шпагу.

— Надеюсь, и шею еретика?

— Да, — задумчиво заметил кардинал, — его действия можно расценить и как еретические, направленные против буллы папы.

Монахи меж тем подошли к просмоленным поленьям и предусмотрительно политому маслом хворосту и подожгли костер.

Пламя взвилось к небу, вызвав вопль восторга у всех, кто находился по обе стороны Сены.

Огонь отразился в воде и заплескал бегущими отсветами и бликами, словно на водную твердь рассыпали воз бриллиантов.

Осветились мрачные контуры Нельской башни с запертыми на ночь воротами.

— Какая прелесть! — воскликнула графиня де Велье. — Маркиз, вы заслуживаете награды!

— Зрелище еще впереди, — пообещал маркиз.

И тогда между столпившимися монахами и костром возникла одинокая фигура стройного, совсем еще молодого человека.

Не обнажая шпаги, он крикнул так, что его было слышно не только на обоих берегах Сены, но и во дворце:

— Всякий, кто приблизится к костру, чтобы бросить в него книги Декарта, сам окажется в костре. Это говорю я, Сирано де Бержерак. Берегитесь!

Замешательство среди монахов было недолгим.

Первый из них, творя крестное знамение и шепча молитвы, приблизился к костру, неся книгу в вытянутой руке.

Никто не мог дать себе отчета, каким образом он вдруг взмахнул своей сутаной и полетел в трескучее пламя костра.

Раздался поросячий визг, и через мгновение живой факел ринулся от костра к группе монахов.

— Какая прелесть! — снова воскликнула графиня с родинкой. — Ведь он, наверное, обжегся, бедненький?

— Кто следующий? — крикнул Сирано.

— Вы заметили, ваше преосвященство, он не обнажает шпаги?

— Пока, пока, ваше величество. Я послал туда стражников.

— Тогда другое дело! — И король шмыгнул носом.

Меж тем группа монахов как по команде пришла в движение. Однако нельзя даже передать быстроту происходящего. Руки Сирано от неповторимых по молниености движений, да и сам он, мечущийся исчезающим призраком, может быть, из-за капризов освещения, становились порой невидимыми, но сутаны, задранные ноги дерзнувших приблизиться к костру монахов мелькали в воздухе, а горящие факелы, вырывающиеся из костра, отчетливо были видны.

В ответах пламени виднелись разбросанные по земле книги в кожаных переплетах.

— Несчастные монахи, — заметил король.

— Они страдают за веру, — ответил кардинал.

Тогда на Сирано двинулась толпа, наспех набранная монахами по трактирам.

Сирано так и не обнажил шпаги. Но, если бы индеец Августин мог видеть, как он справлялся с полупьяными погромщиками, привыкшими к тому, чтобы их боялись и понятия не имевшими о тех невероятных приемах сынов Солнца, которые, стоя спиной к костру, пустил в ход Сирано, угощая каждого, кто приближался к нему, ударами в самые болевые места!

Через короткое время земля была усеяна корчащимися людьми, и берег Сены огласился криками и стонами. Пьянчужки продолжали лезть на Сирано и, отбрасываемые его ударами, падали на уже лежавших.

А над поверженными в позе ягуара, готового к прыжку, стоял ученик индейца из племени майя, готовый отразить любое нападение.

Но теперь в дело вступили стражники со шпагами в руках.

Пришлось и Сирано выхватить шпагу.

— Кажется, дело дошло до настоящего сражения, — заметил король, сопя носом.

— Они убьют его! Столько на одного! — воскликнула графиня де Велье.

Баронесса де Невильет, с задержанным дыханием следившая за всем происходящим, упала в обморок.

В обморок упали и еще две дамы из окружения королевы, но, убедившись, что никто не придет к ним на помощь, пришли в себя и бросились снова к окну, где их места были уже заняты другими дамами.

Стражники никак не могли сблизиться с Сирано, мешали преграждавшие им путь стонущие и корчащиеся от боли тела пьянчуг.

Но Сирано сам бросился на противников, и тут пошел в дело его излюбленный прием. В воздух, сверкая в отблесках костра, полетели одна за другой шпаги стражников, которые сразу же обращались в бегство. Пытавшихся оказать ему сопротивление офицеров Сирано неуловимым движением своей разящей шпаги ранил (хотя были и убитые!), отражая с непостижимой сноровкой все направленные на него удары. Впрочем, неверно думать, что он не получил ни одной раны. Камзол его покрылся кровавыми пятнами, но он продолжал биться с противниками. Как в большинстве сражений, исход боя решила паника.

Кто-то крикнул, что сам господь вложил в руку безумца его шпагу, ибо в булле папы не сказано о сожжении книг Декарта.

Монахи стали подбирать и уносить книги, не стараясь больше их сжечь, стражники подбирали убитых и раненых.

Полупьяная толпа разбежалась, стражники удалились.

Сирано остался один, готовый отразить новую попытку штурмовать костер святого Эльма.

— Это необыкновенно, маркиз! Я думала, что умру от волнения! — вздохнула графиня с родинкой. — Но я смертельно

устала, будто сама билась с этими ничтожествами. Садитесь в карету и отвезите меня домой. Граф уехал с поручением его высокопреосвященства в армию. Садитесь, пока я не передумала и не пригласила этого неистового демона, который, быть может, кое в чем и вам не уступит.

— Как можно, графиня! Уж позвольте мне не допустить до вашей обворожительной родинки его клюв.

— Но все-таки вам придется привезти его ко мне на следующий же раут. Но совсем недурной поэт. Пока не ревнуйте. Я просто хочу посмотреть на него вблизи.

— Предпочел бы, чтобы вблизи вы смотрели лишь на меня.

С этими словами маркиз юркнул в карету, поручив свою лошадь слуге графини.

Карета графини поехала следом за каретой баронессы де Невильет, которая после обморока наконец пришла в себя.

Ришелье смешал шахматные фигуры и сказал королю:

— На этот раз, ваше величество, я проиграл не только вам.

— Но каков молодец! * — усмехнулся король. — Впрочем, и мат вы получили изящный.

Невыспавшийся кардинал, войдя в свой кабинет, увидел на столе свою закладную записку, как он того и пожелал накануне. Ее положил туда стоявший перед ним Сирано в изорванном и покрытом пятнами камзоле.

ЗАКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Всадник на усталом, еле передвигающем ноги коне, оставив позади не одну сотню миль, остановился у ватиканских ворот. Конь поник головой, готовый упасть. Всадник соскочил на землю и любовно похлопал его по взмыленной шее.

Наемник — граубинденец с длинной шпагой на боку — направился к приехавшему с наглым угрожающим видом.

— Пакет! Его святейшеству папе! — по-французски произнес путник.

— Чего бормочешь, будто сопли нос забили! — грубо по-немецки крикнул граубинденец.

Приехавший незнаком был с этим языком, а страж, видимо, хоть и знал французский, как все швейцарцы, не желал на нем говорить.

— Немедленно пропусти меня к его святейшеству, я — гонец самого его высокопреосвященства кардинала Ришелье.

— А что мне твой Ришелье? — заявил страж, протягивая руку для приема обычного подношения, пусть и не слишком тя-

---

* Сражение Сирано де Бержерака со ста противниками всегда казалось автору невероятным и выглядело легендой. Но ознакомление с подлинными документами той и последующих эпох вынудило автора отнести к этому событию как к подлинному. Расхождение между свидетельством Ростана в XIX веке и Лебре, современника Сирано, было лишь в числе убитых и раненных в этой небывалой битве. Ростан утверждал, что убитых было 8, а раненных 17, Лебре же говорил лишь об одном убитом, числа раненных не называя. (Примеч. авт.).

желого кошелька, но приезжий или не понимал этого, или не желал понять.

Запыленный, усталый с дороги, он не хотел терять времени и, считая, что упоминание кардинала Ришелье служит достаточным аргументом, отодвинул стража в сторону, чтобы пройти в ворота в ватиканской стене, но страж вздыбил усы, оскалил желтые зубы, прокричал немецкое ругательство и обнажил шпагу.

Происшедшее затем надолго запомнилось граубинденцу. Шпага его неведомо как вылетела из руки и взвилась к небу, потом со звоном ударилась о камень дороги.

Испуганный страж, уверенный, что сейчас его убьет проклятый француз, бросился бежать, взывая о помощи.

К нему уже спешили два граубинденца, на ходу выхватывая шпаги.

Приехавший тем же непостижимым приемом выбил одну за другой шпаги у поочередно вступивших с ним в бой стражников, но не ранил ни одного из них. Теперь к нему с алебардами наперевес бежали еще несколько наемников.

Но властный голос остановил их.

К приехавшему направился офицер-швейцарец, командовавший охраной ватиканского дворца.

Он видел необычайное искусство гонца и, имея на это свои виды, почтительно приветствовал его:

— Прошу извинения, синьор, за доставленное вам беспокойство моими солдатами, но, надо учесть, что именно за это им выплачивают жалованье из ватиканской казны. Так о чем вы не смогли договориться с моими молодцами, заставив теперь меня наложить на них серьезные взыскания? Денежные, конечно, ибо все мы работаем за деньги, и они служат нам и средством существования, и дисциплинарного воздействия. Какого смысла сажать их на гауптвахту и бесплатно кормить! Не лучше ли за неумение фехтовать оштрафовать? Не так ли, синьор?

Офицер говорил на французском языке со швейцарским акцентом, вставляя некоторые итальянские слова.

Приехавший сообщил, что привез срочное послание святейшему папе от кардинала Ришелье.

— Из Франции? И вы проделали такой путь на этом бедняге коне?

— Увы, я не мог менять лошадей, как это делают обычные гонцы. У меня поручение личное.

— Мы договоримся с вами об этом, синьор. Я проведу вас в папские хоромы, при одном условии, однако, если вы обучите меня своему превосходному приему обезоруживания противника.

— Охотно, приятель! — согласился приехавший. — Где мы можем заняться уроком фехтования?

— Во дворе за крепостной стеной, синьор, если это вас не слишком затруднит.

— Лишь бы не затратить на это излишне много времени, господин офицер.

— Я постараюсь быть прилежным учеником.

Стражи-граубинденцы изумленно смотрели, как их офицер провел приехавшего, который, безусловно, не передал ему кошелька

с монетами, они за этим следили, чтобы не прозевать своей доли. Оба прошли через приоткрытые для них ворота и сразу же обнажили шпаги.

Граубинденцы, свободные от караула, сбежались посмотреть, что это будет за дуэль.

Но дуэли, оказывается, не предполагалось.

Офицер был обезоружен при первом же скрещении шпаг.

Затем началось скрупулезное обучение приему. Офицер крикнул на своих подчиненных, чтобы они, несмотря на святое место, убирались ко всем чертям. Он не собирался приобщать их к секрету, которым хотел овладеть.

Офицер оказался смышленным. Впрочем, выбить оружие из железной руки своего учителя он все же не смог, но, подозревая к себе одного из своих солдат, разоружил его, едва тот выхватил по его приказу шпагу.

Учитель похвалил своего ученика и дал ему еще несколько советов, после чего они вдвоем поднялись в ватиканский дворец.

— Меня зовут Вильгельм Бернард, я пока служу его святейшему, чтобы войти в наследство. Буду владеть заемной конторой. Если вам понадобится взаймы некоторая сумма, буду к вашим услугам.

— Я благодарю вас, господин лейтенант. Я слишком беден, чтобы отдавать долги, и слишком горд, чтобы брать взаймы без отдачи.

— Как? Разве кардинал Ришелье мало платит вам?

— Он ничего не платит мне, дорогой Бернард, хотя я и выполняю его поручение как гвардеец роты гасконцев, куда обязан явиться после выполнения поручения кардинала. И солдатского жалованья пока не получал... Где же я смогу вручить святейшему папе Урбану Восьмому послание его высокопреосвященства кардинала Ришелье?

— Кардинал Ришелье высок у вас во Франции. Святой престол по высоте своей недосыгаем, дорогой гвардеец. Я проведу вас тоже к его высокопреосвященству, такому же, как и ваш Ришелье, монсеньору кардиналу Антонио Спадавелли, состоящему при особе святейшего папы.

— Но я должен передать послание в руки самого папы.

— Надеюсь, вас не снабдили посланием к самому господу богу? Верьте, я знаю, что делаю, ведя вас к монсеньору Спадавелли.

Комната, в которую ввел офицер приезжего, казалась тесной по сравнению с пройденными ими богатыми залами и отличалась скромным убранством.

— Монсеньор, — обратился к сгорбленному старику швейцарец. — К вам прибыл с письмом к его святейшеству гонец от кардинала Ришелье.

— Ришелье? Вот как? — удивился кардинал. — Давайте. Как вас зовут, гонец?

— Сирано де Бержерак, ваше высокопреосвященство. Но послание я обязан передать из рук в руки его святейшеству.

— Вы внушаете мне уважение и доверие, господин Сирано де Бержерак. Хотел бы, чтобы вы ответили мне тем же. Послание кардинала Ришелье будет доведено до сведения его святейшества немедленно.

— Я верю вам, ваше высокопреосвященство, — на прекрасной латыни произнес Сирано, передавая пакет.

Кардинал Спадавелли вскрыл его, пробежал глазами и не мог подавить своего волнения.

— Прошу простить меня, сын мой, — обратился тоже на латыни кардинал к Сирано, — но содержание этого письма настолько касается и меня лично, что я не могу не выразить вам особой благодарности. Однако я опасюсь за вашу безопасность. Увы, но в Папской области слишком много испанских войск, а ваша Франция вступила в войну на стороне государств, противостоящих Испании и Габсбургам.

— Любому, кто заинтересуется мной из числа испанских солдат или офицеров, придется посчитаться с моей шпагой! — запальчиво воскликнул Сирано.

— Нет, сын мой, — перешел на французский язык кардинал. — Для вашей же безопасности я попрошу вас передать свою шпагу вот этому славному офицеру, которому я поручу препроводить вас, как задержанного папской охраной, до дома французского посланника господина Ноаля. Ждите меня там. Вам понятна ваша задача, господин лейтенант Бернард?

— Совершенно ясна, монсеньор! — отозвался швейцарец. — Я бережно доставлю в сопровождении моих солдат гонца кардинала Ришелье до резиденции французского посланника. Ни один испанец не заинтересуется, что мы делаем.

— Поверьте, ваше высокопреосвященство, — снова перешел на латынь Сирано, — это совершенно непохоже на меня, но я веряюсь вам.

— Это не останется безответным, — произнес кардинал, жестом руки отпуская обоих.

— Давайте вашу шпагу, дорогой де Бержерак. Пусть она будет залогом нашей дружбы, — предложил лейтенант Бернард.

Сирано без всякой охоты отдал шпагу вместе с перевязью своему новому знакомому и ученику, который лет на десять был старше его.

Уже через несколько минут оба они ехали рядом на лошадях, сопровождаемые эскортом ватиканских стражников в двухцветной форме.

— Знаете, де Бержерак, я решил не служить больше в наемниках по двум причинам.

— Буду рад узнать, — отозвался Сирано.

— Наследство, о котором я говорил, и сонет, написанный каким-то узником и доставленный мне тюремным стражем из нашего кантона. Я вам прочту его. Называется: «Швейцарцам и граубинденцам».

Не только Альпы вознесли вас в небо,
Раз вольность там людьми обретена.
Зачем нужна чужая им война,
Коль в той стране никто из них и не был?

Тиран заплатит, хоть народ без хлеба,
За кровь вам — золото, а честь бедна.
Копнешься в совести — она черна.
Молю, чтоб торг собой отвергли все бы!

Не лучше ли добившимся свобод
Освободиться дома от господ?
Мальтийский крест не ждет их на чужбине.

Свергайте же паучий тяжкий гнет
Всех, кто труд ваш жадно продает,
В пороках, в роскоши погряз, как в тине.

— Что за узник?

— Не то Канапелли, не то Кампанелла.

Сирано невольно прищипорил коня, и тот, забыв про усталость, взбрыкнул.

— Что это с ним? Или отдохнул? За такие сонеты монаха упрятали бы в темницу, да он уже в ней находится пожизненно. Вот он и пишет сонеты, взывая к нашей совести, а она, поверьте, у нас есть. Меня, во всяком случае, он разбередил. К тому же он составляет гороскопы. У меня растет сын, и я просил раз своего земляка составить на Анри гороскоп. И, оказывается, сын мой пойдет по военной части, станет генералом и погибнет со славой в бою.

— Я бы не стал заказывать свой гороскоп, — заметил Сирано, — уверен, он не осветил бы моего будущего. Я вольнодумец даже в суеверии.

Вместе с новым приятелем он благополучно доехал до дома французского посланника в Риме, господина Ноалья, получил обратно свою шпагу, заверения в дружбе, благодарность за обучение фехтованию и вошел в дом.

Посланник Ноаль, тонкий дипломат, видом своим напоминал маркиза с фарфоровой вазы королевского дворца, в парике и кружевах с утонченным изяществом манер. Едва узнав, что гость — гонец самого кардинала Ришелье, он стал рассыпаться перед ним в любезностях, предложив откусать и отдохнуть с дороги.

И вновь из тяжелых ворот выехала кардинальская карета на огромных колесах, и снова толпа верующих выстроилась по обочинам дороги, жадно подбирая звонкие символы кардинальской щедрости.

И, как незадолго до того, карета снова свернула с моста и поехала вдоль Тибра, достигнув тюремных стен.

Всадник не был послан вперед, потому у ворот получилась заминка, пока сам суетливый и подобоострастный начальник тюрьмы синьор Парца не выбежал навстречу, не зная, как выразить свое почтение к приближенному святейшего папы Урбана VIII.

Тюремные ворота открылись, карета въехала во двор, распахнулась ее дверца, спущена была подножка, и престарелый кардинал сошел на камни тюремного двора. Опоздавший тюремный священник, невзирая на годы, бежал навстречу монсеньору, а тот, опираясь на посох, в сопровождении полусогнутого в поклоне синьора Парца шел уже знакомой дорогой к камере пожизненного узника.

Загремели ключи, открылась дверь.

Ошеломленный синьор Парца с врученной ему бумагою папского двора в руке поспешно удалился, а кардинал вошел в полутемный каземат.

Томмазо радостно поднялся, узнав учителя.

— Ваш гороскоп готов, — сказал он после приветствия.

— Пока не нужен гороскоп. Вот здесь адресованное кардиналу Ришелье письмо от папы, святейшего из пап. Ты свободен, мой Джованни!

Ошеломленный Кампанелла смотрел на Спадавелли, не веря ушам.

— Ты отвезешь письмо от папы в Париж.

— О боже! — воскликнул вечный узник. — Так вот каков тот Ришелье, о котором так несправедливо болтают! — Он встал на колени и поцеловал письмо в руке кардинала. — Благословенны будут имя папы и кардинала Ришелье, — растроганно произнес он.

— Вставай, Томмазо. Я отвезу тебя к посланнику Франции Ноалю. Там ждет тебя гонец из Франции.

— Тогда зачем же ехать во Францию мне самому, учитель? Уж если не Неаполь, не Калабрия родная, то хоть Венеция! Позвольте!

— Молчи, сын мой! Ты ничего не знаешь. Папа даровал тебе свободу, но Папская область наводнена испанцами, и я не знаю, понравится ли им твое освобождение. Собирайся.

— Багаж мой прост, одни бумаги. Быть может, удастся на свободе издать собрание сочинений.

Карета кардинала выехала из тюремных ворот и направилась через Вечный город к дому французского посланника.

Вчерашний узник не мог сдержаться. Он почти наполовину высунулся из окна кареты и наслаждался впервые почти за тридцать лет видом домов, прохожих, синим небом, ярким солнцем! Сердце его, вынесшее в неволе такие испытания, сейчас готово было разорваться от счастья! Он свободен, он, подобно всем людям, может жить, дышать, творить для них!

При виде кардинальского экипажа верующие выстраивались по обе стороны улицы, и кардинал Антонио Спадавелли, верный своим традициям, выбрасывал в толпу пригоршни монет.

Кампанелла поморщился, заметив, как борются истовые католики из-за кардинальской милостыни.

— А все-таки, учитель, — сказал он, — подлинное счастье людей будет не в деньгах, а в отмене их.

— Твой предшественник Томас Мор остроумно назвал свою вымышленную страну Утопией, что в переводе, как ты знаешь, означает Нигдеия. Он сам как бы предвещал, что нигде на земле не осуществиться ни его, ни твоим мечтам.

— Как знать, учитель. Христианство при тиранах казалось тоже невозможным.

— Не будем спорить, сын мой, насладимся счастьем твоего освобождения.

— Благодарение богу, светлейшему папе Урбану Восьмому и

кардиналу Ришелье. И вам, учитель. Без вас не сделать мне и шага за пределами тюремных стен.

— Ну почему!..

— Хотя бы потому, что я отвык ходить под синим небом.

Карета остановилась. Кардинал и Кампанелла вышли из нее. Их встречал, помогая обоям выйти, французский посланник господин Ноаль в парике, в камзоле и панталонах с кружевами, в туфлях на высоких каблуках, с красивыми бантами.

— О, ваше высокопреосвященство господин кардинал, как мне благодарить за высшую честь, которая оказана мне вашим посещением!

— Цель моего посещения, синьор, передать вам из рук в руки бесценного философа, прошедшего все бездны ада, Томмазо Кампанеллу.

— Прошу войти в мой дом, он будет освящен пребыванием в нем таких людей.

— У вас ли гонец кардинала?

— Он здесь, монсеньор, поел, спать лечь не захотел, но за столом уснул.

— Представьте нам его.

При виде Кампанеллы и кардинала Сирано бросился на колени.

— Встань, сын мой, — сказал кардинал.

— Нет, ваше высокопреосвященство, я на коленях перед тем, кто воплощает для меня и тьму темниц, и Солнца свет.

Кампанелла ласково положил ему руку на плечо.

— Я не хотел бы принять эти поэтические слова на свой счет, юноша. Для меня вы не только посланник, но и избранник высокого и далекого друга, которого я так ошибочно корил, монсеньора Ришелье.

— Вот, отец мой, его записка. Я должен проводить вас к нему во Францию.

Кампанелла, отлично владея и французским языком, дважды перечитал эту «закладную записку».

Потом передал ее кардиналу Спадавелли, который тоже с интересом познакомился с ней.

— Вот видишь, Томмазо, сам Ришелье ждет тебя, назначив сопровождающим этого славного гвардейца.

— Я, право, не пойму, учитель. Ведь я недавно снова провинился, встав на защиту Галилея...

— Итак, молодой человек, вручаю вам, как пожелал того сам Ришелье, заботу о Томмазо Кампанелле. Я вынужден покинуть вас.

— Надеюсь, все устроится, монсеньор, — сказал Ноаль. — Мой дом, как дом посланника, неприкосновенен.

— Мой юный друг, — обратился Кампанелла к Сирано, — я хотел бы вас поздравить с доверием, оказанным вам Ришелье, его забота о моей судьбе несказанно меня волнует.

Сирано де Бержерак не сказал, что записка Ришелье была «закладной», продиктованной им, и право воспользоваться ею было отвоено в бою со ста противниками. Он лишь почтительно смотрел на Кампанеллу, который был для него живой легендой.

ДВА ГРОБА

Синьор Бенито Парца, начальник тюрьмы, едва из ее ворот выехала карета кардинала с «вечным узником», засеменил через улицу к стоявшему неподалеку каменному дому с колоннами, где разместились командир испанского гарнизона в Вечном городе Педро Гарсиа, недавно смещенный испанским королем с поста губернатора Новой Испании, впадший в немилость из-за неспособности выкачивать из колонии прежних потоков золота. Пониженный в должности и уязвленный этим, генерал Гарсиа готов был выместить свое настроение на местных жителях, которые в его глазах ничем не были лучше заокеанских индейцев, хоть и выглядели белолицыми и считались католиками. К испанским войскам, во всяком случае, они должны почитать, как и индейцы, не проявляли.

Бенито Парца так настойчиво добивался свидания с генералом, что обозлил дежурного офицера, каковым оказался капитан Лопес. Раздраженный подобострастным итальяшкой, Лопес все же понял, что речь идет об антииспанском заговоре, и допустил доносчика к генералу.

Тучный генерал Гарсиа готовился обедать и скорчил недовольную гримасу на своем оплывшем лице, услышав, что ему предстоит заняться делами на голодный желудок. Желая поскорее отделаться от итальянца, он приказал ввести его.

— О, синьор генерал! Да продлятся ваши дни, как и дни его величества короля Испании, самого католического из всех королей! — заискивающе начал Парца.

— Дальше, дальше! — не отвечая на приветствие, буркнул генерал, плохо разобравшись в испанской речи Парцы.

Капитан Лопес, долго живший в Генуе, взялся переводить невнятную болтовню начальника тюрьмы.

Оказывается, в его тюрьме под видом посещения «вечного узника», монаха Кампанеллы, еще тридцать лет назад готовившего восстание против испанской короны и приговоренного к пожизненному заключению, собирались заговорщики. Они вовлекли в свой заговор даже монсеньора Спадавелли, приближенного к самому папе. И этот кардинал умудрился обманом выцарапать у доверчивого святейшего отца всей католической церкви помилование закоренелому заговорщику, который вместе с коварным монсеньором Спадавелли покинул теперь тюрьму, чтобы поднять восстание в Папской области против испанцев.

Генерал Педро Гарсиа отличался вспыльчивостью. Сообщение Бенито Парцы вывело его из себя.

— Капитан Лопес! — хрипло скомандовал он. — Узнай, куда монсеньор кардинал запрятал преступника, обманувши самого папу. Наш долг — оказать святейшему папе услугу и тотчас пресечь все подлые замыслы заговорщиков.

— Они собирались у него в камере, синьор генерал, под видом составления запрещенных святой церковью гороскопов. Это близко к колдовству, а за него, как известно, карают не тюрьмой, а костром, синьор генерал.

— Пусть перестанет болтать! — крикнул генерал Лопесу. — Вели ему сказать, куда спрятали монаха.

— Мне удалось подслушать, как кардинал приказал кучеру ехать к французскому посланнику.

— Ага! — воскликнул генерал, так надуваясь от ярости, что мундир затрещал на животе. — Запрятать негодяя, исконного врага Испании, которая ведет с Францией войну! Капитан Лопес, приказываю взять солдат не только со шпагами, но и с мушкетами и без лишних разговоров ворваться в дом, где засел преступник. Действовать как в Мексике. Ты понял?

— Понял все, мой генерал!

Гарсиа, поморщившись, бросил Парце кошелек, из которого переложил в карман половину монет. Начальник тюрьмы, низко кланяясь и птясь, стал удаляться, бормоча благодарность от имени всех своих тринадцати детей.

Генерал сел обедать, повязал салфетку, но аппетит пропал от одной только мысли, что надо сообщить святейшему папе о принятых мерах, упомянув притом имя кардинала Спадавелли. Но как это сделать, он решить не мог, ибо не привык в Новой Испании к дипломатическим уверткам, действуя лишь по своему усмотрению. Но вдруг, осененный спасительной мыслью, он крикнул:

— Эй, Лопес! Ты не ушел? На случай, если придется извиняться перед папой, учти, что монах не должен быть «схвачен».

— Как? — удивился заглянувший вновь к генералу Лопес.

— Ты вконец оглупел! Как расправлялся ты со жрецами?

— Понял все, — поклонился Лопес, помахав перед собой шляпой с пером, и вышел.

Конный отряд испанцев под командованием капитана Лопеса в составе десяти человек промчался по улицам Рима, разгоняя испуганных прохожих.

У дома французского посланника отряд спешился.

Лопес размещал солдат группами. Увидев заросли кустарника напротив дома, он приказал там засесть двойм солдатам с мушкетами и взять на прицел дверь и окна, если противник попытается спастись бегством.

Сам Лопес, в шляпе со свисающими полями, которые защищали его от тропического солнца в Америке, с цветастым пером птицы кетсаль из сельвы, решительно взшел на крыльцо и постучал в дверь ногой, встав к ней спиной.

Он не успел среагировать на мгновенно открытые створки и не увернулся от весьма чувствительного пинка ниже спины.

Капитан невольно пробежал, теряя равновесие, несколько шагов, пересчитав ступеньки крыльца, и растянулся в пыли под громкий хохот не только вышедшего на крыльцо человека, но и своих собственных солдат.

Вне себя от ярости капитан вскочил на ноги, обнажил шпагу и бросился к обидчику, который тоже с обнаженной шпагой стоял в проеме открытой двери.

— Прочь с дороги! — заорал Лопес. — Именем испанского короля я требую выдачи преступного монаха Кампанеллы.

— Эта территория, синьор испанец, по международным законам принадлежит не испанскому, а французскому королю, именем которого я предлагаю вам обратиться отсюда к дьяволу.

— Мне плевать на твои международные законы. По велению моего короля я и мои солдаты войдем в дом, кому бы он ни принадлежал, и выволочем оттуда заговорщика.

— Вам придется убедиться в своей неспособности пройти мимо меня, сеньор! — на приличном испанском языке заметил незнакомец.

— Кто ты такой, — заорал Лопес, — чтобы вставать у меня на дороге?

— Тот самый камень, о который вы споткнетесь, сеньор.

Сзади защитника дома показался французский посланник.

— Сеньоры! — воскликнул он тоже по-испански. — Умоляю вас не прибегать к силе оружия. Все мы одинаково чтим власть святейшего папы Урбана Восьмого, и я честью дворянина заверяю вас, что в моем доме нет никого, появившегося там помимо воли святейшего папы.

— А я тебе покажу, где ожидают тебя и твой папа, и твоя мама, которые наверняка уже сдохли! — закричал Лопес, одновременно давая сигнал солдатам штурмовать дверь.

Сам он ринулся на защитника дома впереди всех и остановился, не понимая, что произошло. Он стоял перед довольно молодым французом, в руке Лопеса не было шпаги, которой только что собирался проткнуть наглеца.

Лопес непроизвольно отскочил в сторону, давая солдатам дорогу к противнику.

Но противник сам перешел в атаку и уже не применял своего излюбленного приема, с которого когда-то начал в Париже блистательную карьеру дуэлянта.

Первого же солдата молниеносным, неуловимым движением он сразил ударом в грудь, и тот со стоном повалился к его ногам. Второй солдат был также поражен ударом шпаги, получив тяжелое ранение. Третий упал рядом.

Четвертый, пятый, шестой полегли следом за ними.

Лопес меж тем подобрал свою шпагу, но не решался ринуться в бой. Он оглянулся на кусты и дал сигнал.

Раздались почти одновременно два выстрела, и стоявший на крыльце Сирано де Бержерак, пронзенный, повалился назад на французского посланника.

— Вперед! За монахом! — крикнул Лопес и ринулся в дом, оттолкнув изъясного французского посланника.

Капрал Карраско ворвался в дверь следом за капитаном.

По улице вскачь неслись запряженные цугом кони, карета, громяхая огромными колесами, подпрыгивала на камнях.

Трудно было поверить, что столь старый кардинал может распахнуть дверцу, на ходу выскочить из кареты и, держа крест в поднятой руке, взбежать на крыльцо.

— Именем господи бога заклинаю от имени святейшего папы Урбана Восьмого прекратить насилие!

Как ни был Лопес воспитан в духе силы, жестокости и произвола, но вид старца с поднятым крестом, в развевающейся алой мантии остановил его.

Он крикнул, чтобы капрал вернулся.

— Монсеньор! Мы только защищались. Видите — шесть убитых. Мы лишь воздали должное убийце, — говорил Лопес, кланяясь кардиналу.

Смущенный капрал вышел из дома и, прежде чем вложить шпагу в ножны, вытер ее о край камзола.

Капитан переглянулся с ним.

Сидевшие в засаде солдаты с мушкетами вышли, не успев перезарядить ружья. Они за ноги стащили к коням убитых, хотя двое подавали признаки жизни, и перебросили их через седла лошадей.

Капрал Карраско подвел капитану его коня. Лопес скомандовал:

— Дело сделано, — скачем к генералу Гарсиа.

— Вашему генералу придется явиться на аудиенцию к святейшему папе Урбану Восьмому, которую он назначает ему завтра в восемь часов утра, сеньор капитан! — тоном приказа произнес кардинал.

Лопес поклонился, хотя с большим удовольствием пронзил бы и этого дряхлого жреца своей доброй шпагой, но кто знает, чем это может обернуться. Здесь все-таки не славная Америка, где знаешь, как надо себя вести.

Солдаты повезли павших на поле боя, а капитан Лопес помчался к тюрьме, напротив которой квартировал генерал Педро Гарсиа, не предвидя с его стороны особых похвал, хотя собирался доложить ему, что «дело сделано», с монахом

покончено. По крайней мере, он так понял своего побывавшего в доме капрала Карраско.

Когда Лопес докладывал генералу о сражении, то единственный защитник дома у него превратился в засевший там отряд отборных французских солдат, которых удалось одолеть благодаря его военной хитрости, связанной с засадой и применением мушкетов, взять которые мудро приказал генерал.

— Все-таки пуля, мой генерал, сильнее шпаги, — закончил он свой доклад, в котором упомянул, что все защитники дома, а также заговорщик-монах, бежавший из тюрьмы, уничтожены.

Появление кардинала он изобразил как злой рок, помешавший ему из боязни за его превосходительство генерала Педро Гарсиа должным образом отметить победу.

На следующее утро в восемь часов страдающему одышкой генералу Гарсиа пришлось подняться по лестнице ватиканского дворца и, сдерживая тяжелое дыхание, выслушать стоя наставительные упреки святейшего папы Урбана VIII, на аудиенцию у которого он в других условиях и не смел рассчитывать.

Вернувшись от папы, генерал Гарсиа слег, он был почти уверен, что ватиканский гонец уже скачет в Испанию с посланием папы к королю.

И был прав. Гонец в двухцветной форме скакал, меняя лошадей, чтобы не морским, а сухопутным путем, через Апеннины, добраться до Испании.

Пока скакал гонец, в Риме по его улицам двигалась печальная процессия.

Ее возглавлял сам кардинал Спадавелли, правда, почему-то не в полном облачении, подобающем такому случаю, и не пешком, а в карете, за которой двигались профессиональные плакальщицы, оглашая улицы Вечного города отработанными рыданиями, затем граубинденцы во главе с лейтенантом Вильгельмом Бернардом несли два гроба. Процессию замыкали ехавшие в карете французский посланник Ноаль в самой парадной форме с черной повязкой на рукаве камзола, отороченной черными кружевами, и его друг писатель Ноде, роль которого в двигающейся по улицам Рима процессии была отнюдь не последней.

Похоронная, как могло со стороны показаться, процессия направлялась не на кладбище, а вышла на Аппиеву дорогу. Миновав старинные мраморные виллы перед пересечением с другой дорогой, процессия остановилась. Плакальщицы были отпущены, карета кардинала, выполнившая свой долг, заставляя встречных испанских солдат сторониться, вернулась назад к Ватикану, а граубинденцы вместе со своим лейтенантом, сопровождаемые каретой французского посланника, свернули на запад к Тибуру. Дальше странная процессия двигалась вдоль его берега до самого устья, где еще задолго до порта остановилась перед невзрачной египетской фелюгой.

Здесь господин Ноде, очевидно, уже знавший владельца фелюги, старого египтянина, командовавшего двумя темнокожими матросами, возможно, продолжавшими считать себя его невольниками, вступил с египтянином в громкий, переходящий в крик разговор, который больше всего напоминал торг. Речь шла о том, чтобы доставить два гроба с усопшими в сопровождении господина Ноде в Тулон.

К первоначально назначенной сумме в тысячу пистолей египтянин просил надбавки «за запах», который будет исходить от гробов во время пути.

Ноде, весело поблескивая озорными глазами, склонный к шуткам, несмотря на взятую на себя печальную обязанность, договорился с египтянином, что надбавит к назначенной сумме еще столько же, если аллах подскажет тому то же, что и его обожание.

Гробы были водружены на фелюгу, господин Ноде перешел на борт суденышка, негры-матросы поставили паруса, а посланник Франции в Папской области господин Ноаль еще долго стоял на берегу Тибра, почти у самого его устья, наблюдая, как становятся все меньше и меньше косой и четырехугольный паруса фелюги.

Лейтенант Вильгельм Бернард с непроницаемым лицом ждал, когда господин посланник перестанет махать кружевным платком и сядет в карету, чтобы с отрядом граубинденцев проводить его обратно в Рим во избежание новых столкновений с недружелюбными Франции испанцами.

БОГ «ТОТ», ПОКРОВИТЕЛЬ НАУК

Берег Италии скрывался за горизонтом, когда хозяин фелюги, правоверный египтянин, почтительно приблизился к сопровождавшему печальный груз француззу Жозефу Ноде.

Писатель Ноде, страдая морской болезнью, не столько любовался красотами моря, сколько с тревогой смотрел на тучи, нависшие над бегущими с бычьей яростью седогривыми холмами.

Хозяин суденышка на недурном французском языке с поклоном обратился к нему:

— Да продлит аллах благословенную жизнь почтенного господина, и да увеличит он его щедрость, чтобы сравнялась она с милостью, каковую по Корану надлежит проявить к несчастному моряку, изнемогающему от трех старых и сварливых жен, от требований детей, столь же наглых, сколь и неблагодарных, не считая милых просьб толпы внуков!

— Не слишком ли красочно, почтенный последователь Корана, живописуешь ты свои невзгоды?

— Я лишь решаюсь напомнить почтенному господину о нашей договоренности: сам аллах услышал не только мои мольбы, но и ощущения моего носа, вынужденного мириться с почитаемыми мною гробами, еще не преданными земле.

— В таком случае проверим тебя на запах и поднимем крышку гроба.

Несколько удивленный шкипер крикнул седого негра-матроса, свободного от вахты у руля, и вместе с ним приподнял крышку ближнего гроба.

«Покойник» в монашеской одежде открыл агатовые, пронизывающие жгучие глаза и оперся на локоть.

— Можно подняться? — спросил он.

Египтянин пал на колени, негр отскочил в сторону.

— Как ваша рана, отец Фома? — спросил Ноде.

— Царапина, синьор, сушая царапина!

— Однако вы искусно упали, отец Фома. Не только этот не-

годяй, хвалившийся, что был тореадором, но даже я подумал, что он сразил вас.

— На месте быка я поднял бы его на рога. Но как наш защитник?

И они перешли к другому гробу. Негр в суеверном страхе спрятался за парус. Крышку подняли без него, но из гроба никто не встал. Пришлось Ноде, монаху и шкиперу втроем поднимать оттуда молодого человека без чувств и перенести его в единственную каюту.

Монах растегнул на нем камзол.

— Сквозное ранение в грудь, большая потеря крови, несмотря на сделанную мной еще в доме посланника перевязку. Надо ее менять. Видно, недаром я писал в темнице медицинский трактат. — И Кампанелла принялся старательно ухаживать за раненым Сирано де Бержераком.

Египтянин с хитрецей заметил вышедшему из каюты Ноде:

— Аллах все видит, почтенный господин! И если мне нельзя доплатить за непослушный мой нос, которому ничего не удалось учуять, то сам аллах велит заплатить за послушный мой язык, которому есть что рассказать.

Ноде расхохотался, ибо был смешлив по натуре.

— Хорошо, я добавлю тебе пятьсот пистолей, чтобы твой язык не произнес лишнего, как твой нос не учуял необычного.

Маленькая фелюга ловко ныряла между высокими бортами стоящих на рейде каравелл, шхун, бригов, барок и гордо проплывала мимо мелких по сравнению с нею рыбацких лодок, заполнявших подступы к набережной Тулона. Фелюга завершила наконец свое плавание, проскользнув в открытом море мимо испанских кораблей, и покойно застыла теперь, прикрепленная к медному кольцу мола просмоленным канатом.

Господин Ноде, оставив раненого на попечение монаха-лекаря и египтянина, отправился за телегой. Ему пришлось проталкиваться сквозь толпу подвыпивших после плаванья моряков, хриплых предлагающих свою любовь женщин, назойливых продавцов овощей и фруктов. Он пробирался между ящиками, тюками, плетеными корзинами или сваленными в беспорядке грузами.

Добраться в нанятой им телеге до мола, где пришвартовалась фелюга, можно было лишь имея невероятный запас изощренных ругательств, которыми виртуозно владел усатый возница из бывших солдат, хлестая кнутом не только свою клячу, но и толпу, мешавшую проехать.

С большими предосторожностями Сирано де Бержерак был перенесен в телегу и перевезен в трактир «Пьяный шкипер», где Кампанелла принялся лечить его.

Вскоре предприимчивый Ноде сыскал нужную карету.

Выполняя указание Ришелье, Мазарини приобрел для Кампанеллы домик, построенный на пепелище поместья Мовьер. Туда и прибыла карета путешественников из Тулона.

Сирано узнал свои родные места, и это обрадовало и взбодрило его. Он даже пытался встать и сам войти в сложенный из камней домик.

Приехавших уже ждали: философ Декарт со своим другом и противником, советником Тулузского парламента Пьером Ферма, профессор-философ Пьер Гассенди. Кардинал Ришелье решил продемонстрировать свою заботу об освобожденном узнике и позаботился пригласить в его убежище во Франции людей, ближе всего стоящих по своим взглядам к Кампанелле, который должен был оказаться здесь в кругу друзей.

Рене Декарт, приглашенный Ришелье вернуться во Францию для встречи с Кампанеллой, был в плаще, прикрывающем мундир нидерландской армии, где он служил, укрывшись от гонений католической церкви. Был он горделив, представителен, с лицом не столь красивым, сколь мужественным, полным энергии и благородства, но идущего не от знатности, которую он отвергал, а от глубокого, самобытного ума.

Его противоположностью при той же остроте ума выглядел юрист, поэт и математик Пьер Ферма, спокойный, дружелюбный, с полноватым, чисто выбритым лицом, с блуждающей улыбкой в уголках чуть насмешливых губ и еще темными волосами до плеч.

И наконец, невысокий, тихий и вежливый каноник-смутьян Пьер Гассенди, которого Сирано помнил по приватным занятиям с молодыми людьми.

Сирано, узнав, что, кроме обрадовавшего его своим присутствием Гассенди, здесь и сам Рене Декарт, книги которого он защищал от костра у Нельских ворот, и загадочный Пьер Ферма, делающий, как говорят, удивительные математические открытия, сразу почувствовал себя лучше, предвкушая беседы с такими людьми.

Жозеф Ноде, любезно улыбаясь, распрощался со всеми и укатил в Париж в той же карете, чтобы известить его высокопреосвященство господина кардинала Ришелье о прибытии сопровождаемых Ноде по поручению посланника Франции при папском дворе Ноаля лиц, имеющих на руках письмо самого святейшего папы Урбана VIII.

Сирано был помещен в отдельную комнату и не принял участия в беседе философов с Кампанеллой. Однако огорчение Сирано смягчилось появлением местного кюре, его первого учителя, в сопровождении друга детства Кола Лебре.

Они вошли к Сирано, когда тот полулежал в кресле. Лебре расплылся в добродушной, сияющей улыбке и, подойдя к давнему другу, обнял его за плечи.

— Сави, дружище! Как же я рад тебя видеть!

— Сын мой, я горжусь, что сам его высокопреосвященство кардинал Ришелье в своей мудрой милости поручил тебе сопровождать сюда вызванного им из заключения мученика-философа Фому Кампанеллу, который найдет здесь, во Франции, много расположенных к нему сердец, пробуждая в них надежду на светлое будущее людей на земле.

— Ах, кюре! Друг мой Кола! Вы здесь, и это лучше всех лекарств. Отец Фома — изумительный лекарь. Я бы совсем встал на ноги, если бы решился принять его кровь взамен моей, потерянной при предательском пулевом ранении.

— А что значит, Сави, принять его кровь? — спросил Лебре.

— Наши лекари лечат многие болезни, «отворяя кровь», выпуская дурную, но ничего не оставляя взамен. Тело должно само восполнить потерю. Отец Фома Кампанелла, перенеся тяжкие мучения, как никто другой, познал, что такое потеря крови, и, находясь в темнице, написал медицинский трактат на пример лечения самого себя, что позволило ему выжить. В нем наряду с другими способами лечения он высказал мысль, что кровь другого здорового человека с успехом восполнит потерянную кровь больного. Но применить этот свой способ, отдав мне собственную кровь, отцу Фоме не удалось, ибо я не мог принять его жертвы, поскольку он для всего мира во много раз важнее, чем я.

— Ты сурово судишь себя, сын мой, — заметил кюре. — Это и хорошо и плохо. Не всем в твои годы удалось написать пусть злую, но призывающую людей к исправлению комедию о педанте.

— Вы читали ее, отец мой? Я рад! Но ведь ее никто не издал.

— Пока мне попалась она в списках. И то, что ее прилежно переписывают, говорит в ее пользу.

— А ведь отцы иезуиты подослали в театр людей, чтобы ее освистали.

— Подождите! — прервал что-то надумавший Кола Лебре. — Если тебе нужна кровь здорового человека, то здоровее меня не найдешь во всей деревне. Давай попросим отца Фому Кампанеллу «отворить» мне кровь и перелить ее, как он того хотел, в твои жилы.

— Что ты, Кола! Я и так поправлюсь.

— Да таких, как ты, в гроб кладут.

Сирано загадочно усмехнулся, но о гробах ничего не рассказывал, связанный взятый с него Ноалем словом дворянина.

После первой встречи с почтившими его приезд философами Кампанелла, придя к Сирано, узнал о готовности его друга детства предоставить ему свою кровь. Превратившись в лекаря, философ вооружился острым ножом и свежими бычьими жилами, за которыми сбегал в свою лавочку Кола Лебре. С помощью кюре, который оказался прекрасным ассистентом, Кампанелла артистически проделал неизвестную до той поры операцию. Отворив обычным способом кровь Лебре, он направил ее по бычьей жиле, как по трубке, во вскрытую вену Сирано, расположив Лебре выше его друга, чтобы кровь к нему шла самотеком. Тогда, конечно, еще не знали, что не всякую кровь можно переливать любому человеку, но кровь Лебре и Сирано, к счастью, оказалась, как ныне сказали бы, одной группы. Изрядно пополневший со времени наследования отцовской лавочки здоровяк Кола Лебре даже не почувствовал потери своей «избыточной», как он сам сказал, крови.

Результат сказался быстро, щеки Сирано порозовели. Кюре смотрел на Фому Кампанеллу как на волшебника.

— Я преклоняюсь перед вашим искусством, святой отец, как преклонялся перед вашим трактатом о Городе Солнца, — сказал кюре.

— Это всего лишь долг человека, друг мой, — ответил Кампанелла. — Лечение человека и лечение человечества. — После чего они вместе тактично оставили Сирано и Лебре вдвоем, дав им возможность вдоволь наговориться.

Когда кюре вернулся, они все еще вспоминали свое детство.

— Мог ли кто-нибудь из нас тогда думать, — воскликнул кюре, — что мудрый философ, указавший на зло собственности, сам будет у нас в Мовьере! Поистине господь руководит нашими поступками и сводит воедино неисповедимые пути!

— Это не совсем так, дорогой учитель, — отозвался Сирано. — В том, что Фома Кампанелла здесь, виновны прежде всего вы, кюре. Если бы вы не внушили тогда мне, мальчишке, святость его идей отрицания такого зла, как собственность, кардиналу Ришелье не пришлось бы содействовать его освобождению... — На этом он оборвал себя. Кюре так и не понял, каким образом Сирано причастен к освобождению Кампанеллы. Не понимали этого в течение столетий и историки Франции, ибо те, кто это знал, не обмолвились и словом, а кардинал Ришелье сумел вернуть приезд Кампанеллы во Францию к своей выгоде.

Меж тем новые друзья Кампанеллы решили дать ему отдохнуть после дороги. Рене Декарт и Пьер Гассенди вышли в сад и завели учтивый философский спор о сущности материи.

Гассенди во всем видел только материальную суть мира, Декарт же настаивал, что материальная основа становится человеком лишь при ее совмещении с душой, превращающей неодоушевленное тело в мыслящее существо. Однако оба сходились на том, что мир воспринять можно, лишь наблюдая его с помощью реальных чувств, а не слепо представляя по канонам веры.

В доме послышался шум. На двор въехала карета. Захлопали двери. В комнату вошел Мазарини в скромной серой сутане с опущенными глазами, но решительными движениями.

— Его высокопреосвященство, — жестко заговорил он, — господин кардинал Ришелье, осведомленный о вашем прибытии, господин Сирано де Бержерак, выражает вам благодарность за выполнение его поручения и, как главнокомандующий французских войск, приказывает вам немедленно отправиться в полк, в роту гасконцев и принять участие в боевых действиях против испанцев близ Арраса. Кстати, имейте в виду, что пулевая рана получена вами в нашей действующей армии, а не в Италии, где вы, слышите ли, никогда не были.

— Монсеньор, — обратился к Мазарини Кампанелла, — я тревожусь за состояние здоровья своего пациента, которому едва ли следует садиться в седло и брать шпагу.

— У его высокопреосвященства, отец Фома, иное мнение, суть которого мной изложена. Что же касается вас и письма святейшего папы Урбана Восьмого, какое вам надлежит вручить его высокопреосвященству господину кардиналу Ришелье, то он позаботился о том, чтобы это было сделано в подобающей обстановке в Лувре, где его величество король Людовик Тринадцатый даст вам особую аудиенцию в присутствии его двора.

Сирано вскочил:

— Я готов оказаться в рядах гасконцев и посчитаться с испанцами, которым я не намерен простить пушенной в меня из-за угла пули в Вечном городе.

— Не забывайте, Бержерак, не там, а «на восточной границе Франции», — перебил Мазарини. — В боях близ Музона.

— К востоку от Франции, — повторил Сирано. — За Музоном.

— Решено! — внезапно воскликнул появившийся Лебре. — Мы едем вместе. Я вступаю в роту гасконцев вместе с тобою!

ШЛЯПА КОРОЛЯ

За день до появления Мазарини в Мовьере, едва Жозеф Ноде добрался до дворца кардинала Ришелье и был незамедлительно принят им, между ними произошел разговор.

Ришелье выслушал сообщение Ноде о том, как он выполнил поручение господина Ноаля и доставил во Францию синьора Кампанеллу и сопровождающего его тяжело раненного испанской пулей господина Сирано де Бержерака.

Когда же речь зашла о том, что Кампанелла и раненый юноша путь по Папской области до устья Тибра проделали в гробах, крышки с которых сняли лишь в открытом море, кардинал Ришелье нахмурился, встал из-за стола, сбросив привычно примостившегося у него на коленях кота, и стал расхаживать по кабинету так, что полы его повседневной сутаны с алой подкладкой стали развеваться.

— Весьма скверные новости привезли вы мне из Италии, господин Ноде, — сказал он, выслушав доклад. — В ваших книгах, которые мне привелось читать, все устраивалось много лучше, чем получилось у вас на деле.

— Но, ваше высокопреосвященство, — забормотал смущенный Ноде, — оба беглеца благополучно прибыли во Францию, и синьор Кампанелла привез с собой письмо святейшего папы Урбана Восьмого, адресованное вам лично. Синьор Кампанелла обязан вам вручить письмо сам, как повелел папа.

— Прискорбно, что я не имею на руках этого письма, — опять недовольно заметил Ришелье. — Однако цель логических построений позволяет мне прочесть его на расстоянии.

— Ваше высокопреосвященство! Такое деяние доступно лишь вашему высокому уму.

— Какой же вы писатель, господин Ноде, если не сможете представить себе, что МОГ написать святейший папа, направляя мне письмо с освобожденным узником после его тридцатилетнего заключения?

— Увы, ваше высокопреосвященство, я должен признаться, что моего воображения недостаточно.

— Здесь требуется отнюдь не воображение, почтенный Ноде. Во всяком случае, я благодарю вас за выполнение поручения нашего посланника в Папской области господина Ноаля, который получит повышение.

— Слушаю, ваше высокопреосвященство, — поклонился Мазарини.

— А вас, господин Ноде, я тоже хочу наградить направлением в качестве советника к губернатору Новой Франции.

Ноде поник головой. Ему придется пересечь океан, отправляясь на край света, именуемый Новой Францией, претерпеть в

пути все ужасы морской болезни и, увы, не скоро вернуться к домашнему уюту. Словом, будучи в достаточной мере проникательным, он представил себя рядом с египетским владельцем фелюги, который получил дополнительно 500 пистолей за молчание, а он, Ноде, — горькую милость всемогущего кардинала.

И бедный Жозеф Ноде рассыпался в благодарностях за полученное новое поручение, которое проклинал в душе.

Отнюдь не лишенный писательского воображения, как упрекнул его Ришелье, он догадался, что кардинала, видимо, устроило бы не благополучное возвращение во Францию Сирано де Бержерака в сопровождении Кампанеллы, а их гибель в пути...

Ришелье, отпустив незадачливого писателя, призвал Мазарини и срочно направил его в Мовьер для уже известного нам поручения, а сам приказал подать себе карету для поездки в Лувр к королю, чтобы застать его там раньше, чем тот отправится на охоту с ловчими птицами.

Король не слишком обрадовался непредвиденному появлению кардинала, он вышел к нему в охотничьем костюме с недовольной физиономией, вытянув вперед шею.

— Рад вас видеть, кардинал, — сказал он. — Надеюсь, у вас хорошие новости, а не надоевшие мне жалобы на моих мушкетеров, умеющих держать шпаги в руках. Или вы в чем-то сомневаетесь?

— Я никогда не сомневаюсь, имея дело с вами, ваше величество, — низко поклонился Ришелье.

Такие слова и тон кардинала польстили Людовику XIII, но одновременно и насторожили его.

— Так что у вас там приключилось, если нужно задерживать меня перед выездом на охоту, которая развеет мою скуку?

— Ваше величество! Я никогда не решился бы напрасно обеспокоить вас. Тем более когда речь идет о вымирающем искусстве охоты с ловчими птицами.

— Что верно, то верно, Ришелье. Не думаю, что меня в этом деле мог бы заменить кто-нибудь из здравствующих ныне государей.

— Ваше величество! Не только государи, никто на свете из ныне живущих не сравняется в столь славном деле с вашим величеством.

— Ну, кардинал, не иначе как кого-то из ваших гвардейцев проткнули шпагой. Говорите, кого и кто. Прикажу повесить.

— Нет, ваше величество, на этот раз речь идет лишь о пышной церемонии в вашем дворце.

— Интересно. Пышной, говорите? И это может развлечь?

— Несомненно, ваше величество, если вы согласитесь дать Большую аудиенцию в присутствии всего двора и всех иностранных послов посланцу самого святейшего папы Урбана Восьмого.

— Вот как? С чем же папа прислал его к нам?

— Он привез важнейшее письмо, будучи сам пожизненным узником, еще тридцать лет назад готовившим восстание против испанской короны.

— Опять Испания? Она уже надоела мне. Война с ней ваше дело, кардинал, на то вы и генералиссимус.

— Но речь идет не просто об Испании, ваше величество, а о

признании в вашем лице первого из всех католических королей.

— Вот как? Кто нас признал таковым?

— Сам святейший папа Урбан Восьмой, освободив вдохновителя антииспанского заговора и направив его со своим личным посланием во Францию.

— Сколько же просидел в темнице этот гонец?

— Около тридцати лет, ваше величество. И перенес из-за испанцев тяжкие мучения. Это святой монах Кампанелла.

— Никогда не слышал. Но папе виднее. Если он его освободил в пику испанскому королю, хоть тот и родственник нашей супруги Анны Австрийской, все равно это нам приятно.

— Ради лишь этого чувства, ваше величество, я рекомендую вам дать этому гонцу святейшего папы Большую аудиенцию.

— А это не помешает моей охоте?

— Что вы, обо всем позабочусь я сам, во дворец будут приглашены все вассалы, и преданные, и строптивые, даже пользующиеся дарованными им шляпными привилегиями.

— Вам непременно нужно, чтобы кто-то остался при мне с необнаженной головой?

— Ваше величество, я просто хочу поставить их в самое для них затруднительное положение.

— Как это вы сделаете?

— Об этом я могу лишь шепнуть вам на ухо.

Оглянувшись, подошел к королю и произнес шепотом несколько слов, потом добавил уже громко:

— А что им останется после этого делать?

Людовик XIII расхохотался.

— Вы неоценимый человек, кардинал! Я не знаю, чем вас наградить за такую выдумку. Эвоэ! Виват! Хорошо, готовьте торжественную аудиенцию. Посмотрим на этого бедного монаха. Вот удивится-то! Да и не он один! Ришелье.

Ришелье был доволен. Все оборачивалось так, как он хотел.

В назначенный Ришелье день, когда Мазарини должен был привезти Кампанеллу в Лувр, во дворце собрались даже издалика приехавшие вассалы, не говоря уже о придворной знати, обретавшейся в Париже.

Приемный зал наполнился роскошно одетыми вельможами и прекрасными дамами в самых модных туалетах со сверкающими драгоценностями, а перья на мужских шляпах соперничали с ними в пышности и яркости.

По условию приема все были в шляпах. Очевидно, это связывалось с какой-то особенностью великосветского собрания, устроенного кардиналом с согласия короля.

Королева в сопровождении приближенных к ней дам опять же по предусмотренному кардиналом ритуалу вышла раньше супруга и сразу осветила своей необыкновенной красотой, оттененной простотой и изяществом наряда, весь зал.

Вельможи зашевелились, приветствуя королеву снятием шляп, потом снова водружая их на место.

Наконец наступила торжественная минута, ждали выхода короля. Но он задерживался, ибо не было сигнала о приближении кареты с Мазарини и римским гостем.

Мазарини сидел в карете рядом с Кампанеллой и вел с ним многозначительную беседу.

— Отец Фома! Великий кардинал Ришелье предоставил вам убежище во Франции в надежде, что вы ему ответите признательностью и послушанием.

— Признательность моя исходит от сердца, монсеньор, но что вы имеете в виду под послушанием?

— Мне кажется, что не все ваши произведения восхищают его высокопреосвященство господина кардинала Ришелье. Быть может, в последующих своих сочинениях, которые вы напишете здесь, на свободе, не зная забот и трудностей существования, вы разъясните некоторые положения, высказанные вами в трактате о «Городе Солнца»?

— Что там требует разъяснения синьор Мазарини?

— Его светлость, как высший блюститель нравов, обеспокоен толкованием предложенной вами «общности» жен в вашем Городе.

— Ах боже мой! Конечно, в том моя вина! Неверно толковать употребленное мной слово «общность» как использование одной жены несколькими мужчинами. Это вульгаризация, монсеньор! Я лишь предоставляю свободу выбора в равной степени и мужчинам и женщинам, а вовсе не узакониваю распущенность. Напротив, нравы должны быть строгими, но в то же время не исходить из вечного права собственности супругов друг на друга, освященного церковью.

— Вы восстаете против брака, начало которому господь положил еще с Адама и Евы.

— Если вы обращаетесь к священному писанию, то можете вспомнить, что господь допустил после гибели Содома и Гоморры, чтобы род человеческий был продлен с помощью дочерей, а не жены, превращенной в соляной столб, спасенного Лота. Как известно, они, подпоив отца, поочередно соблазнили его, чтобы понести от него.

— Ну знаете, отец Фома, на вашем месте я не приводил бы таких примеров, — возмутился Мазарини.

— Но разве не более цинично восприятие «общности», то есть «не принадлежности» жен как призыв к распутству? Очевидно, нужно какое-то другое слово, которое исключило бы всякое иное толкование, кроме истинного.

— Вам представится возможность найти любые слова, чтобы разъяснить, что в Городе Солнца вы имеете в виду отнюдь не общность всего имущества, что противоречит всем законам, и человеческим и божеским.

— Общность имущества (здесь не надо искать другого слова!) должна быть полной, монсеньор. Беда, если дом или конь, поле, колесница или лодка могут принадлежать одному, а не другому, зарождая в нем зависть. Не должно существовать понятие: «это твое», «это мое»! Человеку может принадлежать только то, что на нем в условиях природы. Иначе зародыши «зла собственности» расцветут бесправием и тягой к преступности, к нищете и богатству, к праздности и страданиям и сведут на нет преимущества жизни в подлинно свободном от всех зол обществе.

— Мне трудно переубедить вас, отец Фома. Но я хотел бы

вас предупредить, что не эти обреченные мечты, а заслуги противоборца испанской тирании вывели вас из темницы и вводят сейчас в королевский дворец Франции.

— Вы огорчаете меня, синьор Мазарини. Я надеялся, что монсеньор Ришелье разделяет мои убеждения, если просил папу о моем освобождении.

— Вы глубоко заблуждаетесь, отец Фома. Кардинал Ришелье не обращался к святейшему папе с такой просьбой. Папа Урбан Восьмой освободил вас по своей великой милости из сострадания. Что же касается молодого человека, защищавшего вас, то он был прислан в Рим, поскольку кардинал Ришелье предвидел ваше освобождение. И если вам будут оказаны какие-либо знаки внимания, то относите их не к своим необузданным мечтам, а только лично к себе.

— Мудрейший синьор Мазарини, я должен признаться вам, что эти мечтания и составляют мою сущность. По крайней мере так понимает меня господин Сирано де Бержерак, которого монсеньор Ришелье нашел нужным прислать за мной.

— Ничего не значащее совпадение. Этот молодой человек известен в Париже как крайне необразованный и тупой буян. Он мог вам наговорить немало глупостей, забывая, что он только солдат со шпагой, не больше.

— Как странно, — заметил Кампанелла, — он произвел на меня иное впечатление.

— Первое впечатление всегда обманчиво, отец Фома.

— Я привык думать наоборот, монсеньор.

— Вам придется отказаться от многих своих былых привычек.

— Но, обрета теперь свободу в вашей прекрасной стране...

— Мы с вами земляки, синьор Кампанелла. Эта страна прекрасна, если к ней должным образом относиться.

— Я хочу лишь воспользоваться ее гостеприимством, чтобы издать свое собрание сочинений.

Мазарини пожал плечами и загадочно произнес:

— Сколько успеете, отец Фома. Долгой вам жизни на свободе! *

Карета въезжала в Лувр.

Конечно, в числе приглашенных туда на торжественный акт Большой аудиенции были граф и графиня де Ла-Морлиер и состоящий при них маркиз де Шампань.

Предок мужа графини Мишеля де Ла-Морлиер получил в свое время по прихоти угодного англичанам безумного короля Карла VI право не снимать шляпы перед французским королем в знак заслуг перед английской короной.

Сам Мазарини письменно от имени кардинала Ришелье напомнил графу о возможности показать перед всеми себя как особо привилегированного по сравнению с другими дворянами, и потому он был сегодня особенно напыщен и чем-то напоминал индейского петуха.

Был он тучен до невозможности и по сравнению с маркизом де Шампань казался горой рядом с мышью. При его завидном росте шляпа, украшенная отборными перьями, возвышалась над

---

* Прожив свои последние годы во Франции, Кампанелла успел издать лишь первые тома своего задуманного собрания сочинений.

всеми. И головные уборы других вельмож, обладающих подобной же «шляпной привилегией», тонули в толпе.

— Ну, мадам, — шептал маркиз де Шампань, — сегодня и на вас, а следовательно, и на меня, падет сияющая тень не снятой перед королем шляпы вашего достойного супруга.

— Ах, маркиз, я умираю от любопытства, чем все это вызвано?

— Ах боже! Это уже известно всему Парижу, я был в двух или трех салонах, где об этом только и говорят.

— Что же там говорят, почему вы молчите?

— Я не могу молчать, графиня, я никогда не молчу, в этом моя особенность, мой дар и мое несчастье, если хотите!

— Я хочу, чтобы вы не молчали. Именно это хочу.

— Извольте. Весь парижский свет говорит о причуде его высокопреосвященства, который представит королю человека, желающего отменить браки и сделать всех дам доступными любым мужчинам.

— Боже, какой ужас! — воскликнула графиня. — Впрочем, в этом что-то есть.

— Конечно, есть, графиня, все с вождением ждут такого указа короля. Однако общими должны стать и дворцы, и сундуки с золотом, земли и замки, словом, все, чем вы обладаете.

— Я обладаю и еще кое-чем.

— Это останется при вас, а вот имущество...

— Ах оставьте, маркиз! Я могла бы еще подумать, чтобы стать «общей» для избранных, но не нищей же!..

— Предвижу смуту, сударыня.

— Неужели король примет подобного смутьяна?

— Присмотритесь, и, как видите, у всех на глазах.

— Мне кажется, я потеряю сознание.

— Я поддержу вас, положитесь на меня.

— Мне уже душно, где мой веер?

— Он у вас в руке, мадам. А я — рядом.

И тут открылись парадные двери зала, в них показался торжественный церемониймейстер двора с посохом, увенчанным тремя лилиями.

— Его величество король Людовик Тринадцатый! — громко провозгласил он.

В нарядной шляпе, украшенной перьями, вошел король обычной своей порывистой походкой, вытянув вперед шею.

И, как по мановению незримой силы, множество шляп первых вельмож Франции, даже приехавших к этому дню издалека, взвились вверх и опустились к самым ногам, чтобы проделать замысловатые движения.

Король гордо шел в своей вызывающей пышной шляпе, зорко поглядывая по сторонам, чтобы убедиться, все ли обнажили перед ним головы.

Только три человека остались в шляпах: барон с полузабытой всеми фамилией, которому монарх даровал такое право на «английский манер», герцог Анжуйский, чьи предки настояли на подобном праве при присоединении Анжу к Франции, и граф де Ла-Морлиер, похожий на башню, увенчанную вместо крыши головным убором, столь же аляповатым, как и вся его фигура.

Придворные состязались в изяществе поклона перед королем,

все, кроме упомянутых вельмож, которые ограничились лишь сотрясением перьев на шляпах.

Через зал была проложена ковровая дорожка, по которой и шествовал король, сопровождаемый кардиналом Ришелье. Закинув голову, тот ястребиным взором окидывал все вокруг.

Не дошел король и до половины зала между расступившимися придворными, как открылись противоположные двери и там появились два монаха в серых сутанах; смиренный будущий кардинал Мазарини и на шаг впереди него тревожно озирающийся недавний вечный узник Кампанелла.

И тут произошло невероятное.

Король обнажил голову перед скромным монахом, выражая тем самым высочайшее уважение, которое, если верить истории, король вообще никому не оказывали.

Получилась невероятная ситуация. Весь зал, весь цвет французской знати стоял перед бывшим вечным узником, итальянским монахом с обнаженными головами, все, все, кроме... трех вельмож, имевших привилегии не обнажать головы перед королем. Перед королем! А если сам король обнажил?

— Снимайте шляпу, ваше сиятельство, — зашипел мужу своей любовницы маркиз де Шампань. — Делайте как король!

Граф де Ла-Морлиер не обладал быстротой соображения. Пока до его ума дошли слова маркиза, герцога и барона, бывшие в шляпах при выходе короля, обнажили головы. Теперь и графу де Ла-Морлиеру не оставалось ничего другого, как последовать их примеру.

Кардинал Ришелье, хоть и смотрел на Кампанеллу, все же заметил замешательство обладателей вредной «шляпной привилегии», запоздавших обнажить свои головы.

Кампанелла меж тем подошел к Людовику XIII и выразил ему свою величайшую преданность и признательность, затем он попросил разрешения передать монсенюру кардиналу Ришелье письмо святейшего папы Урбана VIII.

Ришелье взял пакет, благословив монаха, вскрыл печати и быстро пробежал папское послание.

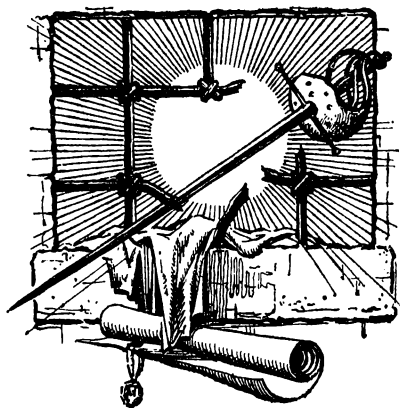
— Так и есть, ваше величество, волею господ я предугадал содержание послания наместника святого Петра. Святейший папа не ошибся, выбрав Францию местом своего доверия.

Так французский монарх вместе с жесточайшим правителем Франции кардиналом Ришелье и всей французской знатью, оплотом реакции и абсолютизма, встречали с обнаженными головами Томмазо (Фому) Кампанеллу, автора великого сочинения «Город Солнца», послужившего столетия спустя одной из вех при разработке путей в коммунистическое завтра человечества.

Ришелье же утвердился в глазах всех как лицо, пользующееся особым вниманием папского престола. Вся эта задуманная им церемония дала ему повод во имя королевского величия отменить устаревшую, заимствованную у англичан «шляпную привилегию», унижавшую королевское достоинство. Отмена эта, забытая из-за своей незначительности историками последующих столетий, способствовала еще большему утверждению абсолютизма.

ЭПИЛОГ

Франция тем временем, участвуя в Тридцатилетней, как впоследствии ее называли, войне, обретала европейскую гегемонию, что приписал себе в заслугу кардинал Ришелье, достигнув высшей власти и всеобщего почитания. Тенью на своей славе он считал лишь вынужденное участие в освобождении Кампанеллы. Он сделал все возможное, чтобы его современники поверили, будто освобождение автора «Города Солнца» исходило только от папы Урбана VIII и было вызвано антииспанскими его настроями. Однако Ришелье допускал, что истина может стать известной в будущем. Мазарини подсказал ему надежный способ исключить это. Он затребовал в порядке ватиканской ревизии церковные книги местечка Мовьер, где приходским священником был знакомый нам кюре. Тот не сразу заметил подмену в возвращенных книгах записи о рождении и крещении Савиньона, сына господина Абея Сирано Мовьер де Бержерака, а обнаружив ее, встревожился, хотя не видел никакого практического смысла в этой ошибке. Он оставил эту неверную запись в церковной книге без последствий. Путаница с крещением Сирано выяснилась лишь после его кончины, когда его друг детства Кола Лебре готовил предисловие к его посмертному изданию «Иного света», обнаружив по документам, что всю жизнь бывший его сверстником, Сирано по записи на пять лет моложе! Сирано во время своей бурной жизни, конечно, не подозревал о способе сделать его участие в освобождении Кампанеллы невозможным из-за якобы слишком юного возраста. Догадаться о подделке, как рассчитал Мазарини, не под силу историкам последующих поколений, которым истинная роль Сирано не будет понятна. Однако искателям истин приходит на помощь логика и воображение.

ВАЛЕРИЙ
ПРИВАЛИХИН

ТАЁЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

РАССКАЗ

Линь был некрупный, ладонь не закроет. Но в яростном старании вырваться из ячеи на волю он замотался в капроновые нити намертво. Ращупкину пришлось-таки повозиться, пока высвободил остро пахнущую тинной рыбу. Он кинул линия с облысевшим боком на дно лодки, где распласталось десятка три рыбин.

Темно-серая, с зеленым отливом чешуя прилипла к пальцам. Ращупкин опустил их в воду, растопырил и пополоскал. Липкая чешуя отстала. Он собрался уже вынуть руки из воды, как вдруг неприятное ощущение, будто за ним наблюдают, толкнулось в груди.

Первым побуждением было вскинуть голову и оглядеться. Но Ращупкин заставил себя повременить, глубже погру-

зил руки в воду и потер друг об дружку, словно намыливал. Он ждал, что его вот-вот окликнут. Тишины никто не нарушил. Ращупкин вынул руки из воды, энергично трянул кистями.

Странно: или ему кажется и никого на берегу нет, или наблюдающий не хочет себя обнаруживать.

Он решил не торопиться. Если кто есть, пусть сам объявится.

Светило солнце, ветерок гнал по воде чутошнюю рябь. Ничего подозрительного. А ощущение, что за ним следят, причем пристально, неотрывно, росло.

Он заставил себя просмотреть сеть до конца, неторопливо закурил, как полагается после работы, и только после этого погреб к берегу.

Нос лодки впритирочку вошел в выточенное в кромке углубление. Опираясь на весло, Ращупкин выпрыгнул на песок и пошел в избу за мешком.

На обратном пути нарвал травы и засунул в мешок. Оставалось переложить рыбу. По мелкой воде он прошел к корме. Скрытый взгляд ни на секунду не оставлял его, ловил всякий жест и движение, словно бы держал на поводке, скрывая и заставляя нервничать.

Ращупкин не без сожаления подумал о Полкане. Будь пес рядом, он не позволил бы кому-то скрытничать, живо лаем вытурил.

Все дни с начала лета Полкан неотлучно находился при нем. А тут, как нарочно, Мишка с Ленкой поутру поплыли на остров за кислицей. Ращупкин сам предложил им взять Полкана. Ружье тоже не захватил. Летом не до охоты, успевай на реке поворачиваться да по хозяйству. После открытия навигации он редко навещался на свой стан. Но нынче последний день месяца. Есть договор с Шумиловским сельпо насчет озерной рыбы, а завтра ее сдавать. Зинаида взвешивала, в кадушках до полутора центнеров не хватало пустяка, трех килограммов. Пришлось отправляться, куда денешься. За выполнение — премия, тридцатка не лишние деньги.

На дне лодки не осталось ни одной рыбины. Мешок полон на треть. Больше задерживаться на озере не было надобности. Он приставил к двери избушки дощечку и пошел прочь от стана.

Ощущение слежки, возникнув, стойко держалось и нарастало, пока Ращупкин находился на озере. Стоило ему, однако, чуть отойти, выйти на луговые клевера, как напряженность исчезла.

Быстрота, с какой это случилось, несколько озадачила. Он вдруг засомневался: неужели кому-то потребовалось выслеживать его?

«Живем тут как звери, звериное чутье вырабатываем. Со стороны заметно, как дичаем», — вспомнились слова Зинаиды, сказанные во время ссоры.

«Ладно, может, и одичали, да сперва проверить надо», — как бы споря с женой, думал Ращупкин. Не было, не было, и на тебе, на пустом месте выросло подозрение.

Луг быстро кончился, тропа нырнула в жиденький осинник, опять скользнула на безлесное место. Замаячили раскидистые кусты смородинника. Через него боком, боком можно было почти скрытно пробежать до хвойного леса справа, а там вернуться к озеру. Ращупкин остановился, перекинул с плеча на плечо мешок и решительно зашагал дальше. Нечего мельтешить, успеется. Он и по тропке напрямик попадет в тот же ельник.

— Все, — сказал он вслух, добравшись до ельника. Были в самом деле или чудились на стане наблюдатели, теперь он оказался недостижимым для постороннего глаза.

Если оставались колебания насчет слежки на озере, то уж следом-то не шли — в этом он был убежден. Кинув мешок на землю, продвинулся к крайней ели, отогнул лагу. И даже вздрогнул от увиденного: ветки ближнего к тропке смородинного куста качнулись, сходясь. На быструю, как щелчок затвора фотоаппарата, долю времени он увидел промелькнувшее между веток лицо.

— Вот тебе и звериный нюх. Вот и дичаем, — прошептал он.

Ращупкин вернулся к своей поклаже. Стоял, скрестив на груди руки, думал.

От озера до смородиновых зарослей было три километра, и весь этот путь его сопровождали. Почему кто-то сначала не хотел давать о себе знать, а потом решил твердо убедиться, что он отправился домой? Чем и кому помешал на озере?

Ращупкин кинул мешок под густую молоденькую пихту и пошел, забирая вправо от тропки по ельнику.

Еловый массив переходил в смешанный лес, чуть дальше смыкавшийся с березовым колком возле озера.

Ращупкин поторапливался и уже через полчаса добрался до берега, нашел себе укрытие и выглянул. На озере не было ни души. Дверь избушки подперта. По плашке видно, никто в избушку не входил. Лодка тоже на месте. Внимательно раз, другой и третий он обвел взглядом берег. Никаких признаков постороннего присутствия. Странно: тот, кто шел за ним следом, по времени должен вернуться на озеро, напрямик короче, чем вкруговую, а его нет.

Чепуха какая-то получается необъяснимая. Ждали его ухода, чтобы после тоже уйти? Больно уж по-детски.

Выждав еще, он подумал, что зря сидит в укрытии. Если и явятся на стан, то не сейчас, не скоро. Ему любопытно было заглянуть в тальниковые заросли. Там, он был убежден, что-то да прояснится.

Не слишком уже осторожничая, Ращупкин пошел вдоль берега. Стоило сделать буквально три шага, и он наткнулся на свежий, оскользнувшийся след чужого сапога.

Ращупкин наклонился, взгляделся. Рядом был второй, более четкий отпечаток подошвы сапога, подальше — третий. И еще, и еще.

Следы уходили прочь от озера, в заросли. Стоило бы по-

шарить и в тальнике, наверняка и там отыщется любопытное, да недосуг. Его видели, теперь он, в свою очередь, посмотрит, кто тот, интересующийся.

Пройдя, где спешным шагом, где трусцой, около получа-са, Ращупкин заметил в траве окурки сигареты. Поднял, понюхал — считанные минуты прошли, как ее выкурили. Незнакомец словно предупреждал о своем близком присутствии. Это было кстати. Густой подлесок поредел, подступала полоса соснового чистого бора, видимость впереди увеличивалась. Теперь следовало быть начеку, чтобы при сближении с неизвестным не обнаружить себя.

Фигура незнакомца вынырнула среди стволов корабельных сосен. Длинный, чуть горбящийся, он ступал так, словно шел по мшанику и боялся провалиться. Одет был в застиранную добела энцефалитку, темные брюки заправлены в сапоги. Даже на расстоянии легко было разглядеть выбивающиеся из-под кепки на затылке черные с сединой волосы.

Ращупкину не терпелось увидеть лицо человека, которому он помешал чем-то на озере. Однако Длинный не оглядывался. Как бы заставить его на секунду повернуться? Решение еще не успело оформиться, но тут шагах в семи-десяти впереди неожиданно возникла фигура второго человека.

Открытие неприятно поразило Ращупкина. Хорош, ругнул он себя, сразу почему-то решил, что на стане «пас» его один, и не допускал мысли о нескольких. Должен был обратить внимание, что у Длинного не шаркающая походка, рвал траву не замеченный сразу напарник. В отличие от идущего належке спутника он нес за спиной рюкзак, объемистый, но, видно, нетяжелый: ноша не пригибала его.

Незнакомцы ступали размеренно, как заведенные. По частым взмахам рук было ясно, что около них вьется комариный рой.

Прошло некоторое время, пока передний остановился, снял с плеч рюкзак, обернулся и, стянув с головы кепку, вытер лицо. Теперь Ращупкин хорошо разглядел его. Красный, словно после доброй бани, на лоб слипшимися прядями спадают белые волосы, такие же бесцветные черточки над глазами вместо бровей. Альбинос.

Длинный нагнал спутника, подхватил рюкзак. Просовывая под лямками руки, невольно повернулся вполоборота, и Ращупкин увидел лицо: черты тонкие, нос с едва уловимой горбинкой. Подбородок окаймляла небольшая острая борода.

Минутная передышка, и незнакомцы опять размеренно зашагали вперед.

Ни по внешности, ни по одежде Ращупкин не мог понять, кто они. Во всяком случае, не геологи и не браконьеры. У тех и поклажа другая, и оружие всегда при себе в такой глухомани. А у этих вряд ли было хоть одно ружье в рюкзаке. Да и не ходят по тайге с разобранными ружьями.

Еще более загадочным был их маршрут. По уверенной походке видно, что не плутают. Взяв курс от озера строго на северо-запад, они не уклонялись и, похоже, не думали менять

направления. Значит, неминуемо должны были вскоре уткнуться в Окунеевское болото в двенадцати километрах от озера.

Какая нужда несла этих непонятных людей на непроходимое Окунеевское болото? Что они там забыли?

Минуло больше часа, как Ращупкин шел по пятам загадочной пары. За все время те не сделали ни одной остановки, лишь несколько раз на ходу молча передали друг другу рюкзак.

Ращупкин утвердился в мысли: если ему и предстоит быть чему-то свидетелем, то не раньше чем доберутся до болота.

Вдруг на полянке, окаймленной красным кустарником, они остановились, заозирались. Альбинос выгнул плечи назад, сбросил рюкзак в траву и тут же устало опустил на него.

Длинный, поискав и не найдя, где бы пригнуться, сел у единственной на полянке сосны. Поерзав, вытянул ноги, уперся спиной в ствол.

Оба закурили. Комариный рой продолжал их донимать, и они, торопливо затягиваясь, пускали клубы дыма.

Минута шла за минутой. Прошло четверть часа, полчаса. Альбинос давно сполз с рюкзака, положил на него, как на подушку, голову и вольготно растянулся. Длинный лежал на животе, уткнувшись подбородком в скрещенные руки. Странно: шли спешно, а тут позволили себе отдых изрядный.

Чем дольше загадочная пара пребывала в неподвижности, тем беспокойнее становилось у Ращупкина на душе. Он догадывался, что остановка вызвана ожиданием. Должен появиться кто-то третий, может, и четвертый. А вот откуда, с какой стороны — этого предугадать нельзя, хотя ничего важнее сейчас не было.

Ращупкин отступил с первоначально занятого места шагов на двадцать и совсем было собрался поднырнуть под елку, где в густой кроне его не разглядеть и вблизи, но тут раздался негромкий свист.

Ращупкин облегченно вздохнул: тот, кого ждали, предупредил о своем приближении.

Разморенные долгим лежанием незнакомцы зашевелились. Альбинос, сунув пальцы в рот, откликнулся свистом.

Третий, прежде чем выйти из кустарника, возвестил о себе шумом. Гулко, как выстрел, треснула под его ногой сухая валежина, послышалось сдержанное ругательство.

«Ну-ка, ну-ка, покажись», — оживился Ращупкин. Ожидание утомило, и он обрадовался появлению нового человека. С приходом третьего что-то должно проясниться.

Однако его появление скорее рождало новые вопросы. Единственное, что можно было о нем сказать: он тщательно оберегается от комариных укусов. Лицо наглухо закрыто, как паранджой, длинной, спадающей на грудь сеткой протина гнуса, пришитой к полям шляпы. На руках у вновь прибывшего перчатки. По одежде он отличался от первых двух. Вместо энцефалитки на нем была черная хромовая куртка. У Ращупкина имелась похожая. В конце весны они с Зи-

наидой поехали на лесобазу. В тот день в тамошнем магазине бойко торговали кожными. Как ни отнекивался Ращупкин, Зинаида купила ему. «Для выездов на люди», — сказала внушительно. Незнакомец же в накомарнике, видно, не очень-то щадил дорогую вещь, шастая в ней по таежному чащобнику. Был у третьего и небольших размеров рюкзак, а главное — короткоствольный карабин. Наметанным взглядом Ращупкин определил, что это, пожалуй, единственный из троих, кому не понаслышке знакома кочевая таежная жизнь. Назвать его геологом мешало лишь то, что он каким-то образом связан со странной парой.

Третий устроился рядом с Альбиносом. Он принес с собой облако гнуса, и старые знакомые Ращупкина сразу замаха-ли руками, потащили курево из карманов.

Следя за ними, Ращупкин не забывал поглядывать и на кустарник, хотя, похоже, предосторожность была излишней: по поведению троицы не чувствовалось, что те поджидают еще кого-то.

На поляне завязался спор. Ращупкин определил это по частым жестам. Говорили не слишком громко, а расстояние до поляны составляло сто с лишком шагов, и даже обрывки слов не долетали. Можно было приблизиться со стороны кустарника, его не заметят. Но, помня, какой шум наделал там незнакомец в накомарнике, Ращупкин отказался от этого. Оставалось ждать.

А набраться терпения неизвестные заставили.

Прекратив вскоре спор, они и не подумали подниматься. Альбинос перекинул рюкзак в тень, переполз к нему. Владелец карабина и Длинный последовали его примеру, легли головами друг к другу.

«Отсыпаться, что ли, сюда явились», — с неприязнью подумал Ращупкин, поглядев на часы. Положение его, как преследователя, оставалось странным. Он чувствовал, что с троицей не все ладно, но где веские доказательства, что это люди, за которыми стоит последить? С момента, когда он на озере ощутил на себе тайный взгляд, минуло почти четыре часа, а он ничего ровным счетом не мог сказать вразумительного о незнакомцах. И не в его власти поторопить события.

Полуденное июльское солнце припекало. Запах разогретой хвои разлился по лесу. Жажда, совсем недавно терпимая, с каждой минутой все настойчивее давала знать о себе.

«Положеньице, — думал он, озираясь и ни на миг боковым зрением не теряя из виду подопечных, — вдруг им вздумается тут до ночи проторчать?»

Такое было хоть и маловероятно, но не исключалось. Провалившись на поляне ровно час, троица ожила, зашевелилась. Ращупкин напряг глаза, рассчитывая увидеть лицо неизвестного в кожанке — хотя бы при вставании должен же расстаться с накомарником. Не тут-то было. Он приподнял шляпу за тулью и опустил, будто кого поприветствовал, и принялся надевать через плечо карабин. Длинный и Альбинос потянулись, с лентой разобрали рюкзаки. Все трое нырнули в кустарник. Ломкие сухостойные ветки затрещали, захрумлили. Выждав время, Ращупкин скользнул следом.

Он не настраивался на долгий путь, был уверен, что теперь-то его подозрительные подопечные близки к цели и загадка их быстро раскроется. Однако ошибся. Минуло два часа, три, солнце неприметно поползло на наклон, а незнакомцы с завидным упорством шли и шли мерным шагом, нигде не позволяя себе остановок.

Прибывавшая жажда постепенно сделалась мучительной. Путь, как нарочно, пролегал по высокому сухому месту — ни ручейка, ни махонького озера, ни даже наполненной зацветшей водой впадинки: с середины месяца установилась засуха.

Не без внутренней радости Ращупкин подметил, что незнакомцы, нарочно или сбиваясь, начинают забираться влево. Недолго еще прошли по гривке и спустились в низину. Под сапогом чваннула вода. Если не напиться, то хоть смочить горло можно. Собрав обшлаг рукава куртки в кулак, Ращупкин припал на колено и нетерпеливо вдавил кулак в траву. Когда поднялся и первым делом поискал взглядом незнакомцев, обнаружил, что они остановились. Может, он совершил какую-нибудь оплошность и остановка из-за него? Успокоение пришло тут же: троица натолкнулась на ручей.

Длинный и Альбинос проворно освобождались от рюкзаков, а новый их спутник сидел на корточках у ручья. Что-то говоря, он обернул свое мокрое лицо так, что и Ращупкин мог видеть. В следующую секунду Длинный сделал шаг к ручью, заслоняя собой незнакомца в кожанке, но и ничтожной доли времени Ращупкину хватило, чтобы разглядеть его.

— Вот-та-та, — прошептал Ращупкин, невольно попятившись, забывая даже про сухость в горле.

Лицо третьего было ему известно, причем он хорошо помнил откуда.

В середине июня к нему в гости нагрянул милицейский лейтенант Афанасьев из райцентра. Он очень торопился. Причालив свою «казанку», в дом не зашел, как ни зазывала Зинаида, из вежливости коротко справился о житье-бытье и перешел к делу. На лесобазе за день до этого ограбили инкассатора. Ращупкин уже был наслышан, по всему району об одном этом говорили. Инкассатор, получив деньги в районном банке, вез их в Любинской лесопункт. По обыкновению он заночевал в заезжем доме. Ранним утром группа геодезистов, тщетно пытавшаяся стуком разбудить хозяйку, решила влезть в окно. Хозяйка, ее семилетний сын и инкассатор лежали мертвые. Деньги и наган, что были при инкассаторе, пропали. И все. Больше толком никто ничего не знал.

Афанасьев уточнил похищенную сумму: не полмиллиона, как утверждали слухи, но больше ста тысяч — месячный заработок и премия трехсот двадцати рабочих.

— Как призрак сотворил, — мрачно цедил сквозь зубы лейтенант. Он бурно переживал то, о чем говорил, и молодое, почти юношеское лицо его покрывалось алыми густыми пятнами. — Есть один на примете. Против него только то,

что перед убийством взял расчет в поисковой партии. Подался на лесобазу, а там его никто не видел. Вот.

Афанасьев протянул фотографию.

Со снимка на Ращупкина напряженными светлыми глазами глядел мужчина лет сорока. Черты лица крупные, резкие, словно вырезанные ножом; на голове ежик коротких русских волос. С оборотной стороны снимка разборчиво зеленым фломастером было написано: «Шуляков».

Встреча с Афанасьевым, о которой он успел забыть за две недели, живо промелькнула в памяти.

«Как в воду глядел Афанасьев», — усмехнулся про себя Ращупкин и встрепенулся. Теперь, когда знал, с кем имеет дело, нужно соблюдать предосторожность вдвойне, а он, как ему показалось, слишком надолго оставил троицу без пригляда.

Раздвинув ветки, увидел, что Длинный еще не присел, Альбинос с трудом стягивает прилипшую к потному телу энцефалитку. Эти двое пока не интересовали Ращупкина. По нему, главной фигурой был третий, и все внимание он переключил на него. Шуляков встал в полный рост и, оглаживая ладонями мокрые щеки, расслабленно сделал несколько шагов от ручья. Остановившись, потянулся, запрокидывая голову и выбрасывая вверх руки, смачно зевнул. Потом резко выпрямился.

А ведь он не первый день видит Шулякова и его приятелей, пришло в голову Ращупкину. След их не первый день видит, поправил он себя.

Вчера в полдень, проезжая на моторке ниже Куяновского яра, он заметил на сыром песке у самой кромки воды глубокую метку — зазубрину от носа обласка. С одним гребцом в корме обласок коснется берега больше днищем, слегка, будто погладит, а то был вспарывающий след. Занятый своими мыслями, вчера он отстраненно отметил, что кто-то переехал реку на перегруженном обласке. И все.

Сейчас он вспомнил большее. Приблизительно за четверть часа перед тем, как попался след, он разминулся с шедшим вниз катером из леспромхоза. Раньше переправиться на обласке не могли. Иначе бы не уцелел след. Катер давал сильную волну, она катилась, старательно прилизывая берег. Значит, переплыли реку ниже Куяновского яра после катера за считанные минуты перед тем, как Ращупкин проскочил там на своей моторке. Само по себе это ни о чем не говорило. Подозрительно было другое — рядом со следом не оказалось обласка. На его памяти не случалось, чтобы с безлюдного берега утаскивали и прятали обласок, да еще не поленившись одолеть для этого двухметровую крутизну. Никому, кроме троицы, за которой он сейчас наблюдал из кустов, такое бы не понадобилось.

Теперь они находились в шестидесяти километрах от реки за дальней оконечностью Окунеевского болота, и Ращупкин без труда очертил пройденный ими путь. Более того, он, кажется, мог ответить, куда направляется троица.

Конечно, они отсиделись, выждали, пока страсти мало-помалу поутихли. Сейчас стараются скрытно выбраться, нигде

не наследить, не напомнить о себе. Лучшего пути, как напрямиком через тайгу на Четь, не сыскать. Срубят на Чети плотик и будут сплавляться без всяких хлопот... Четь быстрая, если еще помогут себе, подгребут, за трое суток, пока людные берега обозначатся, чуть не в полтысяче километров в соседнем крае будут. Тут о происшествии не сразу всякий подумает-вспомнит, а там чего опасаться, там едва ли и слышали. Туристами вынырнут — свободно могут сойти за них.

План был прост. Путь троицы не пересекался бы с ращупкинским, знай они места лучше. Прикинуть по времени, Четь уже должна бы катить их вниз. Однако стоило им переправиться на обласке и углубиться в тайгу, они заплутали. Скорее всего на кочкарнике, который, как осьминог щупальца, разбрал свои трясинки перед соседним с Окунеевским — Линевским болотом. Видимо, вчера, покрутившись, как букашки на соломинке, на Линевском кочкарнике, они все же вышли, да не там, где хотели. Поутру желание поскорее найти верный путь заставило их разделить и отправить в разные стороны.

Более толкового объяснения появления Длинного и Альбиноса на стане на ум не приходило. В чем, в чем, а в желании натолкнуться на него, Ращупкина, их не заподозришь. А уйти со стана позволили, только убедившись, что он находится в полном неведении.

Пересохший рот внезапно наполнился слюной, стоило Ращупкину подумать, какой опасности он подвергался на озере. Мысленно поблагодарил себя за то, что отдал утром Полкана сопровождать сына и дочку.

Стоп, поймал он себя на новой мысли. Если им нужна Четь, не слишком ли они замысловато туда устремились? Знай себе, прями, очутишься на Чети, мудро не очутиться. Вчера, согласен, троица плутала. Зато нынешние их броски слепыми не назовешь. Не разогнались, однако, на Четь. Что-то, видно, искали. Длинный с Альбиносом возвратились пустые, а вот Шулякова можно поздравить. Благодаря ему они на верном пути.

«Точно, на верном, — утвердительно кивнул себе Ращупкин, чувствуя, что в таком разе окончательно рушится его версия, будто цель троицы Четь. Ведь по двадцать верст вширь отмотали и ни на шаг к ней не приблизились».

Он потер кулаком подбородок, сбитый с толку, подумал, что, может, они ищут Кулеевский стан. Других примечательных мест в округе не было, кроме заброшенного зимовья охотника-остяка Кулеева. Полтора десятка лет назад старик основательно потрудился, срубил добрую избушку. Однако работа была проделана зряшная. Старик год спустя умер, а желающих на избушку не нашлось: у каждого свои излюбленные места для охоты.

Кулеев строил ее где-то вблизи старого Тяжинского тракта, постарался поточнее определить место расположения избушки Ращупкин. В следующую секунду мысль о старом Тяжинском тракте завладела им целиком. Кажется, он докопался до истины! У него кровь застучала в висках, и жаж-

да с новой силой схватила горло от этой новой догадки. Известно или нет Шулякову и его спутникам о Кулеевском стане, дело десятое. В любом случае стан их не интересует. Тракт, и только тракт им нужен!

Как зачастую случается, когда отыскивается единственно верное решение, теперь все встало на свои места, «белые пятна» в поведении троицы пропали.

Никогда они не помышляли сплавляться по Чети на плоту. Как он всерьез мог и предположить такое? Показаться на людях, обнаружить себя для Шулякова и его приятелей почти равносильно добровольной сдаче. В любой деревеньке они будут как на рентгене. Кому надо, не в своем родном районе, а и в соседнем крае знают о происшествии. Главный расчет на то, чтобы, занырнув после преступления, пропасть, раствориться. Для выхода из тайги лучше тракта места не сыскать.

Тяжинский тракт возник в конце прошлого века. Купцам достаточно было усмотреть выгоду, чтобы в одно лето от уездного городка Аннинска, что стоял на Транссибирской магистрали, напрямую через тайгу с юга на север до Берегаевской волости была пробита дорога длиной в двести с гаком верст. Жизнь на тракте сразу забила ключом, извоз был крупный. Из Аннинска шли обозы с мануфактурой и городским провиантом; груженные мягкой рухлядью и красной рыбой, возвращались они из Берегаева; летели почтовые тройки. Постепенно осмелели и стали ездить не по одной торговой да казенной надобности, отчего тракт приобрел дополнительное оживление. В германскую войну и в гражданскую, правда, поубыло охотников появляться на тракте. А потом опять пошло с размахом. Без тракта не обходились. Казалось, он будет вечным, но при районировании Аннинск и Берегаево размежевались, попали в разные области. Вскоре, в начале тридцатых годов, с запада на север потянули железнодорожную ветку. Рельсы всего ста километров не дошли до Берегаева. Связи с Аннинском пошли на убыль, тракт захирел. Последний раз проехали по нему в Отечественную войну, и все, поставили на нем крест. Легенд и ярких историй не в пример другим торговым путям тракт по себе не оставил: извоз проходил деловито, спокойно, поэтому забывался тракт быстро.

Ращупкин подростком услышал о тракте от деда. Тот одно время болел глазной болезнью, охоту пришлось забросить, и он лет пять занимался извозом. Позднее Ращупкин имел возможность убедиться, что дед — один из немногих, кто располагал о тракте доскональными сведениями, — мог пройти по нему с завязанными глазами. Даже старожилы знали теперь о нем понаслышке, а молодежь и вовсе не подозревала о его существовании. Шуляков с приятелями разнюхали-таки где-то о тракте и сделали на этот путь главную ставку.

Троица была готова вот-вот продолжить путь. Шуляков уже в накомарнике закидывал за плечо карабин, Альбинос прилаживал к поясу фляжку, Длинный, собравшийся пер-

вым, ковырял кончиком сапога землю. Наконец Шуляков, а следом и остальные двинулись прочь от ручья.

Помедлив на всякий случай, Ращупкин приблизился к ручью. Упав на колени, долго и жадно пил, чувствуя, как наполняется тяжестью пустой желудок. Потом умылся, вытер о штаны мокрые руки, полез за папиросами.

Ращупкин понимал, что время для сидения самое неподходящее. Но прежде чем подняться, нужно было решиться на что-то. Продолжать преследование чем дальше, тем опаснее. Даже если он будет вести троицу без сучка и задоринки, что он может им сделать? Со складником на карабин броситься? Инкассаторский наган наверняка при них, не выбросили. Подмога нужна позарез. А до ближнего села, его родного Шумилова, сорок километров. Солнце скоро закатится. В темноте по тайге не пойдешь, переждать придется, пока-то доберется. Троица тем временем сидеть на месте не будет. И еще он ведь только догадывается, не знает наверняка об их планах...

Ращупкин так и не сделал окончательного выбора. Он ощутил нарастающее беспокойство оттого, что не видит перед глазами уже примелькавшиеся фигуры. Повинуясь этому чувству, поднялся и пошел, сначала медленно, нерешительно, потом все энергичнее прибавляя шаг.

Ничего не случится, подбадривал он себя, проведет их немного по тракту, убедится, что сворачивать не помышляют, а там видно будет.

Нагнав бандитов как раз возле Кулеевского стана, Ращупкин воочию убедился в своей правоте: избушка их не интересовала. Они прошли мимо нее в двух десятках шагов. Ему это было безразлично. Так или иначе скорая остановка неизбежна. Темнота заставит ее сделать.

Солнце склонялось над деревьями все ниже и ниже. Тркт после того, как миновали Кулеевский стан, находился очень близко. Ращупкин знал, что угадывать и всматриваться бесполезно: ступишь, тогда и поймешь, что вышел на него. Впервые услышав о существовании тракта, он упрямился деда сводить его туда. Прихватив тозовки на белку, они встали на лыжи. Мальчишеское воображение рисовало Ращупкину широченную, накатанную санными полозьями дорогу, к которой с обеих сторон подступают островерхие ели. Он хмыкнул разочарованно, когда дед остановился прямо посреди тайги и объявил, что они находятся на тракте. Он давно слился с тайгой, заглох окончательно и бесповоротно. Дед сориентировался благодаря тому, что деревья, выросшие на полотне дороги, были помоложе своих собратьев.

Сейчас, по прошествии полутора десятков лет, эта разница сошла на нет. И все же следы тракта полностью не исчезли. По всему пути сохранились на стволах насечки, кое-где проступал он проплешинами среди тайги, тянувшимися на километр-другой, а то и больше.

Поведение троицы подсказало, что они наконец-то достигли тракта. Длинный и Альбинос, скинув рюкзаки, пошли от дерева к дереву, высматривая, очевидно, засечки, тыча пальцами в них. Шуляков стянул шляпу с накомарником и,

как полотенцем, вытирал сеткой лицо. Губы скосило подобие улыбки. Ему и приятелям было чему радоваться. Они находились не просто на тракте, а на полдороге к Аннинску. Главное же — отныне исчезла возможность заблудиться, а глухомань гарантировала от неожиданных встреч.

Перед самым закатом Ращупкин имел случай убедиться, что у подопечных из оружия не только один карабин и что пустить его в ход они готовы без промедления.

Изрядно подрастерявшая собранность троица шагала среди молодых реденьких сосенок. Даже на удалении было видно, как покачивается от усталости скрытый почти по пояс в траве Альбинос, замыкавший шествие. И тут буквально из-под ног у них брызнула пара косачей. Троица моментально рассыпалась, словно разметанная тугой струей сжатого воздуха. Напружинившийся Альбинос выбросил вперед руку, грохнул пистолетный выстрел. Теперь уже целая стая косачей черной тучей выметнулась из травы. Альбинос ринулся за стаей следом и, видимо, не от испуга, а от досады, в отместку за пережитый страх пальнул второй и третий раз. Шуляков в пару прыжков настиг не в меру расшумевшегося ретивого приятеля, рывком развернул к себе и потряс перед его носом кулаком, в котором блеснуло пистолетное дуло.

Длинный один из всей компании отнесся к косачам более или менее хладнокровно, за оружие не схватился. Это, впрочем, не означало, что он не вооружен. «Небось, и у него «пушка» есть», — подумал Ращупкин. То обстоятельство, что у троицы по пистолету на брата и карабин в придачу, как ни странно, его приободрило. По крайней мере, никаких неожиданностей не будет, да и как вести себя с ними, гадать не приходится.

Быстрое приближение ночи неожиданно оказалось особенно досадным для Ращупкина. В сторонке, самую малость сойти с тракта, он засек заросли кислицы. Со слезкой можно было погодить, тем паче что троица определяла себе пристанище, и он свернул к ягодному местечку. Кусты были обсыпаны красными гроздьями, а вот брать их оставалось считанные минуты. Сначала он отправлял кислицу в рот, жевал и проглатывал, чувствуя прибывающий голод. Скулы быстро свело, пришлось сцезивать грозди в кепку. Она наполнилась лишь на треть, когда на ощупь собирать стало невозможно и Ращупкин с сожалением оторвался от своего занятия.

Слабенький огонек костерка мелькнул в удалении. Невидимые во мгле ветки заслоняли обзор. Ращупкин шагнул туда-сюда, взгляделся. Костерок быстро разгорался, пламя подымалось ввысь, пышноло. В его отсветах замелькал часто-часто, как отметина на вертящемся круге, нависший над кустом нижний край сосновой кроны.

Темнота сглатывала расстояние, но шагов четыреста наберется. Бережно держа перед собой кепку с кислицей, как если бы у него была в руках налитая до краев тарелка с супом, Ращупкин пошел осторожно на огонь.

«Достаточно», — решил он, когда расстояние сократилось приблизительно на четверть.

Троица устроена, пора и ему позаботиться о ночлеге. Он огляделся: рядышком был смутно различимый ствол. Наклонился, положил кепку с ягодой, сел сам. Пламя благодаря тому, что костерок развели на чуточном возвышении, не пропало. Сидеть тоже оказалось очень удобно: земля вокруг комля дерева была засыпана толстым слоем хвои, пружинила.

Ращупкин привалился спиной к стволу, расслабился. Ноги гудели, как провода под напряжением. Он лениво стянул сапоги, размотал портянки и с наслаждением пошевелил заправшими пальцами.

Он нашарил кепку, черпнул из нее горсть ягод, съел, повторил еще и еще, до тех пор, пока с сожалением не обнаружил, что кислица кончилась. Тогда вытащил из кармана смятую пачку «Севера» и спички. Покидать насиженное место было лень, но желание покурить пересилило, и он поднялся. Укалываясь босыми ногами, обогнул ствол и присел на корточки. Как выяснилось тут же, зажигать спичку нет надобности: из обеих оставшихся в пачке папирос табак выкрошился.

Это огорчило неожиданно сильно.

«Предлагала же Зинаида положить про запас пачку, что бы согласиться», — подосадовал на себя Ращупкин.

Машинально сложил пустые папирсы в пачку, зашвырнул в темноту и вернулся на прежнее место.

Тоска по куреву постепенно попритихла, сменилась тоской по дому. Там теперь переполох. Он обещал вернуться до десяти. Зинаида, конечно, под вечер сгоняла Мишку с Ленкой на озеро, они там покрутились и вернулись ни с чем. Хорошо, если сын с дочерью не наткнулись в ельнике на мешок. А нашли, так Зинаида вовсе с ума сходит. В Шумилово среди ночи сорвется его искать.

В огонь подбросили сухого валежника, и пока с быстрой пороха сгорали тонюсенькие ветки, Ращупкин не сводил глаз с костра. Около маячила всего одна сгорбленная фигура, но это не вызывало беспокойства. Он был уверен, все в кучке, лежат, субчики, умаялись.

Ращупкин поднес часы к глазам и всмотрелся в циферблат. Стрелки показывали половину первого.

«Спать», — приказал он себе, подтянул ноги и уткнул лицо в колени.

Ночь текла — сон не сон, забытье не забытье. Тишайшие шорохи тайги не давали разоспаться. Ращупкин задремывал и тут же скидывал голову. Глаза попеременно обращались то на часы, то на костер. Пышное пламя не убывало: кто-то из троих бодрствовал и не забывал подкидывать в огонь хворост. А может, все они бодрствовали лежа. Он старался не думать о них, так было легче.

В какой-то момент ему показалось, что спит слишком долго. Он справился, вышло, что всего минуту. Зато погода, когда вроде только успел сомкнуть и разомкнуть веки, проскользнул час.

Рассвет наметился, и потянуло свежестью. Босые ноги озябли, холод проник под куртку, под рубашку. Ращупкин окончательно страхнул сон, обулся и, сунув руки под мышки сидел, нахохлившись. Голод давал о себе знать, но кислицы больше не хотелось, при одном воспоминании о ней к горлу подступала тошнота. Стоило, пожалуй, подняться и разогреться, да не к спеху. Он правильно поступил, сняв сапоги, голые ноги отдохнули, отошли, пускай еще отдыхают.

Серое небо светлело и сочнело. До алой краски было далеко, а деревья высветлялись, на ближних проступало четче, чем днем, переплетение веток. Костер пропал из виду, и местечко под раскидистой сосной некоторое время казалось обманчиво пустым; поднимавшийся от углей дымок усиливал впечатление покинутости.

Троица поднялась с первыми лучами. Судя по сборам, задерживаться подопечные не собирались. Завтрак откладывался на более поздний срок.

Пока Длинный и Альбинос возились под сосной, Шуляков отошел от них шагов на тридцать и замер. Лицо было обращено в сторону Ращупкина.

Заметить его невозможно, слишком далеко. Это Ращупкин знал наверняка. Но поскольку Шуляков продолжал стоять неподвижно, уверенность поколебалась.

«Поворачивай», — мысленно понукал он Шулякова, боясь шелохнуться, всякое шевеление, казалось, могло сослужить плохую службу.

Тот словно услышал приказ, двинулся, но не в обратном направлении, а вперед. Карабин был при нем, и Ращупкин напряжился, впился взглядом в руку: если она потянется к ремешку карабина, дело дрянь.

И тут Шулякова позвали. Негромко, но обострившийся до предела слух Ращупкина уловил обрывок фразы «...уда». «Ты куда?» — автоматически восстановил он.

Шуляков обернулся на зов не вдруг, широкой петлей развернулся и зашагал обратно. Попробуй догадайся, чем вызван этот его выпад — приспичило ли взглянуть в пройденный путь или что заподозрил.

Ращупкин перевел дух. Начало дня не сулило удачи.

«Психуют нынче, не выпались. Гладко, как вчера, не выйдет», — думал он, глядя в спину Шулякову.

Лес погустел, сосновые лапы молодой поросли плотно смыкались, приходилось порой, чтобы не потерять из виду троицу, идти на сближение до тридцати-сорока шагов. Риск, а с ним и напряжение возросли. В довершение к этому замыкавший вереницу Альбинос на коротком отрезке дважды обернулся. Его лицо, освещенное солнцем, во второй раз оказалось так близко, что Ращупкин разглядел красноватые по-кроличьи веки.

Троица поглощала внимание без остатка. Он полагал, что они по-прежнему идут трактом, но удостовериться, сориентироваться не имел возможности. Чащоба тянулась нескон-

чаемой полосой. Солнце припекало, духота густо ложилась между кустами и деревьями. Все тело было мокрым, одежду хоть выжимай. Но это еще ничего. Куда серьезнее, что от горячего, настоящего на хвое воздуха запершило в горле. После того как прошлой осенью он чуть не утонул, когда пытался поймать паром, внезапные короткие приступы кашля по утрам изредка случались. Он боялся, что не сумеет совладать с собой и зайдет в кашле. Чтобы ослабить першение, сорвал пук травы, разжевал и проглотил сок.

Напряжение достигало предела. Снять его могла остановка. Она была желанна не для одного Ращупкина. Альбинос все чаще горбился, вскидывал сползавший рюкзак, Длинный выкидывал негнущиеся ноги и ставил их с размаху, будто от досады бил по земле, голова у него была склонена набок и тоталась, как тряпичная. И только на Шулякова усталость не действовала. Наглухо застегнутый, в накомарнике и с нарамином за спиной, он шагал с размеренностью робота.

Ращупкина особенно раздражал накомарник. Гнус не очень-то докучал, и без накомарника просто обойтись. «Прекрати», — приказал он себе, понимая, что накомарник — повод, а злит на Шулякова главным образом за то, что в его власти сделать привал, а тот и не собирается. До сих пор Ращупкин старался не рассуждать о своих подопечных, более или менее это удавалось, и так было легче возле них. Злость говорила за то, что он сильно устал, вымотался.

Утро было на исходе, когда словно в награду за долготерпение лес потерял густоту. Широкий просвет обозначился впереди. В самом конце голубовато засеребрилась водная гладь.

Глаза давно и настолько свыклись с монотонной краской хвойного леса, что Ращупкин не поверил себе, готов был принять воду за мираж. Голубой кусочек, однако, не пропал, наоборот, разросся, убеждая в своей реальности. Четы! Они подходили к Чети!

Близость реки приободрила бандитов. Все подобралось, ускорили шаг. Альбинос, ломая привычный строй, обогнал своих спутников, вырвался вперед. Длинный тоже не захотел отставать, так что Шуляков оказался замыкающим. Он предоставил приятелям свободу наперегонки достигать берега, а сам развернулся, откинул на тулью шляпы сетку и, как после ночевки, стал пристально вглядываться в зелень чащобы. И опять Ращупкин не мог ответить себе, привычка ли это подытоживать пройденный путь или подозрение. Скорее всего Шуляков чувствовал что-то неладное, но у него не было доказательств, чтобы насторожиться всерьез. Видимо, их он и искал, не делясь пока опасениями с Длинным и Альбиносом.

«Гляди, гляди, можешь даже прогуляться», — говорил про себя Ращупкин. Сейчас поход Шулякова за доказательствами ему был бы на руку. Шуляков ничего не найдет, зато убедится в своей излишней подозрительности. В то же время этот поиск опасности за спиной, когда она, если и могла прорисовываться, то впереди, удручал.

Шуляков опустил сетку и пошел вдогонку своим спутни-

кам. Ращупкин, кося глазами в его сторону, тоже направился к Чети, но наискосок, чтобы выйти на берег полеевее троицы.

Последний раз Ращупкин был на Чети лет семь-восемь назад. Река и тогда не была глубокой, а год от года продолжала хиреть и теперь вовсе обмелела. Широкие песчаные отмели вылезли из-под низких лесистых берегов и сблизили берега до двух сотен метров. Посередке вода проносила стремительно, бугрясь на мели.

На соседнем берегу, правее местонахождения Ращупкина, чернел столб — единственное, что сохранилось от паромной коноводной переправы. По столбу он заключил, что весь предыдущий путь по тракту они прошли как по линейке.

Пока Ращупкин осматривался и прибрассывал, где ему лучше расположиться, подопечные времени даром не тратили. Выбрав местечко на перекате правее столба, вброд переправлялись через Четь. Шли в одежде, Длинный и Альбинос держали над головами рюкзаки, а Шуляков нес на плечах, как коромысло, карабин. Предосторожность была явно лишней, вода не доходила до пояса. Почему-то Ращупкин был уверен: Шуляков устроит привал, не минуя реки. Теперь понял, что куда разумнее переправиться сразу: освежиться и одежду просушат, пока отдыхают.

Ближе к середине, на стрежне, движение троицы застопорилось. Переставлять ноги и сохранять равновесие не так просто. Глядя, как шаг за шагом Шуляков и приятели перебираются через реку, Ращупкин остро пожалел, что нет под рукой тозовки. На зеркале Чети они были как рябчики в облетевшем беззныке. Будь он вооружен, компания бы дальше не ушла.

Ясно было, что переправа пройдет без осложнений. В горе по-прежнему сухо. Нужно было подыскать укромное местечко, чтобы спуститься к воде, и Ращупкин побрел по кустарнику вдоль реки.

Пока не вел наблюдения, подопечные благополучно ступили на берег. Сколько ни всматривался, не удалось обнаружить следов на песке — Шуляков не поленился сделать крюк вдоль берега и вывести приятелей на сушу там, где трава подходила к самой кромке воды.

Шуляков не счел нужным забираться на отдых в лес, расположил лагерь у столба разрушенной переправы — риск с его стороны невеликий. Засечь лагерь, кроме как с противоположного берега, невозможно. Лениво, вразнобой все трое стягивали одежду, в одних трусах усаживались близко друг к другу.

Ращупкину тоже нужно было дать отдых телу. Он прокрался к кустам тальника, которые росли в шаге от воды, лег в их прикрытии на спину. От воды исходила прохлада и легкий шуршащий шум; ветерок свежил лицо и волосы. Несколько минут он лежал неподвижно, смежив веки, наслаждаясь покоем. Потом перевернулся на живот, поерзал, устраиваясь поудобнее, подпер кулаками подбородок. Глаза сами устремились на соседний берег. Компания завтракала.

Он постарался не думать ни о чем, целиком отдаться отдыху, однако это плохо удавалось. Тревожные мысли настойчиво лезли в голову. Постепенно беспокойство завладело им.

Ращупкин вдруг поймал себя на том, что совершенно не представляет, чем закончится преследование. До сих пор простая и важная эта мысль не посещала его. Но вчера он мог позволить идти по пятам троицы не задумываясь: в любой миг можно было повернуть обратно. С утра тоже был спокоен: в крайнем случае там, в конце, что гадать, должен же подвернуться счастливый случай. Лежа сейчас на берегу Чети, Ращупкин отчетливо осознал, что переоценил свои возможности. До Аннинска еще добрая сотня километров. Возвращаться — значит почти наверняка отпустить троицу восвояси, а на все оставшееся расстояние его может не хватить. Нынче, слов нет, он еще способен двигаться, но завтра растеряет силы. И тогда неизвестно, кто для кого окажется опаснее. Шуляков что-то заподозрил. Он теперь вдвойне настороже, а уж под занавес подавно постарается тщательно перепроверить, какой хвост ему мерещится.

В волнении Ращупкин перевернулся, опять лег на живот. Вода успокоительно шелестела рядом. Как бы ища ответ на вопрос, что же предпринять, он посмотрел налево, направо.

«Хорошо бы кто проплыл сейчас», — подумал он, зная, что рассчитывать на это бесполезно. Четь несудоходна, лес не сплавляют, в двух днях пути по ней нет селений. Раз другой в полмесяца проплывет рыбацкий обласок, и все. Да и помощь оказалась бы не ахти. В рыбацком обласке в лучшем случае дробовичок может случиться. Это в лучшем...

Нет, нет, он посмотрел на соседний берег, нечего надеяться на кого-то. Нужно самому попытаться остановить их.

Ращупкин так и подумал — «остановить», пока не выкладывая в слово конкретного смысла. Но сердце забилося чаще.

Определенного плана не было, и он не стал составлять его. Действовать все равно придется по случаю. А тот ведь не предусмотрит.

От принятого решения Ращупкину стало легче дышать, словно в воздухе прибыло кислороду. Он свободно раскинул руки, щекой прижался к земле. «Отдохнуть», — приказал себе и тут же отменил распоряжение. Вот уж нет, отныне как раз с отдыхом повременить придется.

На четвереньках, пятясь по-рачьи, выбрался из тальника, дополз до сосен и, поднявшись, побежал вдоль берега по течению Чети.

Река от столба в обе стороны проглядывалась далеко. До точки, где был плавный изгиб русла и береговой выступ заслонял обзор, пришлось отмерить около километра. На этом участке русло не затащило песком. Под низким обрывистым берегом в толще стремительной воды угадывалась глубина; немелко и на середине. Лишь ближе к соседнему берегу дно постепенно повышалось, проявляясь на мелководье островками. Плыть добрых полторы сотни метров. Правда, ниже виднелась ломкая линия переката, но до нее

еще топать, и Ращупкин, присев на вывернутую с корнем сухую лиственницу, принялся стягивать сапоги.

Хотя переправляться вплавь, держа над водой одежду, было неловко, он по достоинству оценил купание: освежило, взбодрило, в теле прибыло легкости. Уже на пути к столбу он пожалел, что не пробыл в воде подольше.

Место возле разрушенной переправы было открытое, подбираться слишком близко рисковало. Постояв в черемушнике, Ращупкин перебрался к соснам, которые клином подступали близко к берегу. Облюбовав крайнюю лесинку, он, прижимаясь всем телом к стволу, вскарабкался до середины и удобно, как на стуле, устроился на толстом суку.

Усталость опять заполнила каждую клеточку тела, но он мог быть доволен собой: снова находился впритирочку к троице, контролировал всякое их движение.

Впрочем, пока у столба все трое вповалку лежали в траве. Альбинос и Длинный рядышком в тени лицами кверху, Шуляков на солнышке, чуть поодаль, ничком. Со стороны могло показаться, что он безмятежно наслаждается загаром, настолько безмятежной была его поза, если бы не карабин, до которого он едва не дотрагивался пальцами раскинутых рук.

Длинный и Шуляков вяло и медленно поднялись в самый полдень. Постояли и пошли к разбросанной одежде. Альбинос привстал на колени, уперся в землю ладонями и замер, видимо, надеясь, что одежда, может, не просохла и отдых продлится. Но вот он оторвал ладони, и стало ясно: троица уходит.

Пожалуй, Шуляков гнал чересчур: они ныне оставили за спиной тридцатикилометровый, не меньше, кусок; если бы не наслаивалась усталость вчерашнего перехода, то и тогда следовало бы попридержать темп, а тут...

Весь застегнутый, готовый к новому броску, Шуляков помог Длинному взвалить на спину рюкзак. Альбинос управился сам. Со вчерашнего дня его поклажа заметно уменьшилась. Это лишний раз подтверждало, что в рюкзаке поменьше продукты. На ходу выстраиваясь в привычную цепочку, открывал которую Шуляков, а замыкал Альбинос, компания двинулась прочь от реки.

Стоило Альбиносу нырнуть в мохнатый сосновый молодняк, Ращупкин, не мешкая, соскользнул с дерева и бесшумно заскользил по черемушнику, по соснячку, срезая на ходу угол, с тем чтобы приклеиться к троице сбоку.

И вот, когда увидел в качнувшемся лапнике примелькавшиеся фигуры, он вздрогнул всем телом. Занесенная для шага нога на мгновение застыла в воздухе — будто он оказался на краю пропасти и стоит ему ступить, как неизбежно полетит вниз. В цепочке Ращупкин недосчитал переднего — Шулякова.

Чувствуя, как с ног до головы покрывается испариной, словно окунувшись в воздух парилки, Ращупкин заглянул вперед, в надежде, что тот опередил приятелей, стрельнул глазами по сторонам. Шулякова не было.

Он судорожно глотнул. Такого оборота он не ожидал. Ка-

залось, Шуляков успокоился после того, как перед выходом к Чети не нашел подтверждения своим подозрениям. И вот на тебе.

Во что бы то ни стало нужно найти его. Без этого каждое движение делалось крайне рискованным. Ращупкин метр за метром обшаривал глазами окрестные деревья. Низкие сосны сливались в сплошной светло-зеленый поток. Шуляков находился поблизости, среди этого потока, но попробуй обнаружить.

До рези в глазах всматривался Ращупкин, лихорадочно соображая, что же предпринять, если Шуляков все же не обнаружится. И тут в просвете между хвойными лапами в двух десятках шагов промелькнуло белое пятнышко — шуляковский накомарник. Сетка, которая весь путь раздражала Ращупкина, сейчас сослужила ему неоценимую службу. Накомарник вместе с пришитой к нему шляпой лежал на сосновых ветках. Сам Шуляков стоял в укрытии сосны, повернувшись лицом к Чети, и вглядывался в сторону реки. Карабин был зажат под мышкой, незажженная сигарета нервно подрагивала в плотно сжатых губах. Просто удивительно, как Ращупкин сразу не заметил Шулякова, — так хорошо он был виден. Поражало, что и Шуляков не замечает его, — чуточный поворот головы, и все, Ращупкину некуда деться, не за что спрятаться.

Ращупкин набрал в легкие побольше воздуха, точно собрался погружаться на глубину, присел и бесшумно метнулся за деревья.

Почувствовав себя в относительной безопасности, он перевел дыхание. Усмехнулся оказавшемуся опять в руках складнику, кинул его в карман. Пальцы мелко-мелко дрожали, неприятная слабость была и в коленках.

Ращупкин предупреждал себя: чем дальше, тем опаснее. И вот она, первая ласточка. Не он, а уже его ловят. Сам виноват. Хватило ума сообразить, что часовой привал после такого броска — мало, а дальше не подумал. Как-то надумило еще не по следу идти, тогда бы точно на мушку угодил.

Отсутствие двух других спутников не беспокоило. Длинный и Альбинос, он был уверен, ушли дальше по тракту и теперь поджидают приятеля.

Ращупкин сбоку смотрел на Шулякова. Тот стоял, весь как пружина на взводе. Достаточно малейшего шороха, и на него последует выстрел. Однако страха Ращупкин не чувствовал. Страх был, пока не видел противника. Теперь им владело любопытство..

Шуляков достал из бокового кармана кожанки зажигалку, прикурил сигарету. Курил он торопливыми мелкими затяжками и после каждой разгонял ладонью дым. Уголки губ, когда всасывал дым, опускались вниз, кожа на лице натягивалась, отчего лицо приобретало недовольное выражение.

После трех почти подряд выкуренных сигарет Шуляковым овладело беспокойство. Он несколько раз переступил с ноги на ногу, вытягивая шею, вглядывался в сторону реки. В его расчеты, видно, не входило, что никто не объявится, и сей-

час нужно было решать, прекратить ожидание или оставаться еще.

Наконец Шуляков забрал свою шляпу с накомарником с веток, напоследок окинул долгим взглядом реку, пошел.

Пожалуй, был момент, когда Ращупкин перестарался в заботе о собственной безопасности. Их разделяло шагов пятнадцать, и, пока Шуляков лениво на ходу закидывал за плечо карабин, он был как никогда уязвим. Ращупкин сообразил это, когда Шуляков выбрался из густоты сосенок и время оказалось упущенным.

В начале правобережного Зачетья тракт как нигде хорош сохранил свои прежние очертания. Сразу от реки на добрый километр он тянулся полужаросшей просекой, потом молодая поросль пропадала, выныривала длиннющая проплешина. Ей помогли сохраниться. В войну по правому берегу Чети лесозаготовительная артель валила корабельную сосну, и на сплав лесины тащили волоком на конях по тракту. Тут же проживали артельщики в заброшенном постоялом дворе. От двора этого давным-давно осталось лишь заросшее чертополохом и крапивой пепелище в семи километрах от Чети на самой оконечности проплешины.

Издали около развалин двора Ращупкин рассмотрел фигуру Длинного. Тот помахал над головой кепкой. В ответ Шуляков сделал короткий жест, словно прихлопнул отскочивший от земли мячик. Несомненно, они обменялись условными знаками. Хорошая или плохая новость, можно было лишь гадать. Но то, что Длинный не использовал для отдыха эти минуты, а стоя поджидал приятеля, говорило о сильном его беспокойстве.

Задержка возле постоянного двора была минутной. Шуляков перекинулся несколькими фразами со спутником, и движение продолжилось.

Ращупкин настроился на новый долгий переход. Однако подопечные, прошагав час, устроили привал. Правда, он закончился, как только выкурили по сигарете и напились. Зато еще через час последовал новый. И опять, чтобы перекурить и смочить горло.

Похоже, Шуляков переключился на «тычки». Длинные переходы оправдывали себя, пока было много сил. Они изрядно растрочены, и лучшего способа передвижения, как броски по пять-семь километров не придумать.

Тракт неприметно пополз на подъем. Среди сосен стали попадаться темно-зеленые пихты. Постепенно они замелькали чаще. Ращупкину не приходилось забираться дальше постоянного двора, но от деда он слышал, что тракт за Четью проходит через Рогожинский пихтач. Скорее всего они находились на его кромке. А следом за пихтачом им предстоит пересекать многокилометровое пространство Рогожинской гари. На болотине он будет как на ладони, волей-неволей придется отстать, а выберутся с гари к сумеркам. Нужно на что-то решаться. Завтрашний день он не мог представить таким, как вчерашний, сегодняшний.

Подопечные устраивались на очередной привал. Ращупкин обогнул их, свернул с тракта и направился параллельно ему,

резко убыстряя шаг. Когда троица осталась в нескольких километрах позади, он пошел медленнее, придиричиво вглядываясь в деревья по сторонам. Пихты стояли плотно, одна к одной. Сквозь их сомкнутые ветви солнечные лучи не проникали, отчего в лесу было сумрачно. По такому вот лесу сколько угодно можно бы вести троицу. Сейчас же хотелось, чтобы пихтач раздвинулся, и он старательно всматривался в просветы.

Запахло сырью. Предвестником близкого болота под ногами возникли островки мха, когда по правую руку деревья расступились, обозначился узкий, сажени в две коридор. Залитый наклонными солнечными лучами, прямой, как просека, он тянулся под острым углом от тракта всего шагов на триста. Заглушкой на его оконечности темнели вековые пихты.

Ращупкин смерил взглядом, прикинул: пройти мимо и не обратить внимания на коридор мудрено. Не спеша, тщательно изучая всякую подробность, он пошел вдоль коридора к вековым пихтам. Чуть не дойдя, срезал парочку жиденьких, годных разве на удилища осинки и, присев на корточки, взялся ошкуривать их.

Он торопился, складник лихорадило в руке. До слуха доносился тонкосенький свист. По звуку он безошибочно нашел бурундука. Зверек сидел на усыпанной хвоей земле как раз на границе тени. Любопытная мордочка обращена к человеку.

— Греешься, — тихо произнес Ращупкин.

От звука голоса зверек легонько прыгнул, мордочка ушла в тень, зато пушистый хвост, высветленный солнцем, засиял серебром.

— Глупыш. — Ращупкин улыбнулся.

Присутствие этого нечаянного безобидного соглядатая успокоило. Спешить не нужно, времени довольно.

Ошкурив обе осинки, он порезал одну на части, застрогал концы, расщепнул, соединил. Вышла стрела. Второй осинке назначалась роль держателя. Он воткнул ее в землю, прикрепил к верхнему концу стрелу. Подумаю, наклонил носик стрелы чуть вниз.

Работой своей он остался доволен. По размеру стрела в самый раз: не лезла назойливо в глаза, но и не незаметна благодаря зеленохвойному фону. Утыкать носик стрелы вниз необязательно, уж коли заметят, мимо не пройдут. По замыслу Ращупкина, место, куда указывает стрела, должно привлечь больше, чем сама стрела.

В густой траве виднелась длинная крючковатая валежина. Наступив на нее, Ращупкин с трудом отломил конец, попробовал на прочность — самое то — и быстро пошел прочь от тракта. Остановился, не доходя полусотни шагов до шеста со стрелой, поднырнул под одну из пихт. Она ничем не отличалась от других, стоящих с краю на пути к стреле, однако Ращупкин не случайно облюбовал именно ее. Нижнюю часть кроны прикрывала одинокая кедрушка. Ее длинная, как лошадиная грива, хвоя создавала дополнительную густоту.

Ращупкин попробовал, как раздвигаются ветки, положил на них по правую руку валежину.

Все. Оставалось ждать.

Он постарался отвлечься, искал бурундука. Тот сидел на прежнем месте, неестественно застыл, словно был не живым существом, а искусно выполненной на коре инкрустацией.

Ращупкин не увидел — почувствовал, что подошло время обратить внимание на тракт. И сейчас же троица один за одним выбрела из хвойных лап. По сразу сбившемуся шагу, по повороту голов он догадался: стрела замечена. Длинный махнул рукой в ее сторону. Шуляков снял шляпу с накомарником, приставил ко лбу ладонь козырьком и вглядывался.

Ращупкин затаил дыхание: что-то они решат.

Он не беспокоился: пока не обглядят стрелу, не разберутся, что к чему, вперед не потопают. Другое дело, кто к ней отправится. Если разом все или даже двое, придется убираться восвояси. Только не должны, чего на разведку скопом тащиться. Шуляков сходить должен, он покрепче, приятели вымотались, лишнего пальцем не пошевелият.

Как бы в подтверждение его мыслей Альбинос опустился на колени, сел на траву. Длинный стоял, но не спешил сбрасывать рюкзак с плеч. Тоже вряд ли собирался, не потащится же с ношей.

«Двое или один?» — тревожно всматривался Ращупкин.

Шуляков кинул шляпу с накомарником под ноги и медленно пошел по зеленому коридору.

Ращупкин напрягся, сглотнул: увяжется Длинный или нет?

Тот подался вперед, неуловимым движением скинул с плеч ношу и, уперев руки в бока, глядел вслед приятелю.

Выходило как рассчитывал!

Сердце билось часто-часто. Пальцами он стер пот со лба, переступил с ноги на ногу.

Шуляков приближался, как в замедленном кадре. Отдалившись чуть от спутников, снял карабин, понес его в руне. Шаг не замедлился, не прибавился.

Пока Шуляков был далеко.

Шея затекла. Ращупкин осторожно повернул голову, скопил глаза на стрелу, на пихту, где недавно сидел бурундук. Зверька на стволе не было. Он словно почуял, что рядом затевается опасное, и поторопился уйти.

Шуляков подходил все ближе. Между густых колючих игл, царапавших лоб и щеки, можно было разглядеть мелкие подробности его лица. Водянистые серые глаза устремлены на стрелу. Усматривал ли Шуляков в ней подвох, думал ли, что это охотничья замата?

Ращупкин спешно отвел взгляд. Моментально испарина покрыла лоб. Рассмотреть его через густоту иголок и веток Шуляков не мог, а заподозрить неладное...

Пронесло. Взгляд Шулякова ушел вперед.

Сердце бешено колотилось. Шуляков был близко, вот-вот

поравняется с пихтой, ствола которой едва не касался Ращупкин.

Он облизнул сухие губы, метнул последний взгляд на тракт. Держа крепко конец валежины, выступил из укрытия.

«Только не замахиваться сверху, ветки помешают», — в последний раз предупредил он себя. И тут же с силой ударил палкой Шулякова по руке выше локтя.

Сделано было точно и быстро. Шуляков не успел никак среагировать. По отдаче Ращупкин уловил: кость не выдержала удара, хрустнула. Шуляков беззвучно повалился ничком.

Ращупкин живо подхватил карабин, для верности носком сапога крепко двинул Шулякова под ребра, перевернул, провёл рукой по карманам. Наткнувшись в боковом кармане куртки на твердое и выпуклое, рванул кожу. Нет, пистолета у Шулякова не было. Вчера, когда Альбинос стрелял по косачам, а Шуляков его утихомиривал, он принял за пистолет нож. Увесистый нож с кнопкой для выбрасывания лезвия.

Сердце по-прежнему билось толчками, но уже мягче, успокаиваясь. Кидая нож к себе в карман, Ращупкин не без удивления увидел бегущего к нему во весь дух по коридору между пихт Альбиноса.

Альбинос или не понимал, что приятель угодил в ловушку и с потерей карабина его, да и всей компании положение сделалось скверным, или он сознавал это не хуже Ращупкина, но отчаянно пытался поправить дело.

Длинный вел себя куда благоразумнее: путаясь в лямках, натягивал на спину рюкзак.

Ращупкин криво усмехнулся. У него было несколько секунд в запасе. Он снял обойму; утопленный в ней, тускло желтел патрон. Попробовал пальцем — обойма полная.

— Стой! — властно и громко приказал Альбиносу, ставя на место обойму.

Окрик не подействовал. Альбинос бежал, приближаясь. Вот-вот он окажется на расстоянии прицельного пистолетного выстрела. Ращупкин нажал на спусковой крючок, стрельнул в воздух.

Выстрел отрезвил Альбиноса. Он притормозил, заметался в растерянности — то ли кинуться в пихтач, то ли продолжать бежать на выручку. Так мечется на берегу не умеющий плавать, поставленный перед необходимостью прыгнуть в воду. Оттолкнувшись, с гримасой отчаянья на лице ринулся вперед.

Ращупкин спокойно прицелился и выстрелил. На бегу роняя пистолет и хватаясь за плечо, Альбинос упал.

Оставался Длинный. Он не верил в бросок Альбиноса, не ждал, чем все закончится, а растворился с рюкзаком среди деревьев. Нужно было по горячим следам отыскать его.

Мешал Шуляков. Он пришел в себя, замычал от боли. Ращупкин растегнул и сдернул со своих штанов ремень, прочно, не обращая внимания на стоны, стянул ему на спине руки, пошел. Около Альбиноса задержался, поднял из травы пистолет.

Между пихтами крался осторожно, сдерживая себя. Не спорить бы горячку, когда основное сделано.

— Хитрый какой, уйти ему, — беззлобно и беззвучно шептал пересохшими, потрескавшимися губами.

Длинного он засек в километре с лишком от транта. Он сидел на корточках на полянке и что-то хватал из расстегнутого рюкзака и распихивал по карманам, за газуху. При виде преследователя вскочил и во все глаза смотрел на Ращупкина, а рука машинально пыталась засунуть что-то в туго набитый карман. Он был вооружен, но рука с нагаком не шелохнулась. Со ста шагов стрелять из него бессмысленно, это Длинный понимал и своим бездействием как бы предлагал противнику поступать так же.

Ращупкин вскинул карабин.

Длинный с силой отшвырнул то, что не входило в карман, и побежал. Замелькали подошвы сапог. Кричать бессмысленно, все равно Длинный не слушается.

«В ляжку, в ляжку», — зазвенело в ушах у Ращупкина отстраненно, словно кто посторонний подсказывал.

Пуля настигла Длинного, когда он, пробежав по прямой, попытался вильнуть за стволы. Он вцепился в рану пятерней и скакал, волоча негнущуюся ногу. Энцефалитка мишенью мелькала в лапнике, однако Ращупкин опустил карабин.

Отшвырнутое Длинным оказалось пачкой десятирублевков. Вот он на чем помешался. Ращупкин кинул опоясанную полосатой лентой пачку в мешок, завязал горловину.

— Ползи обратно, — громко, вполне миролюбиво посоветовал Длинному.

Тот затаился за пихтами, молчал. Пытаться выкуривать его — риск слишком большой. Он повторил свой совет, и снова ответа не последовало.

— Сиди, черт с тобой! — чуть погодя сказал Ращупкин. Взявил на плечо рюкзак и пошел прочь.

Альбиноса и Шулякова он застал сидящими рядом. Руки у последнего были развязаны.

— Куда нацелился? — с усмешкой сказал Ращупкин. — Брошу тут, просто уйду, и подохнете.

В рюкзаке была одежда. Он вытащил светлую сорочку, порвал на ленты и кинул Шулякову.

— Рану замотай приятелю...

Шуляков повиновался, кое-как одной рукой принялся бинтовать плечо Альбиносу.

— Говорил Иконе, — морщась от боли, плаксивым голосом гнусавил Альбинос. — На озере говорил. А он — разоидеся...

— Суки! Гуманоиды! — захлебнулся от злости Шуляков. Альбинос опрометчиво напомнил ему, кто виноват в их нынешнем положении. — Да он рысь за километр чует. — Шуляков истерично затряс головой, потянул ноздрями воздух, показывая, как Ращупкин чует рысь. — Он...

Слюна попала ему в дыхательное горло, он закашлялся, здоровой рукой схватился за перебитую, гримасы боли прокатывались по лицу.

— Завязывай, — приказал Ращупкин, нетерпеливо поводя дулом карабина. Последняя загадка, кто провожал его от озера к дому, чье лицо мелькнуло в смородиннике, перестала существовать — Длинный.

Бурундук, тот же или другой, возник около пихты на границе светотени. Ращупкин улыбнулся, подмигнул ему, как старому знакомому.

— Пошли, — распорядился.

На тракте Шуляков взял было обратное направление.

— Иди куда шел! — окриком развернул его Ращупкин.

Спустя полчаса вышли к кромке Рогожинской гари.

Приказав пленникам сидеть, Ращупкин принялся стаскивать и укладывать в кучу на толстую сухую колодину валяжник. Потом наносил мох тщательно, как ранетку к зиме, обложил мхом кучу. В золотистых лучах заходящего солнца зазеленела аккуратная, средних размеров копейка.

Он расковырял мох снизу, чиркнул спичкой и поднес к сучьям. Подождал, пока пламя привяжется к суку потолще, затем старательно укутал горелое место.

Сначала ни дыма, ни огня не было. Костер, казалось, потух, задохнулся, после заструился жиденький дымок, пробиваясь сразу из всех пор копейки. Постепенно наметилось несколько струй. Они подержались недолго в отдельности и сплелись в одну косичку. Косичка эта устремилась вверх, вверх, выше деревьев. Дым остановился, тсчно уткнулся в незримый потолок, повисел, поджидая подмогу, и принялся разрастаться вширь, пышнеть.

Все! Больше от него ничего не зависело. Дым расстилался над тайгой. Теперь его не остановить. Будет шайть и шайть. И нынче, и ночь, и завтра.

Все позади. Нужно набраться терпения и ждать. Не нынче, так завтра вертолет пожарной охраны прилетит. Такого дыма долго нельзя не заметить.

Шуляков понимая это не хуже.

Фантастический роман

Поговорив по телефону с Дриблом, Эллис набрал номер Оуна, но тут же нажал на рычаг. И усмехнулся. Кажется, он перестает доверять самому себе. Ну что ж, не он выдумал эту систему, не ему и бояться ее. А странный этот Крауф — доверился первому встречному. Но главное, он согласился убить Смелла. Пожалуй, за этот пункт своего плана Эллис опасался больше всего — кто его разберет, этого Крауфа, ревнителя справедливости.

Остальное — в своих руках. Оун управляет вполне, в этом Эллис уже убедился. Инженер легко попался на крючок. И, от-

---

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

бросив привычную осторожность, Эллис отправился на Производственный континент.

Входя в квартиру Оуна, Эллис невольно отметил ее убогость. В полутемной прихожей стоял тяжелый запах.

— Что у вас так темно? — здороваясь с хозяином, спросил Эллис.

Тот пожал плечами:

— В нашем районе энергию ограничивают.

— Простите, забыл.

— Извиняться должен я. Жена лежит, поговорим на кухне.

— Нездорова? Жаль, — проговорил Эллис, раскрывая портфель. — Вот что. Здесь пачка пропусков на выезд с Производственного континента. Все они за моей подписью. — Эллис сощурил глаза. — Я всегда чувствовал ваше недоверие. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что мы связаны накрепко. В случае неудачи нас ждет общая участь. Впрочем, — помедлил Эллис, — сегодня к вечеру все должно быть ясно. Либо мы, либо... А сейчас необходимо найти землянина. Дело в том, что Серту Смеллу грозит комиссия. Как вы понимаете, у меня есть возможность узнавать об их намерениях. И думаю, что самое подходящее убежище для него — Космобазы Земли. Пока мы не решим...

— Без Гончарова я не могу поместить туда постороннего.

— Не перебивайте. Вы и не должны близко подходить к Смеллу. Его приглашением на базу должен заняться землянин. Он сейчас у некой Гек, журналистки. Вот ее телефон. Поторопитесь. Это все, что я хотел сказать вам. Ждите моего звонка. Как вы понимаете, я не зря пересек залив. Надеюсь, к вечеру вы получите долгожданный сигнал начала действий. И повод к выступлению.

Оун взял машину и направился навстречу Гончарову.

Хорошо, что никто не обратил внимания на его электромо-
биль. На обочине лежал убитый Смелл. Около него был тот, в которого они вчера стреляли. — Оуну стало невыносимо обидно, что он промахнулся. Гончарова не было. Видимо, он разделил участь Смелла. И, обескураженный, Оун вернулся на базу. Лишь переступил он порог своей конторки, раздался телефонный звонок.

— Вы были на трассе и все видели, не так ли? — спросил Эллис. Оун понял, что отвечать необязательно. — Так вот, немедленно передайте своим людям в ваших газетах и на радиостанции информацию о вопиющем преступлении комиссии. Этот произвол откроет глаза аркосцам. Вместе с землянином правительство убило доверие к себе. — Оун вздрогнул, Эллис подтверждал его догадку. — Наверное, вам не надо растолковывать, — добавил Эллис после паузы, — что лучшего повода для выступления наших сил не найти. — Эллис рассмеялся и повесил трубку.

О, как же Оун ненавидел Эллиса! Теперь ему стал ясен его план. Вот зачем понадобилось спасать Смелла. Смелл был только приманкой.

Но как бы то ни было, решил Оун, дело превыше личных

отношений, и к вечеру радиостанция Производственного континента каждый час передавала экстренное сообщение: «Комиссия распоясалась. Честный Аркос должен ответить ударом на удар...»

Крауф очень любил уютный ресторанчик рядом с университетом. Он приходил сюда, когда ему бывало грустно, здесь он отмечал и радостные дни. Не заглядывая в меню, Крауф сделал заказ.

...Когда машина Гончарова повернула к городу, Крауф почувствовал, как вспотела рука, сжимавшая пистолет. Еще несколько минут назад он совершил насилие над собой, заставляя себя убить землянина. Отрезвили его тогда слова Дрибла: «В кого вы целитесь? Вы подумали о последствиях?»

Крауф ответил Дриблу только удивленным взглядом, но пистолет опустил.

...Рассматривая теперь грани бокала, Крауф раздумывал: неужели этот юнец подметил то, в чем сам Крауф едва признавался себе? Бэки... Если тот выстрел необходим, пусть его делает другой. Так вульгарно избавляться от соперника — это не для него. К тому же Крауф не испытывал к землянину дурного чувства.

— Не угодно ли свежую газету?

Крауф вздрогнул. Разносчик протягивал ему свежий, пахнущий типографской краской номер вечернего выпуска. Крауф машинально бросил на поднос разносчика мелочь, машинально развернул газету. Заголовок первой страницы поразил его. Он наскоро расплатился с официантом, забыв сдачу, и отправился к Бэки.

На его звонок никто не отозвался, но в прорези замка он увидел свет. Толкнул дверь, она легко отворилась, видно, забыли запереть. И тут он услышал резкий голос Гончарова:

— Теперь тебе все ясно? Какая чудовищная связь! Я знал, чувствовал...

И подавленный голос Бэки:

— Мы с тобой бессильны против этой страшной машины!

Гостиная Бэки потрясла Крауфа не меньше, чем заголовок газетного сообщения. В стене, отделяющей спальню от гостиной, зияла дыра. На полу, среди обломков штукатурки, лежал дамский пистолет. А Бэки и Гончаров склеились над какими-то бумагами. Они даже не заметили, как он подошел к ним.

— Не ожидал вас увидеть здесь, Алексей, — сказал Крауф, протягивая Гончарову газету так, чтобы заголовок сразу бросился тому в глаза. Гончаров недоуменно посмотрел на Крауфа, перевел взгляд на Бэки, и, бегло пробежав газетное сообщение, прошептал:

— Дела...

Бэки взяла из рук Гончарова газету и побледнела. Гончаров улыбнулся ей:

— Нет, я не выходец с того света. Просто попал в переделку, но хотел тебя расстраивать.

— Прости меня, — вдруг прошептала Бэки, — прости!

Гончаров погладил ее по голове. Крауф потупился. Потом пожимая плечами кивнул и спросил:

— Что же тут у вас такое? — Он обвел руками комнату. Бэки загадочно глянула на Гончарова и протянула Крауфу листки в металлической папке:

— Это бумаги моей матери.

В папке лежали два письма. Одно из них, несомненно, было написано женской рукой.

«Моя девочка, мне бы хотелось, чтобы эти документы рано или поздно попали к тебе, потому что кто-то должен знать правду, но я боюсь, ты сама вряд ли будешь в состоянии открыть ее. И все же пусть ты встретишься с моими записками как можно позже — если будущее для нас в молчании и утаивании, это может быть небезопасно для тебя. Поэтому я доверяюсь тайнику и случаю.

Все, кто прилетел на Аркос так называемым первым эшелонем, гибнут. С каждым днем растет недавно освоенное кладбище. Умирают те, кто принимал деморфин. Практически же деморфин принимало все взрослое население Аркоса. Одни больше, другие меньше, но разве в дозах дело... Счастье, что у тебя, Бэки, есть пенсия от отца и кое-что из наших сбережений. Ты избежишь, может быть, государственного интерната, куда забирают осиротевших детей. Я приняла большую дозу деморфина, началось это еще на Беане. Дни мои сочтены. Поэтому считаю целесообразным рассказать о содержании последнего письма твоего отца — единственной памяти о нем.

Все началось с деморфина. Я убеждена в этом, иначе его свойства стали бы известны еще на Беане. Но там мы их не знали, радовались, что таким простым аптечным средством можем увеличить свои возможности: например, трудоспособность. Деморфин снимал утомляемость, высвобождая ночные часы, само желание выспаться исчезало после приема таблетки. Когда состоялся перелет, деморфин насаждался принудительно. Мы работали круглые сутки, принимая его. Потому что нас прилетело ровно столько, чтобы в кратчайший срок наладить жизнь — отстроить город, запустить производство, начать новый этап цивилизации. И, как утверждалось, подготовить таким образом экспедицию за оставшимися на Беане людьми. Сделать все требуемое в сжатые сроки могло бы, наверное, только большое количество людей. Но хотя нас было мало, мы понимали, что больше и не требовалось (поэтому остальных предательски бросили на гибнущей Беане). А работали мы за троих — день и ночь. И вот теперь расплачиваемся за это сиротством своих детей. Это хуже собственной смерти. Моррис, кровавый вампир, рассчитал верно: он дал нам время воспроизвести себя в детях, и больше мы оказались уже ненужными. Мы стали игрушками в руках этого человека, так же, как и те, кто задыхается теперь на Беане, погибшей из-за неразумного, варварского отношения к ней. Природа отомстила жестоко — люди умирают в угаре промышленных газов и отходов, среди отравленной воды и пищи. Смерть здесь, смерть там — вот печальный итог перелета. И кто знает, может быть, заложив фундамент новой цивилизации на этой планете, мы уже начали процесс разрушения и здесь и наших далеких потомков ждет участь несчастных беанцев?

Ты спросишь, как могло так случиться, что на погибающей

планете остались люди, ведь перелет — мера спасения? Да. Но эта мера спасения для элиты. Увы, элите нужна прислуга, поэтому взяли и нас. Остальных обманули. Чудо, что отец смог взять меня с собой: помогло мое умение шить, вторая профессия. Ведь брали строго ограниченное число людей, определявшееся специальной «Сеткой набора». На Беане объясняли, что берут лучших.

«Сетка набора» явилась «сеткой выживания на новой планете». Зачем лишние рты? Опять идти к экологическому кризису? Была бы воля Морриса и ста трех, они бы всех оставили на Беане. Но, явившись на Аркос в полном составе своих семейств, они пошли на то, чтобы мы «воровали» их чистый воздух, ультрафиолет, натуральные продукты питания — мы для них необходимое зло. И, не считаясь с нашей тоской, привязанностями, семейными и родственными узами, нас, как рабов, обманом привезли сюда. Несколько отчаянно смелых людей пришли к Верховному правителю Моррису и сказали ему примерно то, что я здесь написала. Этим они обрекли себя на страшную участь.

Народу объяснили, что экспедиция на Беану не направляется потому, что с планетой нет связи. Беана молчит. О деморфине, который, как вдруг выяснилось, разрушает клетки мозга, народу тоже дали объяснение. По официальной версии, во всем виноват ученик изобретателя, который вовремя не предупредил правительство, — Моран. Его казнили. Деморфин был изъят из употребления. Народ успокоился. Тем более было объявлено, что, поскольку беанцы не дают о себе знать, на Беану направляется космический корабль с добровольцами. В их задачу, как писали в то время, входило долететь до Беаны и выяснить причины отсутствия связи, сообщить о скором выходе за ними второго эшелона.

Среди добровольцев, отправившихся на Беану, был и твой отец. В экипаж корабля вошли также полицейский инспектор Грим и супруги Мишле. Командиром корабля был пилот Оун, начальником экспедиции — крупный предприниматель Крюгер. Теперь я уверена, что экипаж составили те, от кого Моррис по каким-то причинам желал избавиться.

О, если бы ты видела, как их провожали! Это был праздник. Только с праздником не вязалась мрачная, как черный столб смерча, ракета, даже иллюминаторы оказались задраенными. Никто не видел улетающих. Народ ликовал, предвкушая радость встречи с близкими. Как только ракета поднялась и скрылась из виду, официальная пропаганда, еще вчера неумолчно расписывающая перспективы полета, замолчала. Навсегда. Не знаю, долетели ли они. Хочу верить, что да. Если твой отец вернется, правда победит. Если нет — сделай все, что не смог сделать он. Ради этого стоит жить.

Твоя мама, Рона Гек».

Крауф аккуратно свернул письмо и взял второе.

Оно было написано на неровных обрывках каких-то счетов. Желтая шероховатая бумага, строчки гуляют, буквы прыгают, но прочитать все же можно:

«Родная моя Рона,

вот уже восьмой день как мы в разлуке. Организаторы пе-

релета, видно, сочли наше общение с близкими излишним. Не разрешено даже писать, бумагу мне достал человек, который передаст тебе письмо. Но сделать это он сможет только после старта. Предстартовый карантин напоминает мне тюремное заключение. Мы не общаемся даже друг с другом. Но кое-что я знаю о своих спутниках. Крюгер целый день пьет и в пьяной горячке во все горло распевает неприличные песни. Кто-то говорил мне, что в юности он был портовым грузчиком, потом разбогател на махинациях. Невольно веришь в это. Супруги Мишле спят, а когда не спят, то ссорятся. Крюгер и Мишле — мои соседи через стены, уж не знаю, комнаты ли, камеры ли. Об Оуне и Грима мне ничего не известно.

Не перестаю удивляться составу экипажа. Пилот Оун — единственный грамотный в астронавигации человек, но у него нет второго пилота. Я не говорю, что нет врача и радиста. Начальником экспедиции является Крюгер только потому, что он второе лицо государства. Но что он понимает, разве он способен реально руководить полетом? Грим хотя и энергичен и имеет профессиональные навыки руководства, но, как и супруги Мишле, и я, — открытый балласт.

Я не верю в наше возвращение на Аркос. Может быть, нам удастся сесть на Беану, но вот взлетим ли оттуда? Мы не полагаем ни специалистами, ни материальными ресурсами. Я думаю, нас убирают. Но зачем? И почему таким странным способом? Наверное, никто, кроме Морриса, не может ответить на этот вопрос. Но именно этот вопрос убеждает меня в том, что наш полет только начало и что Аркос ждет нечто страшное. Планы, рожденные в мозгу Морриса, направлены только на укрепление его личной власти. И он будет изыскивать все новые способы ее укрепления, постарается искоренить самую память о Беане и о своих преступлениях. Порой я думаю, чья же участь ужаснее — наша ли, обреченных на бесконечный полет во Вселенной, или твоя и тех, кто будет жить. Что ждет нас? Что ждет тебя и нашу девочку?» — Крауф нехорошо усмехнулся: эта девочка ввела в свой дом его, Крауфа, ввела в дом, где предсказывалось его появление. Никогда Крауфу не было так тошно, как сейчас.

Он аккуратно сложил письма в металлическую папку.

— Ну как, Крауф, у вас нет желания отправить нас к протцам за раскрытие государственной тайны? — печально спросил Гончаров.

Крауф перевел взгляд на Бэки. Она сидела неподвижно.

— Тайны? Почему тайны? Здесь, — он ткнул пальцем в папку, — здесь только вопросы. Почему на Беане остались люди? Что с ними? Где этот космический корабль? Что с отцом Бэки, наконец? Ответов-то нет.

— Да, Крауф, ответов нет. Но я их жду. Я искал их и найду. Бэки, ты отвезешь меня на Космобазу. Теперь мне понятно, почему по договору с вашим правительством Земля имеет право вести разработки только на Гамме, сколько бы мы ни просили доступа на другие планеты вашей системы... Теперь ясно, что я должен делать...

Когда в ночном небе исчезла космолодка Гончарова, Бэки тихо простонала. Крауфу захотелось утешить ее:

— Он вернется.

Она молча пошла к машине. Крауфу показалось, что она плачет. Он отвез ее домой, а час спустя писал в Верховное ведомство: «...Закон лжив. Нравственное оздоровление аркосского общества не могло проходить безнравственным путем. Отсюда логически вытекает, что он не что иное, как прикрытие неблагоприятных целей властей. Ради спасения цивилизации Аркоса требую немедленного пересмотра и отмены закона».

Подписавшись, Крауф сам отнес письмо в Верховное ведомство.

Посадочную площадку я нашел довольно быстро. Однако не обнаружил лощманских знаков, да и на позывные ответа не получил. И только открыв люк, увидел людей. Их лица были враждебны. Говорили они по-аркоски.

Конечно, мне нужно было быть готовым к тому, что они примут меня за аркосца, то есть за предателя, врага. Объясняться с капитаном вооруженного отряда пришлось долго. Он никак не мог взять в толк, где же это Земля и, главное, как я мог добраться оттуда, из такого далека... А я никак не мог решить, стоит ли объяснять, что прибыл с Аркоса.

Главное, что беспокоило капитана охраны, — зачем я к ним явился. Я не мог ответить. Говорить обычное, что говорит землянин при контактах, о связи цивилизаций, о единстве Вселенной, язык не поворачивался. Ничего себе единство! Преданная планета!

Мне ничего не оставалось, как повести с капитаном беседу о помощи высокоразвитых цивилизаций космического уровня. Лицо капитана стало суровым:

— Нашим отцам, когда они боролись за будущее, никто не пришел на помощь. Мы же в ней просто уже не нуждаемся.

Что на такое скажешь?! Словом, моя цель для них осталась невыясненной.

Потом приехал Председатель Объединенного научного Совета Беаны Вилли Клаузен. Прежде всего он захотел осмотреть мою космолодку. И тут я понял, что могу быть откровенным с ним.

Мы стояли у люка, и я объяснил ему принцип устройства двигателей моей космолодки. Жаль, что он не видит моего корабля, тогда, быть может, и поверил, что я с Земли. Конечно, он старался верить всему, но не верил до конца. Он внимательно осмотрел пульт управления и засмеялся:

— Да... А мы тут вот только собираемся запустить вокруг Беаны искусственный спутник — на нем мечтаем установить антенну дальней связи, наладить сообщение между континентами нашей планеты. Пока у нас со связью плохо.

Я никогда так не жалел, что со мной нет Бэки, как в эти часы, когда мы с Клаузеном облетали планету. Нет, не смирились беанцы с предательством, остались не доживать, а жить на этой планете, разбудили ее к новой жизни!

Как бы мне хотелось, чтобы Бэки увидела все это собственными глазами!

Клаузен сидел перед экраном обзора и восхищенно поглядывал на овал штурвала.

— На чем, вы говорите, работает ваша лодка?

Когда я назвал источник энергии, Клаузен произнес: «Бенц, великий Бенц!» Я с удивлением посмотрел на него, но он продолжил:

— Мы не могли бы изменить курс? Чуть западнее... Я покажу вам место, откуда началась новая цивилизация Беаны.

Минут через десять под нами показалась гористая местность.

— Здесь мой отец нашел это вещество. Вот его состав. — Клаузен быстро написал несколько формул. — Мы называем его бенценит, по имени ученого, профессора Бенца, который предсказал его месторождение и исключительные свойства. А внучка профессора, Шейла Бенц, нашла лученит. Только не знала, что его лучи смертельны. Работала с этим веществом буквально голыми руками. Замечательная была женщина! Но заболела неизвестной болезнью, рано умерла. А сколько еще она могла бы сделать! Сейчас лученит изучается, и, как предсказывала Шейла Бенц, он тоже имеет прямое отношение к энергетике. Но мы пока не знаем, как использовать его энергию — впереди много работы. Понятно, что в основе лежит принцип распада веществ, но вот как овладеть реакцией?..

Смотрите, — воскликнул Клаузен, — видите белый постамент? Это то самое место, где мой отец нашел бенценит. Мой отец был любимым учеником профессора. Давайте спустимся, чтобы вы могли лучше рассмотреть обелиск.

Мы пролетали над небольшим горным плато. Странно выглядели эти горы. Будто великаны много лет назад пригоршнями выбирали из них породу, а из гигантских ладоней сыпались в беспорядке мелкие камешки. Я сказал об этом Клаузену.

— А что вы хотите, — отозвался тот, — при режиме ста трех разрабатывали так полезные ископаемые. В отвал шла порода, содержащая огромный процент руды.

Некоторое время мы летели молча, пока Клаузен не сказал с тоской в голосе:

— Мало того, что нас бросили на умирающей планете, они сняли всю производственную базу, весь технологический комплекс. Мы остались сидеть перед обеденным столом, на котором не было ничего, кроме посуды с объедками. В полном смысле этого слова. Последние годы доотлетной эры домашний скот вымирал, гибли пастбища.

— Отчего же? — В обзорном экране я видел альпийские луга.

— Загрязнение биосферы. Нам все пришлось начинать сначала. Вот вы сейчас увидите, как мы перестроили города! Сами, все сами. С нуля. Сто три перед отлетом даже взорвали радиостанцию, а с ней и космическую антенну, которая была на Беане. Повторить эти сооружения мы пока не можем. Как сто три боялись, что кто-то узнает о нашей трагедии! Подлецы!

Мы летели над рекой. Она служила ориентиром моему спутнику. Промелькнуло водохранилище с плотиной электростанции, на его глади я заметил несколько парусников.

— Это мы проводим традиционные соревнования молодежи, — сообщил Клаузен, — теперь по реке плавать неопасно. Старики рассказывают, что было время, когда капля речной воды, попавшая на кожу, вызывала язвы. Конечно, — продол-

жал Клаузен, — мы не сразу поняли, что преданы. Убедил нас в этом взрыв радиостанции дальней связи и космической антенны. К тому же, охраняя себя, старый режим совершил оплошность — в переносном смысле, разумеется. С их точки зрения, в наказание на Беане были оставлены представители левых и радикальных партий, в том числе и рабочей партии общественного развития. Теперь это наша правящая партия. Она взяла власть в свои руки, когда сто три бежали. Трудно было, конечно. Нужно было накормить население, одеть, обуть. Начался голод, за ним эпидемии. Лидеры рабочей партии общественного развития начали с самого главного — с всеобщей обязанности трудиться на благо всех и справедливого распределения результатов труда. Только так можно было поднять промышленность, оздоровить города, очистить окружающую среду. Через пять лет голод был побежден. Но все, чего мы добились, мы добились лишь благодаря установлению власти большинства и признания всеобщего равенства. Разве мы заставили бы владельцев оставшихся на Беане предприятий тратить средства на очистные сооружения?

— Знаете, Вилли, — сказал я, — давайте сделаем вот что. Я ведь ограничен временем и, увы, горючим. Мне бы хотелось побыстрее попасть в вашу столицу, посмотреть на нее.

Сколько я ни летал, никогда не испытывал такой щемящей тоски по Земле, как в ту минуту, когда увидел с воздуха Эпсилон — солнечный город в прямом переводе — столицу Беаны. Ее кварталы, отлично видная сверху система парков, прудов и озер напомнили мне земные города. Словом, если земное градостроительство дошло до совершенства, то беанское приближается к нему.

Клаузен предложил мне встречу с руководителями рабочей партии общественного развития и председателем общей исполнительной воли.

Они с интересом выслушали мой рассказ о Земле, о достижениях нашего социального и технического развития, о сотрудничестве в космосе, о том, какой вклад могли бы внести в развитие Беаны народы многих планет.

Потом я рассказал об Аркосе. Мои собеседники были потрясены.

— Мне кажется, — сказал я, — они боятся вашей мести. Знают свою вину и боятся. Боятся, что честные люди Аркоса узнают о вашей участи. Будут мстить за вас. И тут есть еще одно обстоятельство. Когда после перелета на Аркос население заподозрило что-то неладное с так называемым вторым эшелоном, началось общественное возмущение. В ответ власти отправили к Беане корабль. Думаю, его посадка на Беане и не была запланирована.

Председатель Совета общей исполнительной воли на минуту задумался. Потом сказал:

— Верно. Много лет назад было зафиксировано приближение к Беане какого-то космического тела, но было ли оно искусственным или естественным, мы не знаем. Тело прошло по касательной и исчезло в пространстве. Мы тогда зафиксировали время его прохождения и точные координаты. Специалисты могут дать нам точную справку.

Справку от специалистов по космобаллистике я получил исчерпывающую. Но мне был нужен компьютер, чтобы высчитать, могла ли орбита аркосского корабля пройти по касательной к орбите Беаны. Беанцы таким мощным компьютером не располагали. Значит, обсчет я мог провести только на борту «Байкала». Но когда беанцы узнают о его результатах? И как? Подумав, я предложил оставить на Беане связь моей космолодки. Конечно, установка не обладала мощностью аппарата «Байкала», но для ближайшей космической связи была пригодна вполне. Она могла оказаться неоценимой и для установления сотрудничества Беаны с другими планетами.

Демонтаж и обучение беанцев обращению с устройством заняло немного времени.

По моим подсчетам, я прилетел на Аркос вовремя. Но я все же ошибся. На базе о моем отсутствии знали. В ангаре, где обычно стояла моя космолодка, был произведен обыск.

Утром за рабочим столом Эллис просматривал свежие газеты. Он был доволен. Все они, со ссылкой на радиостанцию Производственного континента, комментировали акцию комиссии семнадцати — убийство землянина. В это время Эллиса вызвал министр юстиции.

— Ознакомьтесь, — он протянул докладную Крауфа, — автор уже арестован. Думаю, не стоит тянуть с этим делом. Но неудобно расстреливать на месте. Все-таки он был одним из моих лучших агентов. Придется судить по старинке. Сегодня же и казним.

Лицо Эллиса выразило недоумение.

Министр зевнул:

— Вы полагаете, возможен иной приговор? Да, вот что, — министр потянулся в кресле, — что это за белиберда? Бред наших журналистов заходит слишком далеко. — Он протянул Эллису номер газеты «Производственный континент». — К шумихе мы привыкли. Но это уже чересчур. Я-то знаю, что землянин жив-здоров. — «Еще не хватало!..» — Эллису стало жарко. До него с трудом дошли следующие слова министра. — Займитесь редактором и издателями этого листка. Продумайте время суда над Крауфом. И кстати, опровергать гибель землянина, пожалуй, не надо. Пришейте и это мнимое убийство Крауфу. Дайте сводку по суду над Крауфом прессе.

Эллис механически собрал со стола министра документацию и словно во сне отправился к себе.

...Ему удалось многое — он загнал Гончарова в тупик, лишил электромобиля, прострелив шины, заставил прятаться среди стройматериалов. Эллис видел, как землянин залез в жерло готовой к установке канализационной трубы, как выскочил из нее, когда Эллис выстрелил в раструб, как спрятался в другую. Эллис опять стрелял, землянин прятался, потом затих. Напоследок, чтобы не было сомнений, Эллис расстрелял всю обойму в пустоту раструбов. Было все так же тихо. И Эллису стало по-мальчишески интересно: где, в какой трубе он уложил властителя Вселенной? Но трупа землянина Эллис не нашел...

С растерянностью Эллис справился быстро: так ли уж все потеряно, если землянин жив? Сегодня же каждый аркосец знает, что из-за произвола правительства комиссия убила землянина. Сегодня еще люди негодуют и ропщут. Убит человек, чьи моральные качества вне сомнений!

Условным кодом он связался с Оуном. Нужно теперь только дожидаться суда над Крауфом. Тут Эллис продумал все детали.

В зале были только министры, тот, кого назначили в комиссию на место Крауфа, подсудимый и Эллис.

Крауф держался спокойно.

— Каким образом, — спросил Верховный министр подсудимого, — вы, будучи привлечены к выполнению величайшей акции правительства, могли прийти к выводу, что ваше правительство заблуждается?

— К этому меня подвели действия правительства, моих коллег по комиссии и мои собственные действия.

— Вы уничтожили тридцать граждан. Неужели вы считаете, что во всех тридцати случаях действовали несправедливо?

— Да.

Эллис попросил слова:

— Разве вы не согласны, что новый закон — это воспитательная мера, которая наиболее радикальна, наиболее действенна, чем любая другая для нравственного возрождения нашего общества?

— Новая акция обострила низменные чувства в аркосцах.

Со своего места поднялся преемник Крауфа по комиссии семнадцати. Это был Дрибл.

— Крауф...

— Называйте его подсудимым, — поправил Верховный.

— Итак, подсудимый, — Крауф внимательно смотрел на своего бывшего «подопечного» и чувствовал, как во рту собирается горечь, — мы поняли, что вы хотели выразить своей докладной, но хотелось бы знать, что побудило вас написать ее. Возможно, какой-то конкретный импульс или просто разочарование в своей деятельности? В последнем случае, что послужило источником разочарования? — От продавца газет не осталось и следа. Перед Крауфом стоял холодный, умный, сообразный, расчетливый и властный противник.

— Покушение на жизнь землянина, — произнес Крауф.

Эллис вздрогнул. Значит, и Крауфу известно, где прячется Гончаров? Он спросил:

— Что вы можете сказать об участии инопланетянина? Где вы прячете его? Или его труп?

— Я? — Крауф недоуменно улыбнулся.

— Вы знаете, — с нажимом произнес Эллис, — где землянин. Откуда у вас сведения, что было произведено покушение, а не совершено убийство? Вы настаиваете на истинности этих сведений? Суд требует ответа.

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Эллис собрался задать еще один вопрос, как неожиданно двери с предупреждающей табличкой «Вход только для министров Верховного ведомства» распахнулись. На пороге стояло несколько человек. Они были вооружены.

...А потом Эллис, распорядившись об аресте Верховных, перешагнул порог кабинета министра юстиции, чтобы самому скватериться с бывшим руководителем.

Тот поднял голову — ему уже объявили об аресте — и с иронией сказал:

— По нестройному топоту ног в коридоре я понял, что правительство отправилось в свой последний путь? Вы, Эллис, добились своего. Не случайно я никогда не мог понять вас. Вы — человек с двойным дном. Этого я, увы, не знал. Скажите, под вашим вторым днищем нет ли третьего? Я не верю, что вы в сговоре с чернью. Насколько мне известно, вы человек безразличный. Ну ладно. Ответьте мне: на Аркосе сохранен закон о последнем желании приговоренных к казни?

Эллис, заранее отрепетировавший все, что он скажет министру и как потребует от него списки и адреса членов комиссии семнадцати, не ожидал, что человек, перед которым он недавно опускал голову, а теперь мог бы лично расстрелять, будет держаться с таким достоинством и заставит его испытывать вместо превосходства унижение и беспомощность.

— Да, — тихо ответил Эллис, но тут же взял себя в руки и уселся перед министром в непринужденной позе.

— А вы не удовлетворены, Эллис. Поэтому решили переговорить со мной. Вы желаете знать, как можно познакомиться с членами комиссии?

Этого Эллис и вовсе не ожидал. Ответил вызывающе:

— Разумеется, вы интересуете меня как человек, имеющий прямые связи с государственными преступниками. Я обязан найти и уничтожить их. Итак?

— Что? — Министр недоуменно поднял бровь.

— Ключ от сейфа, где хранятся документы.

— Позвольте, Эллис, я вскипачу молока? Это последнее желание обреченного. Кстати, в сейфе ничего нет. Ключ я могу отдать вам. Там хранятся документы иного характера.

Эллис сказал устало:

— Вы же понимаете, сопротивление бесполезно. Я все равно найду эти документы. Кстати, в архиве я уже обнаружил перфокарту, составленную неким программистом Чваем... Там расчет. И итоги. Да, скажите, что за результат вычислил программист, точнее, его машина? Я не понял.

— Весь обсчет — блеф. Вы правда ничего не поняли? Значит, мы вас переоценили... Обидно. Вы оказались рядовой личностью. Но я вам объясню. После введения нового закона люди стали думать не о том, довольны ли они своей жизнью и своим правительством или нет, а о том, что каждый из них — грешник. — Министр сделал паузу, тщательно собрал крошки со стола в пухлую квадратную ладонь, бросил их в корзину для бумаг. — Мы-то с вами знаем, что все грешники, не так ли? Только в разной степени. Так вот, люди начали думать не о том, как жить получше, а о том, как остаться в живых. Теперь вам, надеюсь, ясно, что мне было незачем вести учет бесконтрольной и аморальной акции? Разве дело в том, чтобы отправить на тот свет десяток хулиганов? Нет, не об этом мы думали. А хорошее прикрытие для борьбы с чернью — «борьба за нравственное оздоровление населения»? Поэтому мы не

привлекали к акции вас, наш обиженный дружок, исключительно зная ваше служебное рвение. Как видите, в чем-то мы недооценили вас, а в чем-то явно переоценили.

Эллис растерянно спросил:

— Но ведь комиссия посылала отчеты?

— Посылала. Я их в глаза не видел. Их тут же уничтожали. Зачем лишняя писанина?

— А принцип подбора членов комиссии? Там же был специальный подбор!

— Это я однажды решил развлечься. — Министр засмеялся. — Я пригласил учителей младшей школы. Они страшно тряслись, бедные старушки, когда сидели в этом кабинете. А я попросил их рассказать об их учениках, которые запомнились им необычайностью характеров. Так вот, одна рассказала о девочке, плававшей от чужих обид. Другая — о мальчугане, которого называли совестью школы. Он был не по годам совестлив. Третья о мальчишке, беспощадном даже к себе. И так далее. Потом я нашел этих детей, уже выросших. Было интересно проследить за их судьбами. Сравнить, каким был ребенок и что из него вышло.

— Но какое отношение...

— Ах, Эллис, Эллис! Вы в одной ситуации видите семь вариантов семи поступков, а эти люди видели только по одному. В экстремальных условиях, в которых постоянно пребывали члены комиссии, налет привычек, традиций, мироощущений пропадает. Люди возвращаются к мироощущению своего детства. Они жалки, но одновременно страшны, эти взрослые дети. Кстати, у меня есть один человек, который непосредственно занимается комиссией семнадцати. И непосредственно занимается персонально вами, Эллис. Он не ребенок. Он взрослый, серьезный человек. Эх, Эллис, уж коли вы захотели власти, то явно начали не с тех. — С этими словами министр посмотрел на часы, вынул головку завода и отправил ее в рот. Глаза его остекленели, и Эллис понял, что в часах была ампула с ядом. Эллису стало досадно: он ничего не узнал. Но теперь понял: надо спасать из тюрьмы Крауфа. Эллис прекрасно помнил, что сказал министр юстиции во время их предыдущей встречи: «Я-то знаю, что землянин жив-здоров». Об этом знал и Крауф. Эллис еще ненадолго задержался в кабинете министра. Он поспешно обыскал труп. Да, ключ от сейфа министр всегда носил с собой — во внутреннем кармане.

В сейфе хранилось несколько папок. Эллис судорожно схватил их и, бросив на стол, стал искать материалы о комиссии. Их действительно не было. Не было ничего, что так или иначе могло быть связано с пресловутой комиссией. Но постепенно Эллис начал интересоваться находкой. Толстую папку под грифом «Совершенно секретно» — «Протокол перелета Беана — Аркос», — он отложил, пролистав. Интересно, но длинно. Протокол о высылке государственных преступников оказался ему неинтересным. Он сам их выслал на полярные рудники немало. И тут он увидел радиоперехват: «На Аркосе Эпсилона законодательно действует так называемая комиссия семнадцати, члены которой наделены правом убивать на месте каждого по своему усмотрению. Цивилизация в опасности: население пла-

неты ежедневно уничтожается. Выяснил существование в системе Эпсилона на планете Беана прааркосской цивилизации. По некоторым данным, планета была обречена на гибель ввиду экологического кризиса. Пытаюсь узнать подробности и принять меры. Космолетчик первого класса Алексей Гончаров». Эллис похолодел. Но успокоила его копия приказа агенту второго ранга Миккасу Пру установить в стартовое устройство космического корабля «Байкал» электромины. Верно сориентировались с электроминой, подумал Эллис. Ключ на старт — Земля берет свой корабль на радиомаяк. А то, что одновременно с двигателем срабатывает электромина, легко списать на стартовую катастрофу. Главное, ключ-то только у землянина... И в корабле он был — живой и невредимый. Для Земли это факт, не поддающийся сомнению.

Чудесно! Но «Байкал» пока стоит на месте. Дальше Пру общается, что землянин вылетел на космолодке к Беане. Кто же мог подсказать ему адресок?

И Эллис принялся внимательно читать папку, содержащую первую государственную тайну Аркоса.

Крауфа опять усадили на скамью подсудимых.

— Вы обвиняетесь в жестокости и преднамеренном убийстве тридцати человек. Вы обвиняетесь в преднамеренном совершении тяжчайшего преступления против гуманности. Есть ли у вас возражения?

— Нет.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Я подчинялся правительству, которое направило меня на эту акцию.

— Прежнего правительства не существует. Его члены смещены и подлежат суду, — сказал председательствующий.

В это время в зал вошел Эллис — Крауф сразу узнал его. Не взглянув на скамью подсудимых, Эллис подошел к председательствующему. Крауф увидел, как тот вдруг смутился.

Эллис поднял голову и посмотрел на подсудимого:

— Вы привлечены по ошибке, Крауф. Простите. Дело в том, что Дзей Оун, — он кивнул на председательствующего, — и все мы знали вас как неукоснительного и последовательного исполнителя жестокой воли Верховного ведомства. И только я знал, что вы изменили свой образ мыслей. Мы приносим извинения за досадное недоразумение и надеемся, что вы станете нашим другом.

Спустя некоторое время, сидя за столом с Дзеем Оуном и Эллисом, Крауф пытался свести концы с концами. «Почему эти люди ищут моей дружбы?» — спрашивал он себя.

Дзей Оун, глава нового правительства, уже не держался независимо и сухо.

— Итак, вы глава переворота? — с сомнением обратился к нему Крауф. Тот покосился на Эллиса и утвердительно кивнул.

Слушая разговор Оуна и Крауфа, Эллис посмеивался про себя. Он хорошо помнил те цели, которые преследовал, когда отдал первое распоряжение Оуну, своему нынешнему руко-

водителю, о немедленном выявлении и истреблении членов комиссии. Во-первых, устанавливая их личности, члены организации Оуна давали ему самому выход на этих людей. Во-вторых, в случае неудачи выступления организации он смог бы представить правительству не только списки заговорщиков, но и конкретных участников покушений. Это придавало бы вес пошатнувшемуся в последнее время престижу Эллиса.

— Так что вам нужно от меня сейчас? — Мысли Эллиса превратились в вопрос Крауфа.

— Вы можете нам помочь.

— Вряд ли.

— Но, кроме вас, никто не знает в лицо членов комиссии. Это первое. Вы должны быть осведомлены об их злодеяниях. Это второе. А третье, и самое главное, как я слышал, из всех членов комиссии вы были наиболее справедливы. Конечно, если это слово уместно по отношению... Вы понимаете меня. Вы должны помочь нам в борьбе с карателями.

— Что ж, — сказал Крауф, — есть возражение. Кроме меня, членов комиссии знают Верховные.

— Они расстреляны, — вставил Эллис.

— Кто приказал? — изумился Оун.

— Я, — коротко ответил Эллис и продолжал тоном, не терпящим возражений, — даже в архиве не осталось никаких данных о семнадцати. Видимо, министр юстиции держал с ними личную связь. — Говоря так, Эллис продолжал сомневаться, что министр мог действительно пустить акцию на самотек.

— Не кажется ли вам, Эллис, — медленно проговорил Дзей Оун, — что расстрел без суда и следствия уподобляет нас тем карателям, с которыми мы боремся? Вы поступили опрометчиво и своевольно.

— А при чем здесь я? Это воля большинства, — безразлично ответил Эллис и быстро взялся за чашку. — Единственное, что удалось обнаружить в архивах, — это перфокарту, составленную программистом Чваем.

Оун встрепнулся:

— Он убит. Это вы убили его, Крауф. И видимо, не случайно. Он что-то знал.

Крауф удивленно покачал головой:

— Помню, в кафе «Эпсилон» он издевался над женщиной. Был сильно пьян.

В разговор вступил Эллис:

— Не думаю, что вы много потеряли, Дзей. Программист мог сообщить вам, что разработанная машиной социологическая программа перспектив применения закона определила, что закон противоречит основам существования общества и является способом укрепления власти. Что же касается дальнейшей деятельности комиссии семнадцати, то машина дала довольно странный итог программы, в одном слове. Я искал его во всех словарях, но не нашел.

— Действительно странно, — задумчиво сказал Оун. — Но Чвай либо мог знать смысл этого слова, либо предложить мне докопаться до его сути. Вдруг это помогло бы нам раньше предотвратить наступивший кошмар?

— Увы, — задумчиво проговорил Крауф, — сделанного не

вернешь. Подумайте к тому же, как я могу доносить на людей, с которыми недавно был тесно связан?..

— Стало быть, — спросил Оун, — вы отказываетесь помогать нам?

Эллис похлопал Крауфа по плечу:

— Вы столько перенесли за этот день! Подумайте, Элдар! Отдохните как следует и подумайте. Отвлечитесь от личных переживаний, и верное решение придет само собой.

— Поймите, — заговорил Оун, — мы должны изолировать ваших бывших коллег. Иначе, страшно подумать, резня может принять глобальные масштабы, мы окажемся бессильны.

Домой или к сестре Крауфу ехать не хотелось. Когда он вышел на улицу, то понял, что единственный человек, к которому его тянет, — это Бэкки.

Крауф шел по пустынным улицам. Точно все попрятались. Или вымерли. Либо уже перебиты его бывшими приятелями. Кто знает? И чем ближе подходил он к дому Бэкки, тем сильнее ему казалось, что все пережитое — кошмарный сон.

Дверь ее квартиры опять была открытой. Но хозяйки не было. В растерянности Крауф прошел в гостиную — следы недавнего разгрома были тщательно убраны, стена заделана. Видимо, Бэкки в редакции, решил Крауф. Он уже хотел развернуться и отправиться в редакцию «Вечернего Эпсилона», но его остановил голос Эллиса:

— Что, пришел за документацией? Беглянка, судя по всему, утащила ее с собой. — Крауф похолодел. Чувствуя, что севший голос выдает его, он с натушной легкостью ответил:

— Какой документацией?

Эллис отозвался из полумрака:

— Иди сюда. Я уже кое-что нашел. Раз ты здесь, поговорим. Думаю, ты расскажешь мне многое, если не все.

— За кого ты меня принимаешь?

— За натуру сильную, хотя не лишенную романтического начала, словом, за того, кто ты есть. Оружие на стол!

Крауф невольно повиновался.

— Видишь, насколько я оказался прав! Итак, ты категорически отказался от своей деятельности при старом режиме?

— Да.

— Ну что ж, будь логичен до конца. Если ты не с ними, то против них. Не так ли?

— Возможно.

— Значит, ты с нами. Поскольку мы против них.

— Нет. Я не предатель.

— Это лозунги. Итак, имена и адреса твоих коллег. Я жду. Что ты рассказал землянину о перелете? Что тебе рассказывал твой отец — ведь он был врачом экспедиции? — без всякого перехода вдруг спросил Эллис.

Крауф подавил внутренний трепет:

— Ничего. Да и мне известно не больше, чем всем.

— А что сейчас на Беане? Что знает землянин? Зачем он летал туда?

— Спросите у него.

— Ну что ж, я приглашал тебя к деятельности гуманной. И гуманным образом. Теперь я заставлю тебя и, прости, не гуманными методами. — Эллис оглянулся. — А квартира неплохая... Да, ты не знаешь, где хозяйка? Не летит ли с землянином? Откуда он узнал о Беане? Ну!

Крауфа передернуло. Эллис встал с кресла, толкнул дверь в спальню. И вошли трое. Один из них шагнул к Крауфу и заломил руки за спину.

Пытка продолжалась около четверти часа. Эллис молча рылся в бумагах на столе Бэки. Происходящее, казалось, его не интересовало. Крауф терпел, все время поражаясь себе, что такое можно вытерпеть.

Потом трое отошли и смотрели на Крауфа, словно любуясь своей работой.

— Уходите, — тихо сказал Эллис. Он сел на тахту, держа в руках несколько листов. Палачи вышли, притворив за собой дверь.

— И теперь ты не хочешь помочь справедливости, брат мой?

Крауф вздрогнул.

— Я правильно назвал ваш пароль? Не сопротивляйся, все равно твои «братья» у меня в руках. Я даже знаю, когда пароль семнадцати произносится: если один просит другого оказать чисто техническую помощь. Так?

Крауф обессиленно застонал.

— Меня интересует землянин и Беана. Что задумал землянин? Зачем он туда полетел? Зачем радировал на Землю о нашем новом законе? Что он хочет? Власти? Денег? Говори, или никто не узнает, кто убил тебя и за что.

— Откуда тебе известен пароль? — спросил Крауф.

Эллис засмеялся.

— Предпочитаешь поменять тему? Ну хорошо. Ни за что не отгадаешь! Я тут разбирал бумажки этой милой дамы... Неплохой репортер. Так стремилась к эффекту присутствия в одном из своих репортажей, что невзначай выболтала государственную тайну.

— Не клеветщи.

— И в мыслях нет. Правда, опубликовать этот репортаж она при старом режиме не успела, иначе по головке ее бы не погладили. Жаль, что так же легко она отнеслась и к другой государственной тайне. Мне не пришлось бы сейчас развлекаться с тобой. И имей в виду, я эту куклу держу за волосы. Она близка с землянином? Она в курсе его дел? Так вот, если ты сейчас не выложишь мне все как есть, я разыщу репортершу и на твоих глазах мои ребятишки поиграют ее ребрышками.

— Ты изверг!

— Я?! Ну же... Я ведь никогда не называл тебя палачом.

— Прекрати, или...

— Или не будет. Я уважаю твои чувства.

— Это что, продолжение пытки?

— Да нет. Давай вернемся к нашей теме. Значит, говоришь, нужно спросить у землянина? Что ж, спросим. И все же для начала все вопросы — к тебе. Ты, увы, упрям, но мы сломим твоё упрямство. Тебя будут пытать долго и страшно, пока не

заговоришь или не умрешь. А умрешь ты не скоро, здоровье у тебя отменное — слабых в комиссию не брали. Но если вы с землянином разговоритесь, я приглашу врача, и, может быть, ты поправишься. Когда вернется землянин?

— Не знаю.

— Ну что ж, поедем в госпиталь, брат мой. Мои ребята что-то перестарались сегодня, а мне нужно узнать многое. И что тебе говорил твой отец, и что знает Гек, и что привез землянин с Беаны, все-таки интересно, какие там новости...

В госпитале Эллис приказал сиделке доносить ему обо всех, кто придет навестить Крауфа. Эллис прекрасно помнил, что тот человек, о котором говорил министр, занимается не только комиссией, но и им самим персонально.

Гоночная неслась на огромной скорости. В ней трое. Среди них — женщина. Кто же из них тот самый?.. Когда вышли на межконтинентальное шоссе, Эллис подумал: а вдруг в комиссии стало известно об отступничестве Крауфа? О том, что он попал в переделку с новыми властями и, возможно, пойдет на сговор с ними? Тогда вряд ли эти люди пришли бы в госпиталь к Крауфу. Или они к комиссии не имеют отношения.

По межконтинентальному ехали долго. Эллиса уже начала утомлять серая лента дороги между редкими белыми зданиями сельскохозяйственных комбинатов. Потом начались леса — зона отдыха. Вероятно, опять не то, эти трое едут развлекаться. Эллис совсем приуныл и чуть было не потерял из виду гоночную машину, когда она неожиданно для него свернула на боковую трассу.

Он остановил машину. Посмотрел, как гоночная свернула за кустарник. «Другой дороги здесь нет», — подумал он и повернул в сторону города.

Ставя машину в гараж, Эллис напевал свой любимый мотив. День прошел не так уж и плохо. Он узнал, где их логово. Вошел в квартиру, прямо на кухню, налил себе вина, собрался выпить и услышал за спиной голос своей невесты:

— Здравствуй, Кибрит, а меня ты не хочешь угостить?

События последнего времени научили Эллиса ничему не удивляться, но появление Ингит его поразило.

— Ты... — прошептал он пересохшими губами. — Откуда ты? Как я рад, что ты не забыла меня! В моей жизни многое изменилось. Знаешь, я теперь большой человек...

— Знаю.

— Тебе, наверное, сейчас трудно живется? Но теперь все наладится. Мы будем жить вместе, все будет хорошо.

— Сейчас большинству живется нелегко.

— О да, ты, конечно, голодна. У меня есть все...

— Спасибо. — В голосе Ингит прозвучала насмешка. Эллис не обратил на это внимания.

— Я понимаю, я все понимаю. Но не говори так. Конечно, трудно сразу вернуться к прошлому. Это пройдет, главное, что ты пришла. Ведь ты же пришла!

— Да. Но не за тем.

Эллис повернулся к ней от холодильника. И увидел направ-

ленный на него пистолет. Он понял, что помешать ей не сможет. И он прошептал:

— Помоги справедливости, брат мой...

Ингит остолбенела.

Первым делом я обсчитал на компьютере «Байкала» возможную траекторию полета корабля с Аркоса. Компьютер указал мне и оптимальное время для старта, до которого теперь уже оставалось несколько часов.

База словно вымерла. Ни Оуна, ни его подчиненных. Следы обыска... Значит, и здесь побывала комиссия семнадцати.

К счастью, Бэки оказалась на месте, в редакции.

— Тут такое творится, — закричала она в трубку, — так все улаживается... — Я ни слова не понял, Бэки, как всегда, захлестывали эмоции, и, остановив ее на полуслове, я начал:

— Слушай внимательно. Беана жива. Но корабль твоего отца там не садился. Слышишь? Не садился. Но, кажется, я могу найти его, даже, возможно, транспортировать на Аркос. На Беане я оставил радиосвязь моей космолодки. — Бэки молчала. Но по звукам в трубке я понял, что она плачет. И сказал: — На базе я один. Вылетаю в полночь. Жди меня на базе не позднее завтрашнего полудня.

Я направился к «Байкалу». У дверей рубки меня остановил телефонный звонок.

— Я никогда не верил сплетням о твоей гибели, — услышал я голос Оуна.

— Благодарю, — все, что нашлось у меня в ответ. — Где вы, Дзей?

— Читай газеты, узнаешь. Прошу тебя, навести Крауфа, он в центральном госпитале.

— Что с ним, где вы, Дзей? — снова спросил я, но Оун положил трубку...

На базе мне удалось найти последний номер «Производственного континента». Итак, во главе нового демократического правительства мой тихий инженер. Это меняет дело. Надо ехать к нему, рассказать о Беане. И нужно, чтобы в моих поисках пропавшего космического корабля и поисках разгадки трагических событий на Аркосе приняли участие и люди планеты. Это же и их дело. По пути к Оуну я решил навестить Крауфа.

У постели Крауфа дежурила пожилая сиделка. Увидев меня, она тихо выскользнула из палаты.

На Крауфа было страшно смотреть.

Он силился улыбнуться:

— Я не ждал тебя, Алексей...

— Что случилось? Кто посмел?

— Ты должен улететь. При нынешней ситуации остается только удивляться, как ты еще жив. У тебя самая страшная роль — роль согладателя.

— Какой ситуации, Элдар? О чем ты говоришь?

— Эллис, человек, которого ты не знаешь, но запомни его имя — Эллис — повсюду ищет членов комиссии. Но не для справедливого возмездия — это я понял только здесь. Он найдет их для своих целей — они жестоки, они пойдут за ним.

Эллис узурпатор. Помнишь Морриса, о котором писала мать Бэки? Он достойный его продолжатель, поэтому так стремится знать, что тебе стало известно о Беане. Но вместе с тем он боится тебя, как всякий подлец и трус боится правды и силы.

— Элдар, чем я могу помочь тебе?

— Дело не во мне... В аркосцах. Эллис поднял черное знамя, — Крауф умолк на полуслове — в комнату вошла сиделка со шприцем в руках. И я простился.

Из госпиталя я направился прямо в бывшее Верховное ведомство. Мне удалось встретиться с Оуном. Встреча вышла натянутой и бесполезной. Оун не поверил мне. Эллиса Оун хорошо знал, считал его достаточно надежным. И тут в разговор вступил человек, сидевший спиной к нам — он разбирал документы в пухлой папке.

— Я бы серьезнее относился к Эллису, Дзей, — мрачно заметил он, — я не доверял бы ему полностью.

— Это наш попечитель безопасности, — представил мне его Оун.

К рассказу о беанской цивилизации Оун тоже отнесся с недоверием, только спросил почему-то:

— Они не станут вмешиваться?

Я пожал плечами. На мое намерение найти последний космический корабль и доставить его на Аркос Оун заметил:

— Сейчас у планеты более реальные задачи.

— У нас есть время, чтобы продолжить этот разговор. К тому же завтра у меня, возможно, появятся новые аргументы. Может быть, они убедят вас. Сегодня в полночь я стартую. Будь осторожен, — сказал я на прощание Оуну. — Береги себя и своих друзей.

Он холодно пожал мне руку.

...Стартсвал я нормально. Правда, к моему удивлению, в момент старта на Аркосе погасло освещение. Главный континент погрузился в глубокий мрак. Только за кромкой океана слабо светилось зарево — продолжал работу Производственный континент. «Что же случилось на Главном?..» — забеспокоился я. Но когда «Байкал» выходил за пределы аркосской атмосферы, увидел — Главный континент вновь озарился переливами огня.

Ингит знала только одно — Эллис назвал пароль, и она выполнила свой долг: привезла его на виллу. Конечно, ей могли возразить, что тот, Дрибл, тоже назвал пароль. Ну и что? Тот пришел сам. Этого она привезла — есть определенная разница. В конце концов он знает пароль, а друг он или враг — в этом можно разобраться.

...На вопросы не скупилась ни члены комиссии, ни сам Эллис. Они проверяли друг друга. Эллис говорил горячо.

— ...Планета в руках ублюдков. Они поведут цивилизацию вспять. Они распускают общество, развратят его. Только потому, что не умеют, не могут твердой рукой держать бразды правления. Вы — новая элита Аркоса. И вы должны спасти планету от полного краха. Я пришел, чтобы помочь вам.

— А если нам не нужна помощь? Если мы и сами имеем ясное представление, что нам делать? Такой поворот беседы не входил в ваши планы?

— У меня не было и нет никаких иных планов, кроме одного желания: спасти планету. — Последняя фраза прозвучала патетически, это Эллис понял по насмешливым взглядам слушателей и на минуту замолк.

— Чтобы спасти планету, надо иметь над ней власть, — скептически сказал кто-то. — Нам же, как я понимаю, предстоит еще ее захватить. Для этого нужно хотя бы появиться в Верховном ведомстве. Это опасно — не сидят же они сложа руки.

— Они отменили аппарат насилия. Охрана невелика, — твердо сказал Эллис.

Комиссия молчала. Кто-то отозвался из темного угла:

— Мы должны подумать, не так ли?

Раздалось нечто вроде одобрительного гула.

— А вы, Эллис, — продолжил тот же голос, — покуда отдохните. У нас приготовлены для вас вполне приличные апартаменты.

Эллиса бросили в бетонированный подвал. Когда глаза его освоились с темнотой, в углу он увидел человека.

Дрибл брел по некошеному лугу. Его мысли были заняты одним. Как же эти люди примут его?

Из-под ног выпорхнула птица. Он засмеялся. И сам удивился своему смеху — такому счастливому и спокойному. Так беззаботно он радовался только тогда, рядом с матерью.

Дрибл проводил глазами птаху и решил отдохнуть. Сел на траву и вдруг с ясной отчетливостью понял, что близок к итогу, к цели того главного дела, начало которому положил его отец.

Отец был трезвым и дальновидным политиком, но и он вряд ли предполагал, что все так обернется. И хорошо, что письмо отца, где излагались принципы закона, у Дрибла с собой. Письмо — главный козырь при встрече с бывшей комиссией.

...Отцом Дрибла был бывший Верховный министр Аркоса, Пэт Моррис. Дрибл узнал об этом в день своего совершеннолетия, когда отца уже не было в живых. В тот день мать вручила Дриблу предсмертное письмо Морриса и маленький конверт, о котором упоминалось в отцовском письме. «Когда ты поймешь, мой мальчик, что планета на грани социальной катастрофы, приложенное письмо ты отправишь в Верховное ведомство на имя своего дяди. Он придет к власти после меня, но ему никогда не понять, как разумнее всего сохранить свою власть.

Эта мысль не давала мне покоя. Некогда мне казалось, что проблема решена в эпоху переселения, когда я рассматривал второй континент Аркоса как резервацию для черни. Судьба дала мне в руки средство, не буду обременять тебя его описанием, благодаря которому мне удалось заселить второй континент людьми, не представляющими себе иной жизни, кроме труда. Однако среди тех, кого я пытался превратить в трудовую касту, началось расслоение. Социальное расслоение рано или

поздно приводит к общественным противоречиям. Выделились технократы. Рано или поздно они захотят прийти к власти и станут опасны. На Главном континенте, увы, произошел тот же процесс. Те, кого я рассматривал как обслуживающую касту, постепенно богатея, сформировались в мелких хозяйчиков, средних собственников. Вряд ли они скоро задумаются о политике, но придет и их черед разделить власть с Верховными.

Все начнется с политического недовольства. Противопоставить ему я могу только свое завещание. О его существовании известно моему другу, которого ты знал под именем Бобби. Но ему ничего не известно о содержании моего завещания. Эту тайну я доверяю только тебе...»

В день, когда Дрибл узнал о принятии нового закона, министр юстиции — ближайший друг его отца — сказал ему:

— Теперь ты должен сделать все, чтобы акция правительства не превратилась в акт самоубийства. Ты должен знать об этих людях все, но главное — не захотят ли они добиться власти! Это желание ты должен пресечь в корне!

И еще министр добавил, что искать связь с комиссией Дрибл должен самостоятельно, не разрушая кропотливо созданной легенды.

Дрибл усмехнулся, вспомнив, как легко ему удалось поймать Эллиса на крючок. Жаль только, что не удалось сорвать его планы до конца. Ну что ж, землянина он по крайней мере спас... Этот профессиональный провокатор Эллис создал для толпы подходящий миф: комиссией убит лучший из людей! Расчет достаточно верен...

Теперь осталось повести за собой эту комиссию, предложив ей целенаправленно бороться за реставрацию традиционной власти Аркоса, но под руководством новой элиты — семнадцати. Но вдруг они не захотят идти за ним? Что тогда?..

Дрибл встал с травы, отряхнул брюки и отправился на виллу, которую сам же приобрел для комиссии на случай... Впрочем, он не думал тогда на какой. Он считал, что должны где-то собираться вместе и общаться борцы за идеалы справедливости. Министр юстиции одобрил его приобретение.

Когда случилось это, ему стало страшно, кажется, впервые в жизни. Он закричал. Но вскоре умолк — что о нем подумают? Слабак? Слунтай? Остался наедине с трупом и полез от страха на стенку!

И тогда Эллис забарабанил в крышку люка и начал громко выкрикивать: «Его нельзя упускать! Его нельзя упускать!..»

«Братья» не скоро откликнулись. После того, как он крикнул уже без паники в голосе, но и без надежды, что его услышат «Мы проиграем, если дадим ему уйти!» — наверху загремели замками. Значит, отметил про себя Эллис, они были совсем рядом.

— Сегодня стартует корабль землянина. Он летит на Беану. Аркосу грозит интервенция, колонизация... Они отомстят!

Эллис рассчитывал, что от этих слов наверху должна начаться паника. «Братья» пойдут на разговор, а поэтому выпустят его отсюда. Он не будет голословен — он выложит перед ними

три документа, которые придадут комиссии решимости и сил. Те два, из министерского сейфа, и этот — добытый таким неожиданным и невероятным путем.

Вообще в этой истории не было ясно только одно: если не Крауф, как раньше предполагал Эллис, а Дрибл человек министра, то зачем комиссия сунула его, как и Эллиса, в подвал? Может быть, они не знали этого? Или не поверили ему? Или его планы оказались им неуютны?

Удивительная встреча! Дрибл играл под простачка. Куда же ему было деваться после суда над Крауфом — только уходить вместе с комиссией. Эллис решил подыграть ему, сказал, что комиссия пленила Дрибла по наущению Крауфа. И тут они разговорились по-приятельски. Так, на дружеской ноге, Эллис вел обычно негласные допросы. Дрибл этого не знал и проговорился.

— Власть, бесспорно, удел избранных. Всякое отклонение от этого правила преступно. Я пытался внушить эту мысль комиссии, но увыл...

Эллис все понял. Так говорить мог только человек министра. Значит, Дрибл стоит не только на пути комиссии, но и на его пути. И неизвестно еще, какими средствами борьбы он располагает. Эллис не помнил, как кинулся на Дрибла, как покатились они по холодному полу, как Дрибл пытался схватить его за горло, и он, чувствуя удушье, вцепился Дрибл в волосы, потом сел ему на грудь и молотил головой о каменную стену, пока голова не стала в его руках податливой и теплой от крови. И вот тут-то он узнал, что такое ужас...

...Когда Эллиса привели в дом, в ту же большую комнату с длинным столом, там уже собрались все его обитатели. Эллис рассчитал точно — в неопределенной ситуации охотнее верят худшему.

— Когда отлетает землянин?

— В полночь. Он сам сказал Оуну.

— И что мы можем?

— Самое большее — не дать ему добраться до Беаны. Он летит уже не на космолодке, как в первый раз, а на грузовом корабле. Ясно, готовит десант... Вот его радиограмма на Землю.

Пожалуй, этот козырь оказался самым действенным. Боевая группа быстро собралась. Ингит была с ними. Эллис отозвал ее в сторону:

— Не суйся к этим. Там могут быть дела серьезные. Под стартовым устройством землянина — электромина.

— Почему ты молчал об этом?

— Мина может не сработать. А подстраховаться всегда необходимо.

Ингит отошла, задумавшись, а когда уехала боевая группа, она услышала голоса из соседней комнаты:

— Да, слушаем его. Честно говоря, тот тип мне сразу не понравился.

— Тебе, приятель, повезло, — это было обращено к Эллису, — у тебя глотка оказалась мощнее. Тот тоже что-то горлопанил о важном сообщении.

Эллис сразу понял, о чем идет речь. Он знал, что хотел сообщить комиссии Дрибл. В кармане его пиджака он нашел письмо, содержание которого расшифровывало перфокарту программиста Чвая: «Создание комиссии наемных убийц, безусловно, дохлая кошка в политической игре. Она устроит мелких хозяйчиков и убедит их в необходимости твердой единоличной власти. Мелкие хозяйчики поддержат акцию и станут самой надежной опорой власти. На Производственном континенте комиссия, став средством устрашения, окажется орудием подавления революционных выступлений. Действие закона пройдет два этапа. Как уже явствует, сначала он будет средством укрепления наследственной власти. Вторая стадия его развития будет протекать подспудно и неотвратимо. Ее суть будешь знать только ты: рано или поздно члены комиссии, став людьми, непохожими на других, сверхжесткими, сознающими свою избранность, не знающими пределов и ограничений, придут к реальной власти. Возможно, это будет связано с кровавым переворотом. Верховных члены комиссии либо вышвырнут с политической арены, как старый хлам, либо сохраняя как музейную реликвию, придавая своим действиям внешне благопристойный вид привычной демократии. Ты должен стать одним из этих людей и потом встать над ними. Строй, который ты создашь, знала история Земли. Там он назывался фашизмом.

Я хотел бы передать тебе крепкую власть. Власть Верховных изживает себя. Поэтому я могу лишь начертать перед тобой тот путь, который приведет тебя к господству подлинному. Не кори меня, что твой путь будет столь тернист».

Больше всего Эллиса поразило то, что в письме и в перфокарте Чвая содержалось одно и то же слово. Собственно, разобравшись в этом понятии, он сообразил, что в него укладывались и его стремления... По сути, Эллис сказал комиссии то, что собирался сказать Дрибл.

— Так вот, — начал Эллис, — теперь пора переходить к конкретным действиям. Борьба за власть начинается с борьбы за независимость. Думаю, все знают Верховный банк. Из банка есть тайный вход в Верховное ведомство. Я проведу вас в комнату заседаний Оуна. Ни один его министр не вооружен. Оружие, видите ли, противоречит их нравственным нормам.

— Что же мы будем делать после захвата власти? Кто нас поддержит?

— Нас? Вы знаете, что происходит на континентах? О да, чернеет от восторга, а остальные? Расстреляны только Верховные. А мелкие предприниматели, лавочники, крупные фермеры? Они вовсе не спешат на зов Оуна отдать на всеобщую потребу свое небольшое хозяйство. А вспомните о членах пятидесяти семи семей и о тех, кто им близок. Оун лишил их всего и заставил прятаться. Пока они робко сопротивляются. Но приди мы, и они с радостью пойдут к нам навстречу. Мы, и только мы, нужны им. А что мы будем делать? Править! И так, как на Аркосе этого не делал никто и никогда!

Ингит не дослушала Эллиса. Пожалуй, никогда еще она не испытывала такого острого желания посоветоваться. И она не знала человека более способного дать верный совет, чем Крауф. Ингит потихоньку вышла, вывела из гаража машину, стара-

ясь не привлекать к себе внимания, и направилась в город. ...Когда ей в госпитале сказали, что у Крауфа был землянин, она крайне этому удивилась.

— Слушайте, Крауф, вы знаете, чем этот тип грозит Аркосу? — сразу спросила она.

Крауф улыбнулся ей и тихо сказал:

— Гончаров мирный человек, и сегодня он улетит на Землю.

— Он сказал вам это твердо? — Ингит подошла ближе, взялась за спинку кровати.

— Совершенно точно. В полночь он улетает.

Верно говорит. Ингит перевела глаза на часы. До отлета землянина оставалось сорок минут.

— Так вот, чтобы вы знали. Эллис получил данные, что Гончаров летит не на Землю. Он готовит интервенцию беанцев. Оказывается, они живы и горят мстью. Поэтому нужно сделать все, чтобы Гончаров не взлетел. Под стартовым устройством — электромина.

Крауф внимательно глянул на Ингит, с трудом сел на постели, перенес с тумбочки к себе на колени телефонный аппарат.

— Бэкки, — хрипло сказал Крауф в трубку, — под кораблем Алексея электромина. Предупредите его.

Ингит долго не раздумывала. Предателю — смерти!

Спокойно перезарядив оружие, Ингит пошла к машине. Она ехала к городской энергоподстанции. Если эта Бэкки захочет помочь землянину, другого пути у нее нет.

Что ж, противница оказалась достойной. Умная женщина, безошибочно поняла, как следует поступить. Ее машину Ингит увидела недалеко от энергоподстанции. Электромобиль летел на предельной скорости, и Ингит усомнилась, что его догонит. И когда подъехала к подстанции, перевела пистолет на автоматический режим. Пришлось убрать и охранников, и дежурных рабочих.

Бэкки была уже у пульта. В ту секунду, когда Ингит взвела курок, она взялась за рубильник. Ингит выстрелила. Бэкки повисла на рукоятке.

Все погрузилось во тьму.

Ингит не сомневалась: землянин успел стартовать.

Шло совещание правительства Дзея Оуна. Попечитель права написал отчет, в котором признал, что изолировать от общества бывшую комиссию семнадцати пока не удастся. После установления на Аркосе демократических норм гражданской жизни, все они скрылись.

— Однако они убили Эллиса, — сказал попечитель здравоохранения.

Оун удивленно поднял глаза.

— Главный врач центрального госпиталя, куда Эллис поместил Крауфа, доложил мне, что Эллис начал слежку за посетителями Крауфа. И пропал. Видимо, напал на след негодяев. Увечья Крауфа тоже дело рук семнадцати. Они отомстили ему за отступничество.

— Эллис шел по верному пути, — вставил попечитель права. — Надо почтить его память.

Все молча переглянулись.

— Я не могу в это верить, — прошептал Оун, подумав, что, к счастью, не доверился рассказу Гончарова о страшных замыслах Эллиса. — Если у Эллиса есть родственники, позаботьтесь о них должным образом. А сейчас перейдем к вопросу о ходе национализации промышленности и распределении доходов от производства.

— Творится полная неразбериха. Вчера электромобильный завод и несколько других предприятий Производственного континента вообще прекратили работу. Предприятия захватили вооруженные бандиты, которые встретили огнем вышедших на смену рабочих. Судя по всему, бандиты, — ставленники бывших владельцев, — говорил попечитель промышленности, — неизвестно, кто убил главного инженера швейного комбината, которая первой сняла пломбы с законсервированных цехов и пустила туда работниц из числа незанятых...

— И вы на все это смотрите? — негодуя спросил Оун попечителя права.

— К сожалению, я не все могу сделать. Мой аппарат — всего несколько работников, которых я привез с Производственного континента. Мы с попечителем безопасности занимаемся формированием дозоров из населения. Кроме того, мы уже вооружили работников четырех предприятий на Производственном континенте для защиты производственных комплексов.

— Почему только четырех?

— Неизвестными взорван арсенал. Оружия пока больше у нас нет.

Слово взял попечитель народного благосостояния:

— Нужно принять меры, в первую очередь касающиеся...

Но попечители так и не узнали, что он хотел сказать. За их спинами открылась потайная дверь и загремели выстрелы.

— Здесь не все, — сказал Эллис. — Птички выпорхнули. Недостает попечителя транспорта, внешних сношений и безопасности.

Эллис взял записку из рук мертвого Оуна.

— Дурачье! Вместо того чтобы искать нас, они принялись за комбинации с промышленностью. Итак, дело сделано. Перейдем в другое помещение, необходимо обратиться к народу с воззванием. Его выработкой мы и займемся.

Когда я догнал корабль аркосцев, то увидел, что обшивка его была во многих местах пробита микрометеоритами. А вот антенны, очевидно, повреждены крупным метеоритом. Сопла двигателей обгорели давно — и заметил я их только потому, что знал: они должны быть где-то там... Очень странная конструкция была у последнего корабля аркосской цивилизации. Вот, собственно, и все, что я смогу сказать Бэки. Погибший корабль. Я опустил на себя рычаг космического причаливания.

Огромные ангарные манипуляторы «Байкала» захватили эту машину и начали медленно втягивать в шлюзовую камеру. Автоматический регулятор манипуляторов прикидывал, как бы ловчее это сделать. Наблюдая на экране возню манипуляторов с кораблем, я невольно вспомнил прошлогоднюю рыбалку на

Земле. В сети запутались две рыбыны. Щука наполовину заглотала вторую, никак не хотела понять, что даже ее хищная пасть имеет ограниченный объем. Она била хвостом, но расстаться с добычей не могла. Вот и мои манипуляторы бьются, не понижают, и в шлюзовую камеру «аркосец» полностью не зайдет. И быть нам вместе, как той щуке с полузаглоченной добычей. Манипуляторы все же сработали на совесть. Минут за двенадцать «аркосец» почти до половины зашел в шлюзовую камеру. Еще через минуту сработала автоматика роботов, которые взяли на себя люк корабля. Железным «малышам» пришлось нелегко — кончилось все тем, что их электронные мозги приняли крайнее решение — я увидел на экране, как из железных лапищ заструились тонкие струйки лазера. Люк отпал, как засохший листик с ветки. И я услышал нечеловеческий вой.

Я бросился в шлюзовую камеру. Забыл, что нужно было отключить роботов. Их железные лапы цепко держали меня за локти. Я рванулся и, оставив в лапах этих бездушных истуканов всю верхнюю часть комбинезона, вошел в корабль. Роботы тут же включили сирену опасности. Я понимал, что сзади меня горит табло «Белковое существо опасно для человека!» — мои стражи наказывают меня за мой бунт. Перестраховщики! А белковое существо сидело в углу отсека и смотрело на меня.

Только потом я догадался, что он безумен. Когда, собрав все мужество, я улыбнулся ему, подошел ближе и заговорил, он, дико хрипя, по-обезьяньи запрыгал от меня в сторону. Я понял, что он испугался. Его желто-белые, слипшиеся в колтун волосы мешали рассмотреть лицо. Я не удержался, спросил:

— Кто вы?

Существо — мне было бы страшно назвать его человеком — ответило диким хохотом, на секунду притихло, и разум проблиснуло в его глазах:

— Крюгер.

Надеясь, что просветление продлится, я задал еще один вопрос:

— А где Гек, Грим, ваши спутники?

Если гримасу, искажавшую лицо Крюгера, можно назвать улыбкой, он улыбнулся. В глазах промелькнуло лукавство, и он заговорщицки подмигнул мне: поманил заскорузлой рукой в соседний отсек.

В углу были свалены человеческие кости.

— Пойдем в холодильный отсек, там интересно. — Звериным прыжком он подскочил ко мне и взял за руку. Роботы расценили этот жест по-своему. Они усыпили Крюгера.

...Не зная назначение этого отсека, я попал в него случайно. В нем я и нашел бортовые журналы. Они напоминали дневники. Потом я обнаружил подпись — «Полицейский инспектор Грим». Эти записи многое разъяснили мне.

ЗАПИСКИ ИНСПЕКТОРА АНРИ ГРИМА

Старт мы перенесли довольно тяжело. Сейчас включилось гравитационное устройство. Я пишу... Оун отказался вести борт-журнал. Незачем и не для кого. Я не верю в это. И надеюсь,

что мои записи будут прочтены. Даже если и прав пилот, распускаться нельзя, нельзя терять человеческий облик. Я определил себе занятие. Более почтенное, чем пьянство или брань. Мишле все время ругаются в своем отсеке. Крюгер сидит возле холодильника и пьет. Я пытался остановить его. Он сказал, что теперь нет разницы. Это после слов Оуна. Наверное, с них надо начинать. Когда мы вышли за гравитационное поле Аркоса, Оун начал было корректировать траекторию полета, но отказало рулевое управление. Он решил исправить поломку. Обнаружилось страшное: внутренний механизм ручного руля был полностью демонтирован. Об этом позаботились прежде, чем посадить нас сюда. Гек сказал, что ждал чего-то подобного. У Мишле — обоих сразу — случилась истерика, но и ее они направили друг против друга. Противно. Оун все время пытается что-то сделать.

Мы поспали. Прошли сутки. Оказалось, корабль наш движется по замкнутой эллиптической орбите. Без ручного управления делать нечего. Оун сказал, что можно надеяться на область притяжения Беаны. Гек добавил, что это наименьшее из зол — станем метеоритом и сгорим по всем правилам. Все стали ждать, что будет дальше.

К концу следующих суток Беану проскочили. Мы обречены. Оун сказал, что корабль проходит между двумя полями тяготения — Аркоса и Беаны. Мишле почему-то сказала, что даже бесцельный бесконечный полет — лучший выход из ее положения. Я промолчал. Хотя, наверное, именно мой рассказ пролил бы свет на причины нашего полета. Все ведь началось с того, что ко мне пришла Мишле. И рассказала следующее.

На Беане она была любовницей Морриса. Он неожиданно оставил ее, увлекшись Шейлой. На Аркосе, в отсутствие соперницы, Мишле захотела вернуть расположение Морриса. Напрасно. Из чувства мести сошлась с Крюгером. И Крюгер раскрыл ей тайну деморфина. Всем объявляли, что запрет на употребление деморфина членами ста трех семей вызван необходимостью экономить препарат, который нужен работающим. А Крюгер объяснил Мишле, что на самом деле все это потому, что деморфин действует на мозг и каждая таблетка уносит часть жизни. Конечно, госпожа Мишле удивилась, отчего же деморфин не запрещен повсеместно, а Крюгер ответил, что, мол, Моррису и так хорошо. Тогда у Мишле сложился план мести. Зная, что я вел расследование дела Бенца и, зная, видимо, что Шейла отвергла Морриса из-за меня, она решила именно моими руками доставить Моррису неприятности. В тот вечер госпожа Мишле дала мне в руки то недостающее звено преступления. Фактор, который я искал. Перелету могла помешать тайна деморфина. Вот истинная причина гибели Бенца. И вот его убийца — Моррис.

Итак, Бенца убил Моррис. Следы маленьких ног на вилле — камуфляж. Интересно, Вернер до сих пор ищет убийцу с маленькими ногами? Несомненные доказательства вины Морриса: показания госпожи Бенц, отстранение меня от ведения дела и поведение Морриса при нашей последней встрече.

Я тогда как бешеный ворвался к Моррису и потребовал полета на Беану. Моррис ответил, что всему свое время. И тогда я сказал, что в моих руках улики против него. По правде гово-

ря, их у меня еще не было. Моррис озверел, кинулся на меня с кулаками. Потом схватился за пистолет, орал, что он вне подозрений, что я слишком далеко зашел, слишком много себе позволяю. И, поигрывая оружием, вдруг сказал, что готов пойти мне навстречу. «Кажется, — ухмыльнулся он, — вы соскучились по госпоже Шейле?» Подтасовал личный мотив, мерзавец... «Если вы настаиваете, я готов предоставить вам возможность слетать за нареченной. Посодействую, найду вам и подходящую компанию». Это косвенное доказательство его вины: он решил избавиться от меня. И, конечно, уже в тот момент думал, что смерть от пули — жалкая кара для меня...

Застрелился Оун. В предсмертной записке он написал, что не может перешагнуть собственную беспомощность. Мы положили его тело в холодильный отсек. Кто знает, может быть, удастся похоронить когда-нибудь...

Когда спали, умерла госпожа Мишле. Первая жертва деморфина среди нас. Гек скис. И тут прорвало Крюгера. Его рассказ потряс нас. Меня он назвал недальновидным мальчишкой. В общем, никакого второго эшелона быть не должно. Списки первого эшелона — это сетка выживания на Аркосе. Она рассчитана на нужды возрождения цивилизации в условиях планеты Аркос. Словом, лишние рты не нужны... Чтобы похоронить эту тайну, в момент отлета с Беаны там были взорваны космический радиотелескоп и космическая антенна. Крюгер сам руководил работой саперов, а затем и расстрелом этих саперов. И, закончил Крюгер, у Морриса есть еще одна блестящая идея, как ограничивать население и держать его в узде. Подмигнул и пояснил, что саму идею нам знать необязательно, ибо она — дело будущего, до которого мы, естественно, не до янем.

Я сбился со счета. Кажется, летим тринадцатые сутки. Впрочем, впереди у нас вечность, так не все ли равно. Когда мы спали, умер Мишле. Сквозь сон я слышал стоны. Крюгер сказал, что у Мишле было больное сердце. Наше кладбище растет. Выбрасывать тела в пространство представляется мне кошмаром. Нашел какую-то астрономическую книжку Оуна. Там сказано, что космические тела, двигающиеся по свободной эллиптической орбите, могут сокращать диаметр своего эллипса. Интересно, мы летим по свободной траектории? Может быть, есть все же надежда? Крюгер смеется надо мной и пьет. Гек говорит о жене и дочери. Вслух вспоминать семью — его отрада.

Опять во сне слышал стоны. Даже показались шум борьбы. Гек умер. Сегодня восемнадцатые или двадцатые сутки. Мы остались вдвоем с Крюгером.

Двадцать восьмые или тридцатые сутки полета. Сегодня Крюгер проверил запасы. По его словам, лет на шесть, если экономить. Еще Оун говорил, что нам достался корабль, на котором транспортировали с Беаны провиант, но не успели разгрузить. Так поспешно нас отправляли. Можно считать, нам повезло. Крюгер зовет меня в холодильник — делить продукты. Бойтся, я его объем.

На этом записи инспектора Грима обрывались. Я сложил распавшуюся тетрадь.

Крюгер мирно спал под охраной роботов. Что же с ним делать? Может быть, медики найдут способ хоть ненадолго привести его в сознание? Он мог бы рассказать многое... Я перешел на рулевое управление и начал посадку.

Космодром базы был искорежен взрывом. Я с трудом вывел корабль на новый виток и совершил посадку в открытом море. Хорошо, что роботы приварили люк арковского корабля на место. Надеюсь, понтоны не подведут. «Байкал» не затонет.

Записки Грима я спрятал в водонепроницаемый пакет, за Крюгером оставил приглядывать роботов и спустил аварийную шлюпку. До берега было несколько морских миль. Мне повезло: полный штиль. Можно считать, повезло вдвойне: я вспомнил о гребном канале, по которому можно добраться прямо в город.

Город поразил меня. Даже в самые жуткие дни разгула коммиссии не видел его таким. То и дело я натывался на следы настоящих сражений.

Неподалеку от Верховного ведомства шла перестрелка. Вдруг на меня кинулись. Двоих я отшвырнул. Подбежал еще какой-то, с ножом, от него мне удалось влететь в первую раскрытую дверь — это оказался магазин.

Здесь было относительно спокойно, если не смотреть на убитых, не слышать, как стонут раненые. Живые методично вытаскивали из шкафов и холодильников припасы, сваливали их в мешки, засовывали в карманы. Некоторые ссорились, деля продукты.

Я скрылся за шкафом. Отсюда было видно, как тот, с длинным ножом, стоял в дверях. Видимо, он подкарауливал меня. Но через минуту его внимание отвлек сгорбленный старик, который пробирался к выходу, неся на вытянутых руках пакет. Мой страж пригрозил тому ножом, пакет отнял. Старик не сопротивлялся, но вернулся в магазин. Страж сел поперек двери, покопался в пакете и стал жевать, не сводя глаз с торгового зала. Я оглянулся и увидел пробоину в витрине, через которую вполне можно было пролезть. Пополз к ней. Вылез, только порвал карман комбинезона. Своего стража, не ждавшего меня со стороны улицы, я оглушил ударом кулака, и короткими перебежками отправился дальше. Подойти к Верховному ведомству мне не удалось. Площадь была оцеплена. Свернул в проулок и забрел в какой-то двор.

Там собирались кремировать трупы. Сверху тщательно уложенного жуткого людского квадрата я увидел еще более заострившееся костистое лицо моего тихого инженера.

Значит, Оун так и не оценил слова Крауфа... Я нащупал на груди водонепроницаемый пакет. Теперь мне оставалось идти только к Бэки. Поднимаясь по лестнице в ее квартиру, я мучительно думал, как рассказать Бэки о судьбе ее отца.

Дверь оказалась открытой, но Бэки дома не было. Я отправился в редакцию. В отделе информации «Вечернего Эпсилона» смиренно сидела секретарша.

— Где репортер Гек? — спросил я с порога. — На задании?

— Нет, — ответила она, и в глазах девушки я увидел испуг.

— Где я могу найти главного редактора? — Мне казалось, что

он либо разъяснит мне, где может быть его сотрудник, либо должен меня выслушать, — я машинально тронул свой пакет. Дело, требующее гласности, не должно пройти мимо серьезного руководителя печати.

— Он арестован новыми властями. — Она испуганно смотрела на меня. — Многие арестованы, кто поддерживал старый режим.

— А Бэки?

— Я вас узнала, — сказала девушка, — вы землянин. Бэки... — она на секунду осеклась, переводя дыхание, — не знаю, нет... — Она опустила глаза. — Не могу сказать.

— Где тюрьма?

Секретарь записала на листке бумаги адрес, спросила почему-то:

— Вы полагаете, она там?

Естественно, других предположений у меня не было. Я отправился на городскую окраину.

В караульном помещении тюрьмы со мной поначалу отказались разговаривать. Ждали подношения — слишком очевидно. Но что я мог предложить им?.. Я умолял отдать заключенную под расписку, разъяснял охранникам, что, когда выведу Бэки Гек на Землю, она не будет представлять никакой опасности для нового режима Аркоса, да и сейчас... Она обычная, слабая женщина... Надо мной потешались. Но тут пришел еще один охранник — повыше чином.

Шутя и балагуря, ему рассказали обо мне, о Бэки, с предложенной расписке. Тот пристально взглянул на меня и сказал:

— Начальник с ним разберется. — От этой короткой фразы как-то сразу стихли шутки.

Меня повели. За спиной зловеще щелкнули затворы. Тот, видимо, младший офицер, шел впереди, а позади чеканили шаг охранники. «Надо отсюда выбираться», — подумал я со странной отчужденностью, когда опять услышал лязг затворов. Передо мной распахнули еще одну дверь. Это была приемная начальника тюрьмы.

Охранники остались за дверью.

— Этот тип, — сказал офицер, — требует свою девушку, какую-то журналистку, говорит, увезет ее...

— Что, на Производственный? Опять... — раздраженно перебил его начальник, не отрываясь от бумаг, а тот продолжил:

— Подальше, пожалуй. На планету Земля.

Начальник хмуро глянул на меня, хотел что-то сказать, но тут зазвонил телефон, и я услышал доносившийся из трубки женский голос:

— По вашей просьбе соединяю с Кибритом Эллисом. — Я насторожился: то имя, которое упоминал Крауф.

— Да, — подтвердил начальник тюрьмы, энергично кивая головой, — попечитель безопасности уже опознан. Со вчерашней партией заключенных... Самые...

В трубке опять раздался рокошующий голос. Видимо, Эллис говорил что-то неприятное для начальника тюрьмы, потому что тот начал оправдываться в чем-то и вдруг сказал:

— Да, сойти с ума в этой обстановке легко. У меня, к примеру, сидит посетитель, который собирается лететь на Землю, только для полного счастья ему не хватает какой-то корреспонденции... Сейчас она под стражей в лазарете.

И когда Эллис что-то заговорил в ответ, лицо начальника тюрьмы напряглось, он поднял на меня встревоженные глаза.

— Будет исполнено, слушаюсь, ждем вас... — Повесил трубку и приказал: — В особую. Под двойную.

Офицер охраны протянул руку к кобуре.

Я понял — нельзя терять ни минуты.

Прием джиу-джитсу свалил с ног офицера охраны. Тяжелый двухтумбовый стол опрокинул начальника тюрьмы. Дверь я выбил ногой.

Когда стол опрокинулся, к моим ногам упал пистолет. Я поднял его и затаился у стены. Немного переждав, спокойно вышел во двор. Передо мной неожиданно появился дежурный.

— Ну что, нашел красотку? Если она не у нас, значит, приказала долго жить. Кто тебе пропуск подписал?

Я похолодел. Оттягивая время, принялся рыться в карманах. Дежурный ждал. Потом вдруг спросил:

— А есть ли он у тебя? — И подозрительно глянул мне в лицо.

Я сжал в кармане пистолет.

Но тут над двором застрекотал вертолет. Дежурный присвистнул и, мгновенно забыв обо мне, бросился к помещению начальника тюрьмы. Это был вертолет Эллиса — на нем светились опознавательные знаки бывшего Верховного ведомства.

Стоя у тюремной стены, я обдумывал свои возможности. Я один на один выхожу на вожака палачей — Эллиса. Здесь, в тюрьме, попочитель безопасности правительства Оуна. Он мой союзник, значит, его нужно освободить. Эх, где мои «железные малыши» с их лазерными пальцами... Впрочем, я не имею права выпускать их на поверхность обитаемой планеты. Они могут стать оружием насилия. И стали бы в этой ситуации, включившись на программу «космолетчику грозит опасность...».

К вертолету подали легкий трап, первым спустился аркосец в нарядном костюме. Судя по всему, это и был Эллис. Неплохо бы вытрясти из него душу! И тут у меня созрел план.

Едва Эллис и его сопровождающие отошли от вертолета, я направился к машине. Трап убрали. Но подтянуться на руках — дело пустячное. Рванул скобы дверцы — она легко отошла. В вертолете был пилот. Пришлось опять вспомнить борцовский ковер. Бросок через себя — надеюсь, я не очень повредил пилота...

Пока я был в безопасности. Но в кабинете начальника тюрьмы уже началась суматоха. Во дворе появились охранные отряды. Ясно, ищут меня. Дежурный дает указания, горячится, размахивает руками. Он видел меня последним...

Я включил двигатели. Наугад нажимая кнопки, нашел механизм цепляющего фала. Рванул вертолет хвостом к тюремному зданию, выпустил фал к оконным решеткам, крюком захватил одну из них на втором этаже, со всей силой потянул на себя ручку управления. Машина резко пошла вверх. Раздался страшный треск. Я оглянулся: решетки окон, видимо, были заблокиро-

ваны — обрушилось полстены. Из разлома посыпались люди. Охрана, преодолев минутную растерянность, бросилась к ним, выстраиваясь в цепь. Я сделал крутой низкий вираж. Уши ломило от грохота! Лопасты едва не касались людских голов. Я бросил фал к решеткам первого этажа. Заключенные, видимо, ждали этого. Они поспешили на помощь — кто-то ловил фал, цеплял его, кто-то помогал расчищать выломанную стену, помогал выбираться из-за нее людям... Пошла рукопашная.

Эллис! Он пробирался вдоль стены к воротам. Ну нет, этого я не могу допустить! Он не уйдет. Он останется здесь — живой или мертвый... Я посадил вертолет и бросился вдогонку. Эллис, лавируя среди толпы, шел к караульному помещению. Я кинулся наперерез. Он заметил меня и понял мой маневр. Долю секунды мы стояли друг против друга, словно каждый оценивал возможности противника. Эллис кинулся в сторону. Я упал ему в ноги, он неловко рухнул, на его пиджаке разошелся шов. За прореху в пиджаке я и уцепился. Но Эллис успел из него выскользнуть. Я выхватил пистолет. Эллис опередил меня — пуля обожгла мне предплечье. Прячась за спинами заключенных, он начал отходить. Стрелять я боялся — можно было задеть окружающих.

Вскоре я почти настиг его. Пистолет Эллиса дал осечку, и тогда он пошел в лобовую. Его удар пришелся по раненому предплечью. Я осел от боли. Он бросился, чтобы меня добить. Следующий удар — рукояткой — пришелся по голове, сознание поплыло. Я успел лишь подставить ногу. Он упал, но, быстро поднявшись, бросился к стоящему неподалеку тюремному грузовику.

— Держите его! — закричал я. — Держите!!!

Последнее, что я видел, это толпа, шарахнувшаяся от бешено мчащегося грузовика. Сидевший за рулем Эллис гнал машину к воротам. Удар, звон разбитого стекла — и машина исчезла за поворотом.

...Я очнулся от острой боли.

— Главное, кости целы, — надо мной склонилось лицо, показавшееся знакомым, — а мясо нарастет. Рана пустая, не тревожьтесь. Можете встать?

Я узнал его. Не мог не узнать, потому что надеялся на встречу с ним. Попечитель безопасности, поддерживая меня под руку, тихо сказал кому-то:

— Его тоже надо переодеть. Комбинезон и рана могут вызвать подозрение.

Портовый контроль, проверяющий пропуска у группы охранников, не обратил никакого внимания на человека в серо-полосатом костюме и грязной обуви. Группа в форме тюремной и полицейской охраны взяла торпедный катер и отправилась в открытое море. Контроль не видел, что этот человек, едва державшийся за поручни палубы, указывал дорогу.

ЭПИЛОГ

Когда все разошлись, у памятника остались двое.

Вилли Клаузен положил руку на плечо Мануэлы:

— Ваш дядя, кажется, знал его?

Мануэла Крауф, автор проекта, тихо ответила:

— И любил его. И спас его.

— Для того, чтобы землянин спас всех нас...

Они замолчали, глядя на силуэт стройного человека, протягивающего руки к миниатюрной аркосской женщине.

— Это она? — спросил Клаузен.

— Да, Бэки Гек. Вот судьба! Ведь и дядя любил ее...

— А на Беане мы поставили совсем другой памятник. Землянин у нас такой, каким мы его впервые увидели и запомнили: он выходит из своего корабля, в руках шлем, лицо, подставленное ветру..

И не сговариваясь, они подошли к пьедесталу, чтобы еще раз прочесть надпись:

«Планета Аркос говорит тебе спасибо, Человек Земли, за возвращение наших братьев, за правду, за большой мир».

На I, IV стр. обложки и на стр. 17, 55 и 69 рисунки Ю. МАКАРОВА.

На II стр. обложки и на стр. 2, 16, 70 и 94 рисунки И. АЙДАРОВА.

На стр. 95 рисунок В. ЛУКЬЯНЦА.

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и В. РЫБИНА

Редакторы выпуска С. ДЕМКИН, Е. КУЗЬМИН

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84.

Сдано в набор 09.01.84. Подписано в печать 15.02.84. А07957.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 275 000 экз. Це-
на 60 коп. Заказ 97.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сушчевская, 21.

УСЛОВИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

ЦК ВЛКСМ, Союз писателей СССР и издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» объявили постоянный Всесоюзный литературный конкурс имени Николая Островского на лучшее произведение о советской молодежи и Ленинском комсомоле.

На конкурс могут быть представлены рукописи романов, повестей, поэм, сборников стихов, рассказов, очерков, критических статей и публицистики, а также произведения, опубликованные в литературно-художественных журналах.

Произведения авторов из союзных и автономных республик должны быть представлены в художественном переводе на русский язык.

Итоги конкурса подводятся один раз в два года начиная с 1980 года.

Жюри рассматривает произведения, присланные до 1 июня в год подведения итогов.

Рецензии на произведения, поступившие на конкурс, авторам не высылаются.

Решения жюри будут публиковаться в печати ко дню рождения Николая Островского — 29 сентября.

Для победителей конкурса устанавливается десять премий, по 1000 рублей каждая.

Им присваивается звание

«Лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского»,

вручаются диплом и нагрудная медаль лауреата.

Произведения направляются по адресу:

103030, Москва, ул. Суцневская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» с пометкой «На Всесоюзный литературный конкурс имени Николая Островского».

Жюри конкурса

Игорь КОЗЛОВ — Чакрым

Александр КАЗАНЦЕВ — Колокол Солнца

Валерий ПРИВАЛИХИН — Таежный детектив

Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕНКО — Планета звезды
Эпсилон

Цена 60 коп.

